

Е.А. Прудникова

БИТВА ЗА ХЛЕБ

От продразверстки
до коллективизации

Мифы и правда истории

Мифы и правда истории

Елена Прудникова

**Битва за хлеб. От продразверстки
до коллективизации**

«ВЕЧЕ»

2016

Прудникова Е. А.

Битва за хлеб. От продразверстки до коллективизации /
Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ», 2016 — (Мифы и правда истории)

ISBN 978-5-4444-8573-6

Россия входила в XX век отсталой аграрной страной, сельское хозяйство которой застыло на уровне феодализма. Четыре пятых населения Российской империи проживало в деревнях, и большая часть крестьян даже впроголодь не могла прокормить себя. Две попытки провести аграрную реформу — 1861 и 1906 гг. — с треском провалились. Первая по причине лени и косности помещиков. Вторая — из-за инстинкта самосохранения крестьян. Пришедшие к власти большевики пытались поддержать аграрный сектор, но это было технически невозможно. Советская Россия катилась к полному экономическому коллапсу. И тогда правительство совершило невозможное, проведя невероятную по смелости аграрную реформу. И сразу же после ее окончания к власти в Германии пришел Гитлер. О да, конечно, это всего лишь совпадение, а не признание «мировым сообществом» того факта, что сама по себе Россия не развалится, и теперь ее придется уничтожить силой. Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4444-8573-6

© Прудникова Е. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Битва за хлеб	6
Введение	6
Часть 1. Вкус хлеба и крови	13
Глава 1. Голод	15
Голод как экономический фактор	15
Голод как образ жизни	24
Голод как социальный фактор	32
Глава 2. Ломы и приемы	41
У каждого своя свобода	42
С огнем не шутят	44
Гибельная справедливость	48
История продразверстки в России	51
К вопросу об игольных ушах	55
Глава 3. Диктатура хлеба	59
Главный наркомат	61
Продотряд + комбед в теории...	63
...И на практике	68
Продразверстка в документах эпохи	74
«За» и «против»	84
Глава 4. Три источника и три составных части	88
крестьянского бунта	
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Елена Анатольевна Прудникова
Битва за хлеб
От продразверстки до коллективизации

© Прудникова Е.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Битва за хлеб От продразверстки до коллективизации

– Дядечка, тот мальчик топил меня или спасал?

– Спасал, дуручка...

– А... за волосы... зачем?

Валентина Осеева. Динка

*Сквозь лохмотья и грязь, сквозь кровавые рубцы благословенная
подлинность пробивалась наружу, как источник из-под наваленных на
него камней.*

Элеонора Раткевич. Палач Мерхины

*Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас
наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин
владычествовал во мраке этих дней, но и Авель был среди сынов ее.*

Иван Бунин. Из речи на панихиде по Колчаку

Введение

...Итак, победоносное восстание закончилось. Утихли речи, погасли огни, разъехались по домам делегаты исторического II съезда Советов. Эйфория прошла, и кучка людей в Смольном осталась наедине с огромной, охваченной хаосом страной. Страной, в которой и в благополучные-то времена абсолютное большинство населения жило ниже черты бедности, а уж после трех лет войны и восьми месяцев безвластия, да еще при явно начинающейся новой войне...

Что думали и чувствовали простые люди Советской России, хорошо описал Георгий Соломон, который, возвращаясь весной 1919 года домой, так описывал свои первые о ней впечатления:

«Мне резко бросился в глаза внешний вид красноармейцев: босые, лохматые, одетые в какую-то рвань, не имевшую ничего общего с военной формой, изможденные, они производили впечатление каких-то бродяг... Окружив меня и моих спутников, стояли оборванцы с винтовками, босые, в фуражках и шапках, ничем, кроме своего оружия, не напоминавшие солдат. Они как-то виновато и смущенно переминались с ноги на ногу, не зная, как отнестись ко мне. Наконец один из них обратился ко мне с просьбой:

– Не найдется ли у вас, товарищ, папироски али табачку... смерть покурить охота.

Я дал им каждому по папироске. Покурили. Они стали меня расспрашивать, кто я, как и что... Поговорили на эту тему.

– А что, господин консул, – спросил один из них, – вам неизвестно, сказывают, скоро французы и англичане придут нас освободить... в народе много бают, так вот, вы не слыхали ли чего там, за границей?

– От кого освобождают? – спросил я.

– Да от кого же, как не от большевиков, – отвечал солдат.

– Ну, полно вам, ребята, языки чесать, нечего зря в колокола звонить, – оборвал его один из красноармейцев, оказавшийся старшим. – Так это они невесть что болтают, – заметил он, обращаясь ко мне, – пустомели...»

Как выяснилось, красноармейцы отражали общее настроение, которое постоянно подтверждалось по пути к Двинску.

«Грустная и тяжелая это была дорога. Мы ехали по разоренной стране. Всюду следы войны. Обгорелые остатки целых выжженных деревень. Кое-где встречались покинутые концентрационные лагеря, напоминавшие клетки для диких зверей. Мы ехали, вернее, тащились по лесам и пустыням, поросшим травой, вдоль запущенных полей, и мы почти не встречали скота, – все, или почти все, было реквизировано, перерезано... И всюду картины лишений, лишений без конца!»

...Уныние и полная безнадежность царили повсюду, и люди даже не скрывали своего отчаяния и в случайных беседах открыто жаловались на то, что большевики довели их своими реквизициями и всей своей политикой до полного разорения, полной нищеты, – что они постепенно перерезали весь скот... Сопровождавшие нас красноармейцы лишь подтверждали слова крестьян и тоже грустно и безнадежно вздыхали. Никто не скрывал своей ненависти к новому режиму, и все ждали освобождения извне, от французов, англичан, немцев... Поражало то, что никто не боялся говорить вслух о своей ненависти к большевикам и о своих „контрреволюционных“ надеждах и возжеланиях».

Таким было общее настроение населения Советской России в то время: «Кто бы пришел да ослобонил от большевиков». Настроение это обычно сохранялось до того момента, когда появлялись «освободители». А после их появления население уже через несколько месяцев, если не недель, начинало с тоской вспоминать красные ленты на шапках.

То, что «адмирал» Колчак воевал с красными в Сибири – общеизвестно. Менее известно, что он сделал практически невозможное: уже через полгода Сибирь была охвачена мощнейшим партизанским движением. Это ж надо уметь – сделать такое в регионе, где вдоволь земли, никогда не было помещиков и практически нет пролетариата, где большевики изначально не могли иметь народной поддержки.

Его высокоблагородие сумел. Как – о том вспоминает, например, генерал Гревс, командующий американским оккупационным корпусом в Сибири:

«В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось по 100 человек убитых антибольшевистскими элементами...»

...Усмирение Розанов¹ повел „японским способом“. Захваченное у большевиков селение подвергалось грабежу, мужское население ими выпарывалось поголовно или расстреливалось. Не щадили ни стариков, ни женщин. Наиболее подозрительные по большевизму селения просто сжигались. Естественно, что при приближении розановских отрядов по крайней мере мужское население разбегалось по тайге, невольно пополняя собой отряды повстанцев».

Но еще более впечатляет поведение колчаковского воинства при отступлении, когда ни о каком усмирении речь уже не шла. Одно из таких свидетельств сообщил врач из Красноярска Владимир Величко в своей возмущенной интернет-рецензии на фильм «Адмирал»:

«В 1978 году я, выпускник медицинского института, приехал работать в маленький городок, расположенный на Транссибирской магистрали. В Гражданскую войну железнодорожная станция этого городка называлась Клюквенная, а фронт – Клюквенским. Здесь происходили наиболее ожесточенные сражения белых и красных. Однажды пришлось мне познакомиться с пациентом – старым, девяностолетним дедом. Вот его слова о колчаковцах:

„Когда их погнали от Омска на восток, они на каждой станции вешали и расстреливали десятками, если не сотнями человек. Делали они это так. Между крышей высокой водонепорной баини и ее кирпичной стенкой они просовывали десятка два оглоблей и развешивали гирлянды. Хватали и вешали без разбора – женщин, детей, стариков. Моего деда, которому тогда было за восемьдесят, – повесили. Еще они делали так. Связывали жителей по двое,

¹ И.о. генерал-губернатора Енисейской губернии.

спина к спине, и кидали на рельсы. После этого пускали паровоз. Это колчаковцы называли – смазать рельсы! Иногда на рельсы они укладывали людей на протяжении двухсот – трехсот метров. Сколько было крови... Кроме этого, они в теплушках привозили избитых и раненых людей – видимо, из Красноярска, это 120 км от Ключвенной. Их выкидывали из вагонов и вязали спина к спине. Женщин и мужчин связывали лицом к лицу. Вязали очень плотно. Потом их раскладывали на рельсы, офицеры поднимались в кабину паровоза, и он шел по людям. Кого резало колесами, кого давило днищем паровоза. Некоторые умудрялись выкатиться на обочину, этих, когда паровоз проходил, не убивали, а смеялись, что Бог их спас“.

Дедушка этот сам не видел ни разу, как паровоз проходил по телам связанных людей, но два раза видел, ЧТО оставалось от раздавленных, и его заставляли убирать трупы и копать могилы для таких. Часть трупов топили в болоте на окраине станции».

Мы хорошо знаем другую войну, в которой отступавшие войска творили нечто подобное, – Великая Отечественная, «тактика выжженной земли» Адольфа Гитлера. С двумя пунктами расхождения. Во-первых, гитлеровцы применяли подобные методы к *чужому* народу, а во-вторых, уважающие себя немецкие военные, тем более офицеры, брезговали заниматься подобной работой. Есть сведения, что попытка использовать войска СС в качестве карателей в Ленинградской области едва не вызвала бунт.

Воинство «Авеля»... ну вы ведь прочли, так о чем еще говорить?

Самостийную Украину «освобождали» немцы – и уже к лету получили такую народную войну, что вынуждены были держать там миллион солдат. Ну а уж те места, которые «освобождала» Добровольческая армия, особенно казаки...

Василий Галин в своей книге собрал свидетельства очевидцев о том, как происходило освобождение. *«Специальные отряды (деникинских войск) не жалели шомполов и виселиц для непокорных. Тех, кто не давал продовольствия, расстреливали на месте. Еще сильнее приток в отряды повстанцев увеличился после того, как каратели, не добившись от крестьян добровольной сдачи оружия, стали сжигать целые деревни»...*

«Железный поток» читали? Суть этой книги в том, что, когда в 1918 году красная Таманская армия отступала, население иногородних станиц, побросав дома и имущество, наскоро покидав в телеги детей, кинулось следом за армией. Не иначе, сторонники Каина боялись взглянуть в лицо воинам его белокрылого брата, отчего же еще-то? Нельзя же верить клеветническим рассказам о том, как казаки лютовали в иногородних станицах...

На этом фоне Тухачевский со своими смешными приказами всего-то о газовых атаках на повстанцев да о расстреле старшего работника в семье (которые, кстати, не факт, что и выполнялись) смотрится безнадежным гуманистом.

* * *

Небольшевистские варианты развития событий в России прогнозируются, в общем-то, без особого труда. Если окончательную власть возьмет Учредительное собрание, результатом станет очередное бессильное правительство и в лишенной власти стране начнется война всех против всех: между городом и деревней, между людьми в городах за хлеб, а потом между крестьянами за остатки промышленных товаров. То, что уцелеет в итоге, возможно, частично кто-нибудь колонизирует, прихватив экономически ценные районы: Украину, Баку, Урал. На остальной территории тоже останется какое-то население и будет как-то жить... Может быть, даже неплохо, ибо оставшиеся не станут испытывать земельного голода. Если выживет процентов двадцать населения, то, соответственно, земли у них будет в пять раз больше, а при таком раскладе вполне можно прокормиться и даже вывозить хлеб за границу. С точки зрения

либерализма это наилучший вариант: демократические свободы соблюдены, *священное*² право частной собственности не тронуто, а что людишки померли... ну что ж, за прогресс надо платить.

Могли еще победить белые. Что бы ни изображали они на своих знаменах, каковы бы ни были их взгляды, одно неизменно – они стояли за прежнее *сословное* общество. А стало быть, всяк сверчок знай свой шесток.

В этом случае прогноз еще проще. Для начала им пришлось бы поставить на место возмнившего о себе «хама», то есть усмирить страну. Средство усмирения простое – расстреливать до тех пор, пока население не падет на колени; тех, кто падет, отфильтровать, виновных тоже расстрелять, невиновных перепороть и вернуть в исходную грязь, из которой те вылезли. Деникин был не самым кровавым из белых вождей, однако 24 ноября 1919 г. Особое совещание при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России приняло закон, согласно которому после их победы все, кто виновен в подготовке захвата власти Советами, осуществлял или содействовал осуществлению задач этой власти, был членом РКП(б) или иных организаций, причастных к ее установлению, приговаривались к лишению всех прав состояния и смертной казни. Вот и прикиньте на досуге масштаб «возмездия». До миллиона бы всяко дотянули...

Зато часть экономических проблем удалось бы решить. В частности, проблему сельского хозяйства. Вместо жуткой Столыпинской реформы³ можно, если не играть с крестьянами в справедливость, отобрать землю у мужиков, наградить ею победителей и возродить крупные хозяйства. Сельское население, не пригнотившееся в качестве батраков, разумнее всего предоставить его собственной судьбе: кто-то при этом помрет, а кто-то и выживет. Да и промышленности будет дан толчок – после такого усмирения люди станут работать за кусок хлеба, и никаких профсоюзов. А если нет профсоюзов, то можно не заморачиваться охраной труда. В результате соединенного действия всех этих факторов вскоре в России останется ровно столько людей, сколько нужно для экономики. Правда, есть еще проблема внешнего долга, которая, скорее всего, приведет к экономической колонизации – но при *сословном* обществе для верхов она решается просто: местные князьки получают должности в колониальной администрации. А низы – кто их спрашивает? Будут бунтовать, еще раз усмирим.

Ой, какие я странные вещи говорю! Ну да, конечно, в Ъ-книжках такого не найдешь. В них не говорится, как Солдаты Порядка собирались решать российские экономические проблемы. Там повествование ведется так, словно бы этих проблем и нет вовсе. Прямо как у сомоновских красноармейцев: придут освободители, большевиков выгонят, всех накормят, штаны выдадут и нос вытрут. А потом начнется идиллия.

Но ведь проблемы-то – есть!

Заводы – стоят! Не большевики их останавливали, это у «временных» само по себе вышло, но факт налицо. А раз нет промышленности – то нет и товаров. Нет товаров – нет торговли. Нет торговли – нет хлеба. А без хлеба города обречены на смерть. Ну как тут без реквизиций? Можно, говорите? Ну-ну, и как именно? Соблюдать священный принцип свободной торговли? А то, что миллионов двадцать – тридцать – сорок перемрут, это... Ах, да, sorry, конечно же, за прогресс надо платить...

Мой респект господам либералам. Правильно заметил фантаст Евгений Лукин: стоит интеллигенту переступить некую внутреннюю грань, и бандиту рядом с ним становится нечего делать.

...Какое бы правительство ни пришло в Зимний или же в Кремль, оно все равно ввело бы карточное распределение (если ему было не совсем наплевать, перемрет народ с голоду или

² Нет, ну мне все ж таки очень интересно: с позиций какой религии право собственности является священным?

³ Почему жуткой – о том ниже.

нет), военное положение, реквизиции, и в любом случае никуда бы не делись все те же разруха, голод, тиф. Разница была бы в последующем положении России, а в текущем – ни малейшей, ибо механизмы – запущенные, кстати, задолго до Октября – продолжали работать, ставили перед любой властью совершенно одинаковые задачи и определяли совершенно одинаковые способы их решения.

Так что не надо нам песен о злых большевиках – они были далеко не самым плохим из возможных правительств. В отличие от «временных», они все же имели какую-то силу и политическую волю; в отличие от белых, воспринимали в качестве «своих» не несколько процентов, а подавляющее большинство населения, откуда автоматически вытекают меньшие масштабы террора: у большевиков было значительно меньше «классовых врагов». Они смогли хоть и плохо, но как-то кормить города и не быть сброшенными крестьянской войной – то есть владела искусством лавирования между бездной и пропастью. Тиф... Ну тут уж ничего не поделаешь, вошь политикой не интересуется, ей наплевать, кто у власти. И на белых территориях, кстати, тиф свирепствовал еще больше, чем на красных, поскольку красные пытались хоть как-то организовать медицинское обслуживание не только армии, но и населения.

Так что не стоит обольщаться: лучше бы не было. А то, что в народных низах большевиков не любили... так кто и когда любит реальных правителей в трудные времена? Их полюбят потом, спустя двадцать лет, когда они поднимут страну и сумеют ее накормить. А пока что советской власти приходилось быть *насильно милой*, ибо ничего из того, что обещала, она дать не могла. Кроме разве что восьмичасового рабочего дня – но что в нем толку, если рабочий не может за эти восемь часов заработать даже на кусок хлеба? А уж крестьянский идеал, сформулированный еще в 1881 году в прокламации общества «Земля и воля»: «Забрать свою землю, податей не платить и рекрутов не давать», – недостижим ни при каком правительстве, даже при самом разнузданном царе. И так было в масштабах всей страны, в каждой губернии, в каждом уезде, в любом отдельно взятом Совете, и улучшения в ближайшем будущем не предвиделось.

Это одна сторона проблемы – объективные обстоятельства. У нас еще будет возможность их прочувствовать глубоко и конкретно. А ведь была и другая сторона управленческой действительности того времени. Имя ей – кадры.

* * *

В русской революции партия большевиков показала себя самой надежной и организованной силой, опираясь на которую Ленин со товарищи сумели *взять* власть в нескольких крупных городах России. Теперь, опираясь ровно на ту же партию, им предстояло *осуществлять* эту власть по всей стране. Работа в предыдущие двадцать лет у них была поставлена неплохо, так что некоторый кадровый мобзапас имелся. Однако если прикинуть масштаб предстоящей битвы за государственный порядок, то большевистское руководство оказалось в положении Золушки: надо рассортировать мешок зерна двумя руками за одну ночь. А вместо доброй феи – белогвардейцы...

Какое-то очень недолгое время большевики надеялись, что партия останется *политической* организацией и будет через своих членов политически контролировать работу Советов, ведомств, разного рода комитетов и пр. Но на деле вышло иначе. Очень быстро выяснилось, что хаос организаций, комиссий и ведомств если и может как-то управляться – то только одним способом, а именно по партийным каналам. Поскольку каждый начальник отдела в райсовете, каждый командир красногвардейского отряда, каждый член любого комитета имел о происходящем свое мнение и приказы, с этим мнением расходящиеся, попросту не исполнял – то выход был один: поставить во главе каждой структуры большевика и попытаться «построить» ее, используя партийную дисциплину... если первичная партийная организация согласна с гене-

ральной линией партии. Если же не согласна, начиналось черт знает что в заводском, районном и уездном масштабе.

(Пример? До последнего времени я считала, что распоряжение о расстреле царской семьи пришло из Москвы. В этом действии, конечно, был некий политический смысл, и Ленин со Свердловым могли распорядиться. Но теперь думаю, что официальное большевистское объяснение куда более правдоподобно. Уральский Совет действительно мог принять это решение самостоятельно. Они там, на местах, еще и не такие решения принимали. Ну а Ленин со Свердловым, узнав об этом, им *приказали* (и не факт, что не задним числом), поскольку отлично понимали, что в Екатеринбурге как захотят, так и сделают, и надо было хотя бы вывеску государственной власти соблюдать. Свердлов-то уж точно понимал – сам начинал на уральских заводах⁴.)

...И едва дошло до конкретного дела, тут же выяснилось, что у партии катастрофически не хватает сил. Почти сразу большевики махнули рукой на какой бы то ни было политический контроль – да черт с ней, с политикой, лишь бы как-то наладить распределение хлеба и движение транспорта! Под угрозой оказалась работа в массах, которой традиционно была сильна РСДРП(б). Обезлюдели первичные организации – все мало-мальски пригодные к делу люди уходили на государственную работу или шли драться с белыми. Уже в ноябре 1917 года партийная работа в Петрограде по сути прекратилась. Молох государственного управления попросту проглотил небольшую большевистскую партию и не то что не поперхнулся, но легко съел бы в десять раз больше и не насытился бы.

Выход оставался один – плохой, но без альтернативы. Партию начали усиленно увеличивать. Типичной стала ситуация, когда человек вступал в РКП(б), через месяц-другой, если не раньше, попадал на ускоренные партийные курсы и, едва закончив их, а то и не закончив, уходил на ответственную работу. Сплошь и рядом было этому члену партии лет двадцать от роду; образование он имел церковно-приходское; не то что о марксизме, но даже о программе собственной партии представление имел самое туманное, ибо употребляемых в ней слов попросту не понимал; а метод работы знал только один: глотка – мордобой – револьвер⁵.

Разве можно такого кадра ставить на руководящую работу? Нет, конечно. Надо искать кого-то другого...

А других – не было!

Этих полуобученных мальчишек бросали на власть, как на вражьи окопы: кто не погибнет, тот прорвется. Одни действительно погибали: от тифа, на войне, от вражеской пули из-за угла или от своей по приговору Коллегии ВЧК. Другие прорывались, дорастали до высоких постов, но редко меняли стиль руководства, усвоенный на Гражданской войне: глотка – мордобой – револьвер. Большая часть этих безумных выдвиженцев навсегда успокоилась в подвалах НКВД в тридцать седьмом году, перед тем наломав немыслимое количество дров. Однако дело свое они сделали: сумели поднять и удержать страну, пока власть выращивала им нормальную, вменяемую смену.

Пулю свою от ребят из НКВД эти товарищи заслужили, иные – пять раз, а иные – и сто пять. А вот камня от потомков – нет. Потому что если бы не они, так не было бы у нас мягких диванов. А если нет диванов – так на чем лежать и разводить мораль о сытых волках и целых овцах?

⁴ В пользу этой версии говорит и то, что расстреляли всех. Москва могла распорядиться о казни царя и царицы, в крайнем случае – наследника. Но в расстреле девушек, а тем более слуг не было ни политического, ни какого-либо иного смысла, а по репутации правительства сия акция была наотмашь. Ленин такие вещи понимал, а вот что творилось в головах екатеринбургского начальства – тайна великая.

⁵ Например: а какие политические взгляды были у Павки Корчагина, героя культовой книги довоенного времени? В более позднее время такой вопрос не возникал, поскольку молчаливо предполагалось, что они совпадали с «генеральной линией партии». Но из текста книги совершенно не следует, что ее герой вообще представлял себе политику «генеральной линии» иначе, чем в самых простых лозунгах.

Итак, с чего начинали большевики? С одной стороны, тяжелейшие объективные обстоятельства, требующие для своего преодоления громадных денег, налаженного государственного механизма, обученных кадров. С другой стороны, разоренная страна, развал всех управленческих структур и банда полуграмотных отморожков, с помощью которых предстояло эти обстоятельства преодолеть. И в качестве единственной альтернативы – «нулевой» вариант: развал страны и вымирание населения. Причем в обоих случаях: если бы большевики не справились и если бы они ушли.

Нет, возможно, в случае победы белых Россию тоже удалось бы вытащить из ямы. Вот только с чего вы взяли, что это обошлось бы меньшими жертвами? А если не меньшими – так о чем, собственно, спор?

Часть 1. Вкус хлеба и крови

Действительно можно говорить о том, что наследие Октября преодолевается. Современные люди готовы учиться у прошлого. Значит, истории возвращено право голоса. Это нормальная консервативная позиция... Мертвые должны участвовать в наших референдумах, и они голосуют, как обычные крестьяне – крестиками.

Протоиерей Андрей Кураев

Ну уж коль скоро решено привлечь к участию в наших референдумах мертвых – то неплохо бы и поинтересоваться: а что они могут сказать? Ибо отец протоиерей явно уверен, что мужики того времени предадут большевиков анафеме. Нет, к отцу Андрею претензий никаких, поскольку он является специалистом по богословию, не по истории, а тот хитрый подлог, жертвой коего он пал, еще распознать надо!

Какова общепринятая точка зрения на взаимоотношения большевистской власти и деревни? «Белая» позиция: большевики обманули и ограбили деревню, не дав ничего взамен, а потом залили ее кровью, подавляя крестьянские восстания. «Красная»: большевики, чтобы обеспечить голодающее население городов, вынуждены были пойти на реквизиции хлеба, т. е. прямой грабеж деревни, и, естественно, крестьянам это не понравилось, так что их пришлось усмирять силой.

Действительность же, как водится в данной теме, не совпала ни с одной из общепринятых позиций, обернувшись совершенным сюрсом. Ибо, как говаривал в свое время товарищ Сталин, «не так все было».

Действительно, большевики, взяв власть, сразу же оказались перед призраком голода⁶. По состоянию на 26 октября хлеба в Петрограде было на половину дня. Кое-что дали тотальные реквизиции всего продовольствия – все-таки спекулянты придерживали немалые запасы. Но в целом города голодали. Весной 1918 года в Петрограде одно время хлебный паек составлял 50 г в день, в Москве – 100 г. В июне в Северной столице несколько недель давали по карточкам только семечки и орехи.

После заключения Брестского мира и отторжения Украины страна сразу потеряла половину хлебных запасов (350 из 650 млн пудов). Из оставшегося 110 млн пудов приходилось на Северный Кавказ, 143 млн – на Степной край и Западную Сибирь, края, на которые уже надвигалась тень Гражданской войны. Железные дороги были в ужасающем состоянии. Донецкий бассейн, снабжавший страну углем, также оставался на Украине. Паровозы ходили на дровах (что, кстати, отражено в знаменитом фильме «Неуловимые мстители»).

К маю положение с хлебом стало катастрофическим. 9 мая была введена продовольственная диктатура. Декретом Совнаркома предписывалось сдавать все излишки зерна сверх минимума, необходимого для пропитания крестьян до нового урожая, и семенного фонда. Зерно должно быть сдано в течение недели. Все крестьяне, не выполнившие этого распоряжения, объявлялись «врагами народа» и подлежали суду революционного трибунала. Наказание устанавливалось следующее: десять лет каторжных работ, лишение всех прав состояния и исключение навсегда из общины.

Суровость предполагаемых мер компенсировалась невозможностью их реализации. Как выполнить декрет? Сделать это можно было лишь одним образом: взяв хлеб силой. Сила была

⁶ Напомню, что голодать Россия начала раньше. Согласно свидетельству генерала Деникина, летом 1917 года в армии хлебный паек составлял полтора фунта (600 граммов) хлеба. Для населения в крупных городах он составлял 0,6 фунта (300 граммов).

одна: армия. 26 мая 1918 года Ленин пишет «Тезисы к текущему моменту», в которых основной задачей Красной Армии (во время войны!!!) ставит заготовку хлеба.

«1) Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат – т. е. сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны – на 3 месяца: июнь – август.

2) Объявить военное положение во всей стране на то же время.

3) Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива.

4) Ввести расстрел за недисциплину.

5) Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба и по реальным результатам проведения сбора излишков хлеба.

6) Задачами военного похода должно быть поставлено:

а) сбор запасов хлеба на прокормление населения;

б) то же – для 3-месячного продовольственного запаса для войны;

в) охрана запасов угля, сбор их, усиление производства.

7) В отряды действующей (против кулаков и пр.) армии включить от 1/3 до 1/2 (в каждый отряд) рабочих голодающих губерний и беднейших крестьян оттуда же.

8) Обязательными для каждого отряда издать две инструкции:

а) идейно-политическую, о значении победы над голодом, над кулаками, о диктатуре пролетариата, как власти трудящихся;

б) военно-организационную, о внутреннем распорядке отрядов, о дисциплине, о контроле и письменных документах контроля за каждой операцией и т. д.

9) Ввести круговую поруку всего отряда, например, угрозу расстрела десятого, – за каждый случай грабежа.

10) Мобилизовать все перевозочные средства богатых лиц в городах для работы по свозу хлеба; мобилизовать на должности писарей и приказчиков состоятельные классы.

11) В случае, если признаки разложения отрядов будут угрожающе часты, возвращать, т. е. сменять, „заболевшие“ отряды через месяц на место, откуда они отправлены, для отчета и „лечения“.

12) Провести и в Совете Народных Комиссаров и в Центральном Исполнительном Комитете:

а) признание страны в состоянии грозной опасности по продовольствию;

б) военное положение;

в) мобилизацию армии, наряду с переформированием вышеуказанного типа, для похода за хлебом;

г) в каждом уезде и волости с избытками хлеба составить тотчас списки богатых землевладельцев (кулаков), торговцев хлебом и т. п., с возложением на них личной ответственности за сбор всех излишков хлеба;

д) в каждом военном отряде назначать, – хотя бы по одному на десять, примерно, человек, – людей с партийной рекомендацией РКП и левых социалистов-революционеров или профессиональных союзов...»

Есть еще и тринадцатый пункт – но о нем несколько позже. Пока что достаточно и первых двенадцати.

Данный документ – отнюдь не политика большевиков по отношению к крестьянству, как принято думать. В этом случае его не отделял бы от Октября полугодовой промежуток. Это – следствие долгих, отчаянных и безуспешных попыток хоть как-то накормить страну. И сами меры носят совершенно отчаянный характер в прямом смысле – то есть приняты от отчаяния. В этом документе все сразу: и призрак голодной смерти для городов – не через полгода

или через месяц, а прямо сейчас, и жуткая кадровая проблема, когда государственные задачи приходится решать с помощью полубандитов, перемешанных с откровенными бандитами, и бессильные попытки хоть как-то наладить дисциплину. Не знаю, применялась ли в реальности хоть раз древнеримская децимация – расстрел каждого десятого, но кричали о ней постоянно. С другой стороны, за мародерство во многих армиях расстреливают, и если в грабеже участвует весь отряд, то децимация – мера чрезвычайно гуманная.

В общем-то, коли вынести за скобки демократическое словоблудие и посмотреть с позиций государственного управления – нормальный, вполне соответствующий расхожим представлениям о времени документ. А вот тринадцатый пункт...

Глава 1. Голод

*Хлеб наш насущный даждь нам днесь...
Молитва «Отче наш...»*

Тринадцатый пункт выглядел следующим образом:

«13) При проведении хлебной монополии признать обязательными самые решительные, ни перед какими финансовыми жертвами не останавливающиеся меры помощи деревенской бедноте и меры дарового раздела между нею части собранных излишков хлеба кулаков, наряду с беспощадным подавлением кулаков, удерживающих излишки хлеба».

Этот пункт поворачивает проблему совершенно другой стороной. То, что большевики с помощью реквизиций выкачивали хлеб из деревни и кормили города – это *нормально*. Но кроме того, за счет тех же реквизиций они должны были кормить и деревню, и голодные бунты первыми начались тоже не в городах. Это не просто ненормально, это показывает, что чего-то главного мы в ситуации категорически не понимаем.

И в самом деле, не понимаем. А именно: того факта, что русский мужик-хлебороб к тому времени стал фигурой виртуальной. Города начали голодать к семнадцатому году. Русская деревня голодала уже как минимум 50 лет.

Голод как экономический фактор

*– Нет,
не помогут!
Надо сдаваться.
В 10 губерний могилу вымеряйте!
Двадцать миллионов!
Двадцать!
Ложитесь!
Вымрите!..
Владимир Маяковский. Сволочи!*

Если почитать газеты семнадцатого года, можно подумать, что основная проблема российского сельского хозяйства – нехватка земли. О ней кричат политические партии, крестьянские съезды, солдатские комитеты. Окинув взором карту нашей Родины, от таких заявлений в пору оторопеть.

Пресловутый «климатический фактор» тоже не объясняет всего. В XVII веке, в Смутное время, был большой голод: народ начал голодать на третий год, после двух абсолютных неурожаев. Правда, тогда в России было мало людей и, соответственно, очень много земли на душу населения. Но ведь и после сталинской коллективизации, при постоянном увеличении населения, к теме голода больше не возвращались. Да и во время войны, притом что огромное количество земли находилось под немцем, а мужчины воевали, смертельного голода тоже не

было – недоедали, конечно, но не умирали. Даже ополовиненное сельское хозяйство Советского Союза кормило и армию, и страну. Стало быть, дело не в земле и не в ее количестве, а в чем-то другом.

Вернемся снова в 1861 год – год великой реформы, покончившей с рабовладением⁷ в России и поставившей сельское хозяйство страны на путь, ведущий в абсолютный тупик.

Уникальность русского пути в том, что собственником крестьянской земли стала община – крестьянское общество, «мир». Кто-то говорит, что это хорошо, кто-то – что плохо, но нигде я не встретила анализа: почему это произошло? За исключением словес, что крестьянство, мол, консервативно, рассуждений о «стихийном коммунизме», «русской душе» и пр.

Кстати, о консерватизме. Нет более далеко отстоящих друг от друга вещей, чем консерватизм и работа на земле, – с этим согласится любой владелец шести соток. Соответственно, во всей русской истории едва ли можно найти менее консервативный слой, чем крестьяне. Крестьянин гибок, мобилен, практичен и изворотлив. Это вытекает в первую очередь из самой особенности работы на земле. Рабочий встает к станку и точит деталь по чертежу. На земле чертёжей нет. Каждый год для землепашца – это новые задачи в новых условиях. Каждая неделя уникальна – от погоды до не вовремя захромавшей лошади. Каждый день крестьянин решает множество ежечасно возникающих задач. Подобных все время меняющихся условий не знает никто – разве что полководец на войне, но ведь война бывает не каждый год, а хлеб надо растить постоянно.

Крестьяне очень быстро реагировали на любые новшества, от технических до политических. Уже во второй половине XIX века, по данным российских этнографов, около 18 % литературы, которую читали на селе, были научные и технические книги (на первом месте – около 60 % – «божественные»). А уж если говорить об экономике, то едва ли можно найти другую хозяйственную единицу, более гибкую, чем крестьянский двор. Иначе и нельзя – та же захромавшая лошадь может поставить хозяйство в совершенно новые экономические условия.

В качестве примера можно привести историю с травопольем в Московской губернии⁸. В 1892 году два селения Волоколамского уезда завели у себя правильное травопольное хозяйство. К 1898 году таковых было уже 414, а в 1909 году – 1651, или около 28 % всех общин Подмосковья. Учитывая, что перед тем как заводить у себя новый способ хозяйствования, надо к нему еще присмотреться, причем занимает это не один год, скорости принятия решения просто фантастические.

Кстати, после Февральской революции наиболее политически активным слоем были именно крестьяне, причем они очень хорошо знали, чего хотят от революции. Они вообще, как правило, точно знают, чего хотят – и поэтому иногда кажутся консервативными. Но казаться и быть – это очень разные вещи.

Вернемся в 1861 год, год великой реформы. Выглядит она, по нынешним понятиям, несколько диковато. Впрочем, по тогдашним меркам она тоже не являлась образцом справедливости и человеколюбия.

Государство не обидело помещиков. До тех пор земля четко делилась на две части: помещичья и крестьянская. Российское крепостное рабство несколько отличалось от классического. Классический раб трудится на хозяина и получает от него кормежку. Русский крепостной раб по обязанности трудился на хозяина, а вместо кормежки получал от него клочок земли, на котором должен был «в свободное время» выращивать для себя пропитание.

⁷ Как нас учили в школе, основное отличие феодализма от рабовладения – то, что при феодализме крестьянина нельзя продать отдельно от земли.

⁸ Способ хозяйствования на земле, включающий выращивание кормовых трав.

Реформа оставляла за крестьянами их наделы, а взамен они должны были «компенсировать» помещику их стоимость⁹.

«Было утверждено „временнообязанное“ состояние, – пишет историк Кара-Мурза, – крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и пришлось издать закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю...»

В принципе, государство могло просто поделить землю: барам – барские поля, крестьянам – крестьянские. В этом случае помещик все равно не был бы обижен, он получил бы столько же земли, сколько по факту имел раньше. Если так совсем уж не складывалось, можно было дать крестьянам беспроцентную ссуду. Однако доброе государство не только себя не обидело, но также прокрутило под «реформу» совершенно замечательный гешефт.

*«...заплатило помещикам плату за землю и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки **выкупные платежи**. Фактически крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю».*

«Ссуда» давалась на 49 лет под 6 % годовых – по тем временам это был высокий процент. Фактически крестьяне заплатили за землю четырехкратную цену. Но насколько велики были сами платежи?

Они исчислялись, исходя из уплачиваемого крестьянами оброка, и составляли, в разное время по разным сделкам, от 19 до 30 руб. за десятину. По данным 1882 года, выглядело это так. В Дмитровском уезде Орловской губернии надел помещичьих крестьян составлял 2,5 десятины¹⁰ на мужчину. Выкупные платежи составили 2,12 руб. за десятину, или около 5,30 руб. на человека в год. В Дмитриевском уезде Курской губернии цифры были такие же. Соответственно, семья, имевшая двоих мужчин (любого возраста), должна была платить в год около 10 рублей выкупных платежей. Много это или мало?

Двадцать лет спустя в Московской губернии средний доход от крестьянского хозяйства составлял 22–26 руб. в год, притом что деньги за двадцать лет подешевели. А ведь кроме выкупных платежей, существовали еще и другие налоги.

По подсчетам Карла Маркса, который использовал «Труды податной комиссии» Российской империи:

*«...Бывшие **государственные** крестьяне вносили налоги и подати в размере 92,75 % своего чистого дохода от хозяйствования на земле, так что в их распоряжении оставалось 7,25 % дохода. Например, в Новгородской губернии платежи по отношению к доходу с десятины составляли для бывших государственных крестьян ровно 100 %.*

*Бывшие **помещичьи** крестьяне платили из своего дохода с сельского хозяйства в среднем 198,25 % (в Новгородской губернии 180 %). Таким образом, они отдавали правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же из заработков за другие работы. При малых наделах крестьяне, выкупившие свои наделы, платили 275 % дохода, полученного с земли!»*

На современном языке такие условия хозяйствования называются запретительными. Точнее, запретительными сейчас считаются условия, при которых налоги составляют больше 40 % дохода. Как должны были выкручиваться тогдашние мужики?

В 1881 году выкупные платежи были снижены на 1 рубль с человека. Причина проста: крестьяне стали отказываться от земли. В той же Московской губернии в первые двадцать послереформенных лет землю нередко разверстывали насильно, или, как говорили сами крестьяне, *наваливали*. Местные власти были буквально завалены жалобами крестьян на чрезмер-

⁹ На самом деле по ходу размежевания помещики еще и прихватили себе от 20 до 40 % крестьянской земли.

¹⁰ Десятина – около 1,1 гектара.

ное обременение земель. Кроме того, колоссальные налоги обернулись столь же колоссальными недоимками. Лишь после снижения размера платежей землю стали брать. Но ведь это Московская губерния, население которой, по причине близости к столице, могло иметь приработки. А как выкручивались жители сельскохозяйственных регионов?

По сравнению с этой коммерческой операцией большевики со своими добровольно-принудительными займами выглядят совершенными вегетарианцами. Не зря еще долго после 1861 года гуляли по стране наивные слухи о том, что помещики, мол, спрятали настоящую «вольную» и взамен выставили свою, подложную.

Помните гайдаровского большевика Баскакова из повести «Школа»? Когда он заговорил на митинге о выкупе за оставшуюся помещичью землю, по толпе пронесся даже не крик – стон: «Хватит! Вы-ы-купили!»

Тем же стоном отозвался наказ собрания крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губернии, посланный в мае 1906 года в Трудовую группу I Государственной думы:

«Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунядцев помещиков образовались колоссальные богатства».

«Хватит! Вы-ы-купили!»

Интересно: о чем и каким органом думали правители России, проводя такую, с позволения сказать, коммерческую операцию? Более того, продолжая ее, когда деревня стала уже откровенно разоряться и вымирать? Лишь колоссальные аграрные волнения 1905 года (о которых практически не пишут, ограничиваясь только волнениями пролетарскими) заставили правительство свернуть взимание выкупных платежей. Однако пить боржом было уже поздно...

Любое нормальное правительство поддерживает производителей, а правительство Российской империи их откровенно гробило. Почему?

Да потому, что как раз производителей-то оно и поддерживало! В развитии крестьянского хозяйства страна не была заинтересована по причине его нетоварности, и с точки зрения государственной экономики крестьяне были интересны только в качестве батраков у помещиков, а население нехлебородных губерний – вообще никак. Товарный хлеб, то есть хлеб на продажу, – выращивали крупные хозяйства: помещичьи, монастырские и пр. И реформа тщательно их охраняла, чтобы они, не дай бог, не разорились.

Наверняка при освобождении крестьян учитывался этот момент: сделать так, чтобы помещики были обеспечены не только деньгами, но и дешевой рабочей силой. Возможно, этим и объясняются условия реформы: дать столько земли и на таких условиях, чтобы как можно большее количество крестьян разорилось, став батраками. Что в этом случае будет с общинной землей – отойдет ли она помещику или же на ней останутся лишь крепкие и относительно крупные крестьянские хозяйства, которые также станут производить товарный хлеб, – дело шестое. Главное – поспособствовать помещикам превратить бывшие рабовладельческие хозяйства в капиталистические.

Без малого полвека спустя, в 1906 году, группа московских миллионеров, выступивших в поддержку Столыпинской реформы, заявила:

«Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы – англосаксон-

ские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

А кто, собственно, сказал, что англосаксонские идеалы появились в России только в начале XX века? Уже реформа 1861 года была совершенно англосаксонской, полностью в духе либеральной экономики и социального дарвинизма: выживает сильнейший. При этом в России «оскал капитализма» оказался куда более звериным, чем даже в славной социальными ужа-сами Англии. Ибо столько батраков – 80 % – на селе не требовалось.

Дело в том, что Англия имела промышленные города и колонии, куда можно было отправлять избыток сгоняемого с земли населения: да, жили они при этом в нечеловеческих условиях, но, по крайней мере, они жили. Российским крестьянам середины XIX века идти было некуда: ни промышленности в городах, ни колоний страна не имела. Здесь сильнейший выживал в самом примитивном смысле. Цена англосаксонских идеалов в России была не экономическая, а натуральная: слабейшим предстояло умереть от голода.

Ну и что крестьяне должны были делать?

Согласно англосаксонскому идеалу, поставленным в условия жестокой нехватки земли людям предстояло вступить друг с другом в схватку за жизнь. Сильные станут хозяевами, слабые – батраками, лишние перемерут с голоду, и все будет в порядке. Однако надо же учитывать и менталитет: в истории России люди, предпочитавшие спастись в одиночку, обычно не оставляли потомства, которому могли бы передать свои предпочтения. «Каждый за себя» здесь не прокатывало в силу причин природных, исторических, географических и пр.

Тем не менее не надо и абсолютизировать менталитет: может быть, в силу особенностей истории и географии русский человек и больший коллективист, чем его германский или британский собрат, однако ни индивидуализмом, ни страстью к личной наживе он не обижен. Процветать русские тоже любят в одиночку, а объединяются либо при стихийном бедствии, либо при нападении врагов.

Вот и вопрос: как восприняли реформу русские крестьяне, коль скоро сохранили общину, – как бедствие или как нападение? Возможно, поначалу они еще не все поняли и посчитали новые условия хозяйствования на земле некоей экономической стихией, вроде урагана или нашествия диких зверей. Как бы то ни было, отреагировали они на сей экономический эксперимент традиционным русским образом: стали выживать совместно. Отсюда и путь в тупик.

* * *

И все же как-то странно: такая людоедская реформа в христианской, православной стране.

Христианская-то она – да, но есть и нюансы. Дело в том, что в верхушке российского общества бытовал даже не англосаксонский – если бы! – а французский сословный идеал. Верхушка роялистской Франции кое-как признавала третье сословие – буржуазию, – у которой регулярно брала деньги в долг, на прочий же народ французские дворяне смотрели, как на говорящий инвентарь – за что и заплатились в 1789 году. Именно этот взгляд на низы общества переняло и офранцузившееся русское дворянство, особенно после того, как в Россию хлынули пострадавшие от революции эмигранты.

Сергей Кара-Мурза (уж не знаю, сам он это придумал или же нашел у кого-то) ввел в обиход очень правильный термин: *социальный расизм*. Явление это хорошо знакомое: когда одна часть народа начинает другую часть этого же народа воспринимать как недочеловеков. Примеров тому – великое множество. Ближе всего лежащий – сама реформа, которую подавали как *благоденствие* для крестьян. Государство трепетно заботилось о помещиках, компенсируя им возможные издержки, но о том, чтобы хоть как-то компенсировать мужикам многовековой

бесплатный труд на хозяина – речи не шло. Тем не менее будьте счастливы, вам оказана великая милость – вас освободили!

Российская элита не воспринимала крестьянина как существо, подобное себе, – не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений. Лев Толстой в не слишком известной своей статье «О голоде» писал так:

«В последние 30 лет сделалось модой между наиболее заметными людьми русского общества исповедовать любовь к народу, к меньшому брату, как это принято называть. Люди эти уверяют себя и других, что они очень озабочены народом и любят его. Но все это неправда. Между людьми нашего общества и народом нет никакой любви и не может быть.

Между людьми нашего общества – чистыми господами в крахмаленных рубашках, чиновниками, помещиками, коммерсантами, офицерами, учеными, художниками и мужиками нет никакой другой связи, кроме той, что мужики, работники, hands, как это выражают англичане, нужны нам, чтобы работать на нас.

Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, черный народ. Одни уважаемы, другие презираемы, и между теми и другими нет соединения. Господа никогда не женятся на мужичках, не выдают за мужиков своих дочерей, господа не общаются как знакомые с мужиками, не едят вместе, не сидят даже рядом; господа говорят рабочим „ты“, рабочие говорят господам „вы“. Одних пускают в чистые места и вперед в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут.

Это две различные касты. Хотя переход из одной в другую и возможен, но до тех пор, пока переход не совершился, разделение существует самое резкое, и между господином и мужиком такая же пропасть, как между кшатрием и парием».

Известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал:

«„Просветительное“ и „революционное“ сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование „белой кости“ есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неустрашимый антропологический факт»¹¹.

В общем-то – да, сие есть факт: बारे физически и душевно отличаются от мужиков. Вот только с чего они решили, что они лучше?

Ну это-то просто: у кого сила, тот и «оберменш».

Очень емко, хотя и образно, это состояние души проиллюстрировал А.Н. Энгельгардт, говоря о послереформенных временах и сетуя на оскудение псовой охоты: *«Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля».* За потраву своих посевов помещик при «крепости» порол на конюшне, а после 1861 года исправно взимал плату. Крестьянские поля он между тем не просто топчет по праву сильного, но и сопротивление хозяев этих полей определяет словом «зазнались»¹².

Ну, и как должны были воспринимать такое положение вещей русские крестьяне? При том, что они учили детей читать по Священному Писанию, долгими зимними вечерами работали под чтение грамотного отрока и очень хорошо знали, что говорил по этому поводу Христос?

¹¹ Цит. по: Кара-Мурза С. Гражданская война. Интернет-версия.

¹² Налицо явная связь с рассказом Владимира Величко, приведенным во введении. Отступающие белые убивали население точно так же, как крестьянин при подходе воинства Наполеона поджигал свою избу. «Если не мне – так не доставайся же ты никому!»

* * *

...Псовая охота – штука красивая, хотя, впрочем, совершенно бесполезная. Хуже, что во многом бесполезен оказался и сам помещик. Возложенных на них надежд сословие прежних землевладельцев не оправдало. Хозяйствовать на земле без рабов, даже получив выкуп, они и не хотели и не могли. Уже в 1887 году, спустя четверть века после реформы, в руках крестьян 50 губерний Европейской России находилось 77,8 млн десятин, или 54,5 % всей пахотной земли. В хлебопроизводящих черноземных губерниях процент еще выше – в половине из них доля крестьянской земли уже тогда доходила до 75 %. К началу 1914 года крестьяне купили у помещиков еще 27 млн десятин и еще столько же брали в аренду. Как видим, не так уж много было земли, которая к лету 1917 года не находилась в их руках.

Конфискация помещичьих усадеб означала для крестьянина не спасение, а компенсацию морального ущерба, понесенного во время реформы, да прибавку к рациону. Однако эта прибавка позволяла отогнать призрак голода – кому-то за пределы видимости, кому-то за ограду двора, но и это уже было много.

Дело в том, что реформа 1911 года запустила еще один механизм. В условиях жестокой нехватки земли и общинных порядков для того, чтобы увеличить наделы, крестьяне стали «плодиться и размножаться».

За 50 прошедших после реформы лет численность сельского населения Европейской России выросла вдвое. Перед реформой оно составляло 50 млн человек, а в 1914 году – 103 млн. Соответственно, уменьшалось число земли, приходящейся на одного человека, а поскольку дети вырастали и семьи делились – то и на хозяйство.

«В Полтавской губернии, где 85 % крестьянских дворов не подвергаются переделам уже несколько десятилетий подряд, – пишет ученый-экономист 1920-х годов Лев Литошенко, – число рождений в 1913 г. по сравнению с числом рождений в 1882 г. дает увеличение всего на 3 %... В соседней Харьковской губернии, где, наоборот, 95 % дворов объединены в общины, число рождений за тот же период увеличилось на 52 %. В смежных Ковенской и Смоленской губерниях число рождений возросло на 3 % в первой и на 40 % во второй. В Ковенской губернии 100 % крестьян владеют землей подворно, а в Смоленской – 96 % общинно. В Прибалтийском крае, не знавшем общинных порядков и придерживающемся системы единонаследия крестьянских дворов, прирост рождений за 30-летний период составляет едва 1 % первоначальной цифры»¹³.

Проблема российского аграрного сектора была не в нехватке земли, а в размере хозяйства. Земля делилась «по справедливости» – каждому мужчине в семье, независимо от возраста, давались равные наделы (после революции во многих местах наделы давали «по едокам» – по сути это не меняло). Россия была страной даже не мелкого, но мельчайшего хозяйства. А такое хозяйство малопродуктивно. В нем нет места ни для культуры земледелия, ни для какой бы то ни было механизации. Сельское хозяйство предреволюционной России – это лошадь с сохой, борона, минимум навоза в качестве удобрения и жесточайшее использование земли «на износ» – потому что кушать хочется каждый год. И чем меньше земля родит, тем более беспощадно ее эксплуатируют. В 1913-м, достаточно урожайном году, например, урожайность пшеницы в России была в 3 раза ниже, чем в таких европейских странах, как Англия и Германия. Одним климатом этого не объяснишь.

18 мая 1928 года в докладе «На хлебном фронте» Сталин приводит выкладки советского экономиста, члена коллегии ЦСУ В.С. Немчинова. Согласно им, до 1917 года более 70 процентов товарного хлеба давали крупные хозяйства, использовавшие труд наемных работников.

¹³ Литошенко Л. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 117.

В 1913 году в них было занято 4,5 млн человек. Остальной товарный хлеб давали крупные крестьянские хозяйства, возникшие в основном по не знавшим крепостного права окраинам и отчасти после Столыпинской реформы. Прочая деревня, в лучшем случае, кормила себя.

Как видим, передел помещичьих земель, в ходе которого они были распластованы на полоски и прирезаны крестьянам, еще уменьшал количество товарного хлеба и лишь глубже вгонял сельское хозяйство в тупик, из которого начинало уже припахивать могильным душком.

В 1916 году количество земли на душу населения выражается следующей таблицей:

**Обеспеченность посевами сельского населения
(десятин посева на 100 душ сельского населения)**

Государство	Посевная площадь	Район Европейской России	Посевная площадь
Дания	126	Новороссия	147
Франция	105	Прибалтика	122
Германия	104	Нижне-Волжские губ.	120
Венгрия	82	Средне-Волжские -»-	82
Австрия	66	Приуральские -»-	81
Бельгия	58	Малороссийские -»-	80
Нидерланды	39	Центр[ально-] Земледельческие -»-	79
		Белоруссия	75
		Юго-Западные губ.	67
		Приозерные -»-	50
		[Центрально]-Промышленные -»-	40
		Северные -»-	33
		Всего по Европейской России	83

Не только волжские, но и малороссийские, и юго-западные губернии относятся к числу хлебопроизводящих. Ну и как могли их жители не то что страну кормить, но хотя бы сами кормиться с такого хозяйства?

Снова и снова мы возвращаемся к одному и тому же: **основными проблемами аграрного сектора Российской империи были чрезвычайно мелкий размер хозяйства и перенаселенность деревни.** Именно их решению и призваны были служить все попытки реформировать аграрный сектор. А все прочее – условия раздела земли, попытки разрушить общину – являлось лишь средствами¹⁴. Притом не надо забывать, что в отличие, скажем, от рабочих, положение крестьян со временем не улучшалось, а ухудшалось – по причине стремительно растущей численности сельского населения и столь же стремительного ухудшения качества земли.

Второй попыткой спасти российскую экономику с помощью англо-саксонской модели (а никакой другой у дореволюционных российских экономистов не имелось) стала Столыпинская реформа. В теории она была задумана правильно. Разрушить законодательным порядком

¹⁴ Мне приходилось читать вполне серьезную работу, где успех той же Столыпинской реформы определяется количеством выделившихся из общины крестьянских хозяйств – показатель, который не говорит вообще ни о чем!

общинное землевладение; передать землю желающим из крестьян в частную собственность; стимулировать возникновение крупных хозяйств в деревне (отрубники¹⁵) и фермеров (хуторяне), дать им возможность разбогатеть, скупая наделы у бедноты. Проблема была не в том, чтобы найти и поддержать хозяйств – эта категория вполне могла позаботиться о себе самостоятельно. Проблема была все та же, что и в 1861 году, только еще более острая: куда девать излишек сельского населения при слабой промышленности и отсутствии колоний?

Америку и Австралию попытались заменить местным аналогом – Сибирью. История и результаты «переселенчества» слишком хорошо известны. Сия затея обогатила русское общество полумиллионом озлобленных маргиналов (притом что их и так было достаточно), экономического же толку не вышло никакого. Промышленность, при сильном напряжении, могла принять пару миллионов человек. Некоторое количество населения ликвидировала война, тем более что к людям на ней относились как к дешевому расходному материалу. Но все это были полумеры. Потери в ходе войны составили не более 2,5 млн человек, а, по разным оценкам, на селе проживало от 20 до 32 миллионов «лишнего» населения.

Чтобы Столыпинская реформа удалась, всех этих людей надо было куда-то девать. Поскольку девать их было некуда, то для спасения российской экономики в рамках классической либеральной модели эти 26 миллионов (в среднем) человек должны были умереть.

Как? Способ смерти сельского населения в России известен и чрезвычайно прост – голод.

Интересно, когда крестьяне осознали, что государство Российское их сознательно и хладнокровно *убивает*? В любом случае в 1906 году, когда заговорили о новой реформе, этот приговорный факт должен был дойти до их сознания, и, судя по тому, что деревня практически единогласно выступила против Столыпинской реформы, он таки дошел.

Рыбачья волость Петербургского уезда основывала неприятие реформы следующим образом:

«По мнению крестьян, этот закон Государственной Думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам».

То есть реформа была воспринята как покушение на жизнь будущих поколений русских мужиков – каковой она на самом деле и являлась, ибо мужики не производили товарного хлеба, а стало быть, в рамках англосаксонской модели их существование не имело смысла. Каков был ответ – угадать нетрудно. Отношения основной массы сельского населения и власти приобрели характер если не войны – война еще вспыхнет, то некоего ига, вроде татарского. Именно изменением восприятия власти – уже не как бедствия, а как врага – можно объяснить резкую ненависть крестьянства к «птенцам реформы», выделившимся из общины крестьянам-собственникам. То есть там были, конечно, и объективные причины для нелюбви, но их ненавидели в том числе и как *предателей* крестьянского сословия. Все это еще скажется в годы Гражданской войны, а особенно во время коллективизации. Если само раскулачивание было вызвано объективными причинами, то за эксцессы при нем следует благодарить «великого реформатора». Это его идеи отозвались ненавистью к богатым крестьянам, равно как «черный передел» лета семнадцатого года был прямым следствием реформы года 1861.

Что касается экономики, то Столыпинская реформа действительно помогла появлению на селе некоторого количества крепких хозяйств, но на положение основной массы сельского

¹⁵ Отруба – объединенные в одно поле земельные наделы, которые передавались в собственность крестьянам. Звучит так, как будто бы они располагались с краю общинной земли, а в реальности их часто нарезали посередине, поперек, да еще и захватывая лучшие земли. С одной стороны, существовал социальный заказ на поддержку собственника, с другой – был еще и такой фактор, как взятка землемеру...

населения она не повлияла никак. Разве что резко увеличился слой безземельных крестьян – первый кандидат на тот свет в случае любых серьезных продовольственных трудностей.

Голод как образ жизни

- У нас в такие зимы ох сколько народу умирает...
 - Отчего же? От холода?
 - Эх ты, птичка Божия, ни заботы, ни труда... От голода, милая барышня! От того, что в иную зиму даже картофельной шелухи нету.
 - Извините меня, я действительно далека от всего этого...
- Из фильма «Рожденная революцией»**

Мы уже писали в первой книге о структуре потребления покупных продуктов в России и о крайней скудости потребления на селе. Теперь взглянем на проблему с другой стороны – снизу.

«Описания крестьянских бюджетов, произведенные в 90-х годах в разных губерниях России, обнаружили поразительное однообразие и скудость потребностей у крестьянского населения...¹⁶ Главной статьёй расхода была пища, по преимуществу растительного характера и собственного производства. Она поглощала до 80 % всей расходуемой деньгами и натурой суммы. На одежду тратилось 15 % бюджета, причем опять расходуемые суммы в значительной мере составлялись из продуктов своего хозяйства. Потребности высшего порядка, расходы на мебель, предметы комфорта, культуры и культа занимали в бюджете крестьянина ничтожное место, измеряемое 3 % общей суммы расходов. Значительная доля этих потребностей удовлетворялась опять или изделиями собственного производства, или работой мелкого кустарного, соединенного с земледелием ремесла. Услугами крупной промышленности крестьянство почти не пользовалось. Все квалифицированные потребности были, кроме того, крайне непрочны в крестьянском быту. При малейшем сокращении ресурсов они исчезали, уступая место единственно развитой, бесспорной и малосжимаемой у крестьянина потребности в пище. Абсолютная сумма крестьянского расходного бюджета также была невелика. В разных районах и при разных условиях в среднем получалась одна и та же величина – около 50 руб. на душу в год. В эту ничтожную сумму должны были вмещаться все потребности, начиная от пищи и кончая книгами, спиртными напитками и табаком»¹⁷. Бедные хозяйства от более богатых середняцких по затратам на еду практически не отличались – увеличивалась сумма на одежду и на «роскошь», вроде чая, сахара и т. п.

Историк Кара-Мурза приводит простенькую табличку: сколько и каких продуктов в год потребляли жители предреволюционной России и жители СССР в 1986 году, который у нас считался неблагополучным¹⁸ (данные приведены в килограммах).

¹⁶ При этом не надо забывать, что, в отличие даже от рабочих, положение крестьян не улучшалось со временем, а ухудшалось.

¹⁷ Литовченко Л. Социализация земли в России. С. 112–113.

¹⁸ Составлено по материалам обследования семейных бюджетов.

	Рабочие		Крестьяне	
	До революции	1986 г.	До революции	1986 г.
Мясо и мясопродукты	22,5	82,2	14,9	58,7
Молоко и молочные продукты	87,0	340,9	107,0	350,7
Яйца, шт.	53	277	33	294
Рыба и рыбопродукты	14,5	21,2	5,5	14,8
Сахар	9,4	35,3	3,0	41,3
Картофель	90,2	92,1	77,7	142,9
Овощи и бахчевые	41,0	82,5	25,5	96,1
Хлебные продукты	174,3	87,2	256,0	150,1

Как видим, население Ъ-России питалось в основном хлебом – причем далеко не французскими булками, а той субстанцией, о которой пойдет речь несколько ниже. Почему ели так мало картофеля и овощей, которые тоже растут на земле, – непонятно, но едва ли от глупости, ибо картошка уж всяко лучше желудей. Наверное, так складывалась конкретная работа на конкретной земле.

Это все относится к благополучным годам. Но ведь бывали годы и неурожайные. Для начала позвольте напомнить, что писали о голоде в России Брокгауз и Ефрон:

«После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская – 9¹⁹. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных²⁰ и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных – Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)»²¹.

Следующий материал по объему надо было бы привести в приложении. Но я помещаю его в текст. Это свидетельство Льва Толстого, который в преддверии голода 1891–1892 годов побывал в Тульской губернии и честно описал, что он там увидел:

«Первый уезд, посещенный мною, был Крапивенский, пострадавший в своей черноземной части.

Первое впечатление, отвечавшее в положительном смысле на вопрос о том, находится ли население в нынешнем году в особенно тяжелых условиях: употребляемый почти всеми хлеб с лебедой – с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды – хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все – и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные.

Другое впечатление, указывающее на особенность положения в нынешнем году, это общие жалобы на отсутствие топлива. Тогда еще – это было в начале сентября – уже нечем было топить. Говорили, что порубили лозины на гумнах, что я и видел; говорили, что перерубили и перекололи на дрова все чурбачки, все деревянное.

¹⁹ Этот том «Словаря» вышел в 1913 г.

²⁰ Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии.

²¹ Цит. по: Пыхалов И. Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.

Многие покупают дрова в прочищающемся помещицьем лесу и в сводящейся поблизости роще. Ездят за дровами верст за 7, за 10. Цена колотых дров осиновых за шкалик, т. е. 1/16 куб. саж., 90 копеек, так что дров на зиму понадобится рублей на 20, если топить все покупными.

Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой, и топиться нечем.

Но смотришь на народ, на его внешний вид, – лица здоровые, веселые, довольные²². Все в работе, никого дома. Кто молотит, кто возит. Помещики жалуются, что не могут дозваться людей на работу. Когда я там был, шла копка картофеля и молотба. В праздник престольный пили большие обыкновенного, да и в будни попадались пьяные. Притом самый хлеб с лебедой, когда приглядишься, как и почему он употребляется, получает другое значение.

В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях, и овса, с своей и наемной земли, было 60 копен, дававших по 9 мер, т. е., по нынешним ценам, на 300 рублей овса. Ржи, правда, оставалось мало, четвертей 8, но, кроме овса, было до 40 четвертей картофеля, была греча, а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ. Так что оказывалось, что хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтоб меньше ели хлеба, – так же, как для этой же цели и в изобильные года хозяйственный мужик никогда не даст теплого и даже мягкого хлеба, а все сухой. „Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовившись! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господра такие!“»

Посчитаем. К сожалению, граф не упоминает, сколько у хозяина своей земли и сколько наемной, но четыре лошади – это уровень зажиточного середняка, а такие, как правило, растят что-то на продажу. По-видимому, продавать будут как раз овес, которого собрали 880 пудов. Часть пойдет на корм скоту, остальное на рынок – надо платить налоги, выкупные платежи и за аренду земли, которая всегда была высока²³. Конечно, если припрет, то часть овса съедят – так что эта семья с голоду не умрет.

А теперь посмотрим, сколько запасов для питания людей. Четверть – двенадцать пудов (на самом деле крестьянин наверняка пользовался четвертью как мерой объема – 209 л, – но для зерна они в принципе где-то совпадают), как раз та самая физиологическая норма, которую оставляли крестьянам на пропитание в голодном 1918 году. По физиологической норме хлебом обеспечены 8 человек, а семья – 12 душ. Картошки – 40 четвертей, это уж пусть владельцы садовых участков считают, сколько там килограммов и надолго ли ее хватит.

Но все же: как надо существовать, чтобы собственным детям жалеть чистого хлеба! Впрочем, тут арифметика опровергает графа: учитывая, что ржи осталось две трети физиологической нормы, а цены в голодный год безумные, то если печь на одну треть с лебедой, как раз и можно дотянуть до нового урожая. Но еще раз: четыре лошади – это не просто зажиточная, но очень зажиточная семья. А как живут остальные?

«Положение большинства дворов при поверхностном наблюдении представляется таким, что неурожай ржи выкупается урожаем овса, стоящим в высокой цене, и хорошим урожаем картофеля. Продают овес, покупают рожь и кормятся преимущественно картофелем. Но не у всех есть и овес и картофель; когда я переписал всю деревню, то оказалось, что из 57 дворов 29 было таких, у которых ржи уже ничего не оставалось или несколько пудов, от 5 до 8, и овса мало, так что при промене двух четвертей на четверть ржи им не хватит пищи до Рождества. Таковы 29 дворов; 15 же дворов совсем плохие. У этих дворов нет главного подспорья нынешнего года – овса, так как, будучи плохи еще прошлого года, они не могли посеять ярового, и земля сдана. Некоторые уже теперь побираются.

²² Естественно – голод-то еще только будет!

²³ В 1882 году, за десять лет до того, в Орловской губернии аренда земли обходилась в 5 руб. за десятину, в Курской – 10 руб. С учетом уменьшения количества земли на душу населения и обесценивания денег уменьшиться она всяко не могла.

Таковы приблизительно и другие деревни Крапивенского уезда. Процент богатых, средних и плохих почти один и тот же: 50 % или около того средних, т. е. таких, которые в нынешнем году съедят все свои продовольствия до декабря, 20 % богатых и 30 % совсем плохих, которым уже теперь или через месяц будет есть нечего.

Положение крестьян Богородицкого уезда хуже. Урожай, в особенности ржи, здесь был хуже. Здесь процент богатых, т. е. таких, которые могут просуществовать на своем хлебе, тот же, но процент плохих еще больше. Из 60 дворов 17 средних, 32 совсем плохих, таких же плохих, как те 15 плохих в первой деревне Крапивенского уезда».

Отмечаю особо, еще раз: **богатые** – это те, которые в голодный год, при однократном недороде, могут на своем продовольствии дотянуть до нового урожая.

«Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже. На гумнах хлеба или соломы все меньше и меньше, и плохих дворов все больше и больше. На границе Ефремовского и Богородицкого уездов положение худо в особенности потому, что при всех тех же невзгодах, как и в Крапивенском и Богородицком уездах, при еще большей редкости лесов, не родился картофель. На лучших землях не родилось почти ничего, только воротились семена. Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна.

Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют.

Здесь бедные дворы, опустившиеся в прежние годы, доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Худшие – в Ефремовском и Епифанском уездах. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70 дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадах побираться. Те, которые остались, едят хлеб с лебедой и с отрубями, который им продают из склада земства по 60 копеек с пуда. Я зашел в один дом, чтобы видеть хлеб с отрубями. Мужик получил три меры ржи на обсеменение, когда у него уж было посеяно, и, смешав эти три меры с тремя мерами отрубей, смолот вместе, и вышел хлеб довольно хороший, но последний. Баба рассказывала, как девочка наелась хлеба из лебеды и ее несло сверху и снизу, и она бросила печь с лебедой. Угол избы полон котьяшьями лошадиными и сучками, и бабы ходят собирать по выгонам котьяшья и по лесам обломки сучков в палец толщиной и длиной²⁴. Грязь жилья, оборванность одежд в этой деревне очень большая, но видно, что это обычно, потому что такая же и в достаточных дворах...»

Дальше Толстой дает несколько иллюстраций, бытовых сцен. Только дыхание переведите, потому что дышать будет трудно, предупреждаю...

«В этой же деревне слободка солдатских детей безземельных. Их дворов десять. У крайнего домика этой слободки, у которого мы остановились, вышла к нам оборванная, худая женищина и стала рассказывать свое положение. У нее пять человек детей. Старшей девочке десять лет. Двое больны — должно быть, инфлюэнцией. Один трехлетний ребенок больной, в жару, вынесен наружу и лежит прямо на земле, на выгоне, шагах в восьми от избышки, покрытый разорванным остатком зипуна. Ему и сыро, и холодно будет, когда пройдет жар, но все-таки лучше, чем в четырехаршинной избышке с развалившейся печкой, с грязью, пылью и другими четырьмя детьми. Муж этой женищины ушел куда-то и пропал. Она кормится и кормит своих больных детей, побираясь. Но побираться ей затруднительно, потому что вблизи подают мало. Надо ходить вдаль, за 20–30 верст, и надо бросать детей. Так она и делает. Наберет кусочков, оставит дома и, как станут выходить, пойдет опять. Теперь она была дома, – вчера только пришла – и кусочков у ней хватит еще до завтра.

В таком положении она была и прошлого и третьего года, и еще хуже третьего года, потому что в третьем годе она сгорела и девочка старшая была меньше, так что не с кем

²⁴ За неимением дров в деревнях топили валежником и навозом.

было оставлять детей. Разница была только в том, что немного больше подавали и подавали хлеб без лебеды. И в таком положении не она одна...

...Таких деревень, как эта, очень много и в Богородицком и в Ефремовском уездах. Но есть и хуже. И таковы деревни Епифанского уезда.

Вот одна из них: верст шесть от одной деревни до другой нет жилья и сел. Есть только в стороне помещичьи хутора. Все поля и поля, жирные, черноземные, глубоко вспаханные плугами и прекрасно посеянные рожью. Картофель весь выкопан; кое-где только перепахивают второй раз. Кое-где пашиут под яровое. В жнивах ходят прекрасные стада помещичьи. Озими прекрасные, дороги хозяйственно окопаны канавами, усажены срубаемой лозиною; в лощинах разводится саженьный лес. Кое-где огороженные и оберегаемые леса помещиков. На хуторах по дороге пропасть соломы, и убирается в подвалы и бунты картофель. Все обработано, и обработано искусно, на всем виден положенный труд тысяч людей, исходивших с сохами, плугами, косами, граблями все борозды этих необозримых богатых полей. Прихожу к жительству этих людей. В крутых берегах большая прекрасная река, с обеих сторон поселение. На этой стороне Епифанского уезда поменьше, на той стороне, Данковского, побольше. Там и церковь с колокольней и блестящим на солнце крестом; по бугру, на той стороне, вытянулись красивые издалика крестьянские домики.

Подхожу к краю деревни на этой стороне. Первая изба – не изба, а четыре каменные, серого камня, смазанные на глине стены, покрытые потолочинами, на которых навалена картофельная ботва. Двора нет. Это жилье первой семьи. Тут же, спереди этого жилища, стоит телега без колес, и не за двором, где обыкновенно бывает гумно, а тут же перед избой, расчищенное местечко, ток, на котором только что обмолотили и извезли овес. Длинный мужик в лаптях лопатой руками насыпает из вороха в плетеную севалку чисто отвеянный овес, босая баба лет 50-ти, в грязной, черной, вырванной в боку рубахе, носит эти севалки, ссыпает в телегу без колес и считает. К бабе жметя, мешая ей, в одной серой от грязи рубахе, растрепанная девочка лет семи. Мужик – кум бабе, он пришел помочь ей извезать и убрать овес. Баба – вдова, муж ее умер второй год, а сын в солдатах на осеннем ученье, невестка в избе с двумя своими малыми детьми: один грудной, на руках, другой лет двух сидит на лавке.

Весь урожай настоящего года – в овсе, который уберется весь в телегу, четверти четыре. От ржи, за посевом, остался аккуратно прибранным в пуньке мешок с лебедой, пуда в три. Ни проса, ни гречи, ни чечевицы, ни картошек не сеяли и не садили. Хлеб испекли с лебедой – такой дурной, что есть нельзя, и в нынешний день баба утром ходила побираться в деревню, верст за восемь. В деревне этой праздник, и она набрала фунтов пять кусочков без лебеды пирога, которые она показывала мне. В лукошке было набрано корок и кусочков в ладонь, фунта 4. Вот все имущество и все видимые средства пропитания.

Другая изба такая же, только немного лучше покрыта и есть дворишко. Урожай ржи такой же. Такой же мешок лебеды стоит в сенях и представляет амбары с запасами. Овса в этом дворе не сеяли, так как не было семян весной; картофелю три четверти, и есть пишена две меры. Рожь, какая осталась от выдачи на семена, баба испекла пополам с лебедой, и теперь доедают. Осталось полторы ковриги. У бабы четверо детей и муж. Мужа в то время, как я был в избе, не было дома, – он клал избу, каменную на глине, у соседа-мужика через двор...

...Такова вся деревня в 30 дворов, за исключением двух семей, которые зажиточны... Положение деревни таково, что из 30 дворов 12 безлошадных...

...Перед уходом из деревни я остановился подле мужика, только что привезшего с поля картофельные ботавья, плети (как у них называют) и складывавшего их у стены избы.

„Откуда это?“

„У помещика покупаем“.

„Как? Почему?“

„За десятину плетей – десятину на лето убрать“. То есть за право собрать с десятины выкопанного картофеля картофельную ботву крестьянин обязывается вспахать, посеять, скосить, связать, свезти десятину хлеба, т. е. по обыкновенным дешевым ценам розничной работы сработать, по крайней мере, на 8 рублей, а по установленной в той местности цене выходит пять.

Мужик был разговорчив, я остановился с ним у телеги, и скоро человек шесть мужиков собралось тут же, и мы разговорились. Бабы, прислушиваясь, стояли поодаль. Ребята, жуя черный, чернильного цвета липкий хлеб с лебедой, вертелись подле нас, разглядывая меня и прислушиваясь... Всю нищету свою рассказывали не то что с неудовольствием, но с какой-то постоянной над кем-то и над чем-то иронией.

„Что ж это вы так плохи, обедняли хуже других?“ – спросил я...

„А что же поделаешь? Летось половину деревни как корова языком слизнула – выгорело. А то неурожай. И летось плохо было, а уж нынче вовсе чисто. Да какой тебе урожай, коли земли нет? Какая земля? – На квас“.

„Ну, заработки?“ – сказал я.

„Какие заработки? Где они? Ведь он (это помещик) нас на 11 верст обхватил. Все его земля, куда хошь иди. Цена везде одна. Ну, вот плати 5 рублей за плети, а их на месяц не хватит“».

Тут надо пояснить насчет мелких пакостей. Когда в 1861 году межевали землю, то кому землемер сословно близок? Вот и нарезали сплошь и рядом помещику землю так, чтобы она охватывала крестьянские наделы. Случалось, например, что от деревни до пастбища скотине не было прохода: хочешь стадо выгнать – бери в аренду бросовую землю, только для прогона стада, и т. п. Пустячок – а приятно...

Резюме графа Толстого по поводу увиденного следующее:

«Ведь то, что люди этой эпифанской деревни не могут прожить зимы, не померев от голоду или, по крайней мере, от болезней, происходящих от голода и дурной пищи, если они не предпримут чего-нибудь, так же несомненно, как и то, что колодка пчел без меду и оставленная на зиму помрет к весне. Но в том-то и вопрос: предпримут они что-нибудь или нет? До сих пор похоже, что нет. Только один из них распродал все и уезжает в Москву. Остальные как будто не понимают своего положения. Ждут ли они, что им помогут извне, или они, как дети, провалившиеся в прорубь или потерявшие дорогу, в первую минуту еще не понимая всей опасности своего положения, смеются над непривычностью его. Может быть, и то и другое. Но несомненно, что эти люди находятся в таком состоянии, при котором они едва ли сделают усилия, чтобы помочь себе».

Это, наверное, самое жуткое во всем очерке наблюдение: «не понимают своего положения». Как, спрашивается, люди, всю жизнь работающие на земле, могут его не понимать? А куда денешься? Распродать все и отправляться в город – но кто их ждет в городе? Там можно кое-как прожить одному – не так ли поступил муж той женщины, что осталась с пятью детьми в убогой хате? А если семья, старики, дети? Кроме того, не стоит забывать, что большинство этих людей родились в рабстве, в котором их предки прожили не меньше двухсот лет, – а рабство лишает людей не только человеческого достоинства, но и жизненных сил тоже. Рабство развращает не только рабовладельцев. Чтобы эти люди могли полноценно бороться за жизнь, должно вырасти и вступить в полную силу хотя бы одно свободное поколение.

Англосаксонский принцип: пусть выживают сильнейшие – в русской реальности означал, что слабые должны умереть.

Многие ли из героев этого трагического очерка доживут до весны? Какую-то помощь им окажет государство, какие-то средства соберет общество, сколько-то из всего этого попадет по назначению, остальное будет либо выдано не тем, кто по-настоящему голодает, либо разворо-

вано... Число жертв этого голода до сих пор неизвестно – по некоторым оценкам, до 1 млн человек, но точно их вроде бы никто не считал...

Впрочем, граф Толстой мрачно отметил:

«В таком положении не только нынешний год, но и всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат. Такое положение только легче переносится в хорошие года. Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!»

Вас еще удивляет та ненависть, которая выплеснулась на помещиков и на государство в семнадцатом году?

– Ну, как же жить будете? – спросил мужиков граф Толстой.

– Так и будем жить. Распродадим, что есть, а там что Бог даст...

Но самая красноречивая цифра, относящаяся к 1891 году, – это динамика хлебных цен. На местах существовали так называемые хлебные магазины, то есть склады, в которых по закону должен был находиться резерв зерна на случай неурожая. Естественно, как оно обычно и бывало в Российской империи, наличный запас колебался от 15 до 25 % требуемого. Правительство предоставило земствам средства на покупку хлеба, но тут же подсутились хлебные торговцы, мгновенно взвинтившие цены (про откаты сведений нет – однако не быть их, сами понимаете, не могло). На все это наложился еще и фантастический бардак в торговле, когда зерно везли на большие расстояния, тогда как иной раз хлеб имелся в этой же губернии и вывозился за ее пределы, и столь же фантастический бардак на железных дорогах. Несмотря на введенный осенью 1891 года запрет на экспорт хлеба, внутренние цены на него продолжали расти – торговцы придерживали зерно, выжидая максимальных цен. Росли они вплоть до весны 1892 года, а потом, в тот момент, когда, по идее, должны были бы достигнуть максимума, – резко пошли вниз. Причиной снижения цен обычно бывает один из двух факторов: либо падение спроса, либо рост предложения. Какой из этих двух вариантов должен был реализоваться к весне 1892 года? Закончится спрос, естественно, поскольку он определяется отнюдь не потребностями населения, а наличием денег. Кроме того, обнаружилось, что хлеб есть даже в самих голодающих губерниях – его, как уже говорилось, придерживали, выжидая еще большего подорожания. Теперь его не брали уже и по сниженным ценам, потому что – поздно! Государственные средства закончились, а свои умирающее с голоду население давно уже истратило. Так что просчитавшиеся хлебные торговцы понесли убытки. Кого это радует – может радоваться...

Еще раз напомним: по некоторым данным (точные неизвестны), той зимой умерло от голода около миллиона человек.

* * *

...В знаменитых воспоминаниях Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль» приводится рассказ солдата-татарина Шарафутдинова, денщика одного из друзей их семьи. По окончании службы тот уехал на родину, в Уфимскую губернию. Это был 1901 год, газеты глухо упоминали о недороде, но толком никто ничего не знал. Солдат через некоторое время вернулся и с дороги все никак не мог наесться, так что кухарка отметила, что «из татарина не иначе, как днище выпало».

Вот его рассказ в передаче Александры Бруштейн²⁵:

«Большие половины деревни вымерло. От голода и тифа. Семья Шарафута сперва продала корову. Потом – коня. Купил богатый мужик из соседнего села. Шарафут произносит: „Ба-а-там мужикам!“ Купил за гроши. Люди уже шатались от голода. А когда же и наживаться, как не на человеческой беде!

Когда съели то, что выручили за скот, тогда подумали: а на что теперь – без коня! – нужны плуг, соха, борона? Продали и это. А затем продали и земельный надел, то есть тот клочок земли, которым владели спокон веку: к чему земля, если ее нельзя и нечем обрабатывать? Все скупил „ба-а-там мужикам“... Наконец, продали с себя все – до последней тряпки... Есть-то ведь надо!..

Когда все было продано, рассказывает Шарафут, все „помирала“. Ели хлеб из лебеды и желудей. Подбавляли в хлеб землю, даже навоз... Потом заболели, очевидно, голодным тифом. Когда Шарафут приехал, он застал в живых только младшего братишку – „она еще живая была“. Запасливый Шарафут вынул из кармана остатки своей дорожной еды – большой кусок хлеба. Братишка схватил хлеб обеими руками, но он уже не мог, не имел силы есть. Мальчик только крепко прижимал хлеб к себе. Так с куском в руке и умер.

Шарафут сидел около мертвого братишки. Вдруг слышит – шорох. Обернулся, а в избу вползает соседская девочка лет десяти – двенадцати. Вставать на ноги девочка уже не могла, передвигалась ползком. На Шарафута она не смотрела, она словно не видела его. Он подумал – слепая. Но нет – она смотрела в одну точку, не отрываясь: на кусок хлеба в мертвой руке мальчика».

Непонятно, почему этой деревне не помогали. Может быть, потому что татары, то есть дважды «недочеловеки»? Или, может, просто помощь не дошла – ведь голодали 17 губерний, а организовано все было преотвратно: то вагоны приходили не туда, то продовольствие оказывалось негодным: естественно, хлебные торговцы постарались спихнуть в первую очередь гниль и заваль, как обычно в случае госпоставок. Да и воровали, не без того...

Но все же, запомните этого «ба-а-атам мужикам». Он нам пригодится, когда будем говорить о хлебных реквизициях, а потом о раскулачивании. Голодающие люди продавали все, что имели, – но кто-то ведь все это покупал! Кто, интересно? Жидомасон пришел с золотом от устроителей всемирного заговора?

* * *

...В 1933 году что-то подобное случилось на Украине – и «жовто-блакитные» соседи до сих пор кричат о голодоморе. А это не голодомор – это просто голод. Обыденная реальность «России, которую мы потеряли». Голодовки случались в ней с мрачной регулярностью. Такие бывали нечасто, но ситуация, когда к весне сельское население «опухало», считалась обыкновенной, причем не только в голодные годы.

Государство и общество пытались как-то помочь – хотя и не все в этом участвовали, многие склонялись к англосаксонскому идеалу. Как, например, тот помещик, который в июне 1906 года писал:

«А дела-то дрянь! Черт их возьми, прямо выхода, кроме драки, не видно. Народ озверел. Все эти забастовки и аграрные беспорядки, по-моему, создались на почве зависти к сытому и богатому со стороны голодного и бедного. Это такое движение, которое не поддается убеждению, а разрешается битвой и победой. Впрочем, что же – война так война. Только противно видеть, что поднялись самые подлые страсти. Бедность, голод и т. д. вовсе не оттого, что

²⁵ Естественно, клеветает, причем дважды: поскольку советская писательница, а не парижская, и поскольку еврейка. Жиды с большевиками никогда слова правды про Ъ-Россию не скажут, это же общеизвестно.

у крестьян мало земли или плохо платят за работу, а от неумения работать, от необразованности и лени».

Любопытна эволюция настроений этой категории российской элиты. Когда летом 1917 года они сами оказались в положении «голодного и бедного» (естественно, по их меркам), вы думаете, они не дали волю «подлым страстям», показали пример «образованности и трудолюбия» на земле, выделенной им по «трудовой норме»?²⁶

Ага, сейчас!

В мае 1917 года один из помещичьих союзов выпустил прокламацию. Начиналась она словами: «Будущие пролетарии – русские землевладельцы – соединяйтесь!» А заканчивалась так:

«Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление – грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния... не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям – от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям... Сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т. е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мищении обретем единственное утешение свое»²⁷.

И подпись: Союз несчастных землевладельцев.

Надо же: только увидели на горизонте даже еще не голод, а просто уменьшение количества отбивных в неделю – и уже так возбудились!

Ну как не посочувствовать...

Голод как социальный фактор

Богатые хозяева любили прежде поговаривать, что омач запасливого дехканина раз в несколько лет пашет прямо по золоту. Они намекали этой пословицей на неурожайные годы, когда зажиточный богатырь, продавая на вес золота припасенное зерно.

Бруно Ясенский. Человек меняет кожу

Возможно, если бы Столыпинская реформа была проведена в 1861 году, какой-то положительный результат мог бы получиться. Россия не стала бы промышленным государством, но из нее получилась бы крепкая аграрная страна. Однако что толку в частице «бы»? Реформы были такими, какими они были.

Столыпинская реформа изменила «линию ненависти». Раньше та проходила между деревней и помещьем, а теперь переместилась внутрь деревни. По одну ее сторону стояли бед-

²⁶ Во многих местах, если не было совсем уж нестерпимого взаимного озлобления, помещикам после захвата земли выделяли надел на общих основаниях.

²⁷ Оба документа цит. по: Кара-Мурза С. Гражданская война.

няки, по другую – их разбогатевшие на реформе односельчане, которых впоследствии стали называть кулаками.

Мы еще по книгам и фильмам о коллективизации помним эти термины: кулак, бедняк, середняк. Помним даже, что бедняки могли иметь лошадь и корову, а середняцким считалось семейство, у которого было больше одной лошади и больше одной коровы²⁸. К бедняцким также относили хозяйства, имевшие меньше пяти десятин. Это абсолютные показатели – а ведь были еще и относительные. Например, три лошади и двенадцать десятин при составе семьи в четыре человека – это сильные середняки, а если в семье, скажем, пятнадцать душ и четыре-пять работников?

По-видимому, абсолютные показатели, принятые еще в те времена, – это хозяйства, которые считались бедными при любом составе семьи. Сколько же их было?

А вот эти цифры как раз приходится искать днем с огнем! Статистика Российской империи не слишком жаловала крестьян, а эту тему она и вовсе не любила. Но все же некоторые исследования делались.

Лев Литошенко в книге «Социализация земли в России» приводит следующую таблицу, составленную по 25 губерниям на 1917 год.

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %
Без посева	11,49	Без лошади	28,75	Без коровы	18,18
До 1,0	10,34	С 1 лошастью	47,62	С 1 коровой	56,68
1,1–2,0	18,36	С 2 —«—	17,57	С 2 коровами	18,94
2,1–4,0	28,92	С 3 —«—	3,98	С —«—	4,30
4,1–6,0	14,65	С 4 —«—	1,24	С —«—	1,23
6,1–10,0	11,16	С 5 —«— и более	0,84	С 5 —«— и более	0,67
10,1–16,0	3,84		100,00		100,00
16,1–25,0	0,98				
25,0 и более	0,26				
	100,00				

Этот материал предоставила статистическая выборка, в основу которой положено исследование 427 тысяч крестьянских хозяйств по 25 губерниям. Исследование не тотальное, однако довольно масштабное.

Какие из перечисленных хозяйств можно отнести к бедняцким? Итак, будем считать бедными хозяйства, имевшие меньше пяти десятин, меньше двух лошадей и двух коров²⁹. По всем трем показателям мы получаем примерно одинаковую цифру: около 75 %.

Это деревенские бедняки в расширенном понимании данного слова – то есть семьи, не имевшие излишков хлеба на продажу. Однако и они разделялись на две группы: те, которые могли прокормить хотя бы себя, и те, которым приходилось зарабатывать деньги на стороне, хлеб покупать. Это и есть та самая деревенская беднота, которая в ситуации, когда цены на хлеб резко выросли, а промыслов не стало, оказались под угрозой того же вымирания, что и население городов. Как они выживали в благополучное время, пишет все тот же граф Толстой:

²⁸ Любопытно, что в 1918 году середняцким считалось хозяйство, у которого было больше двух лошадей и коров.

²⁹ Мало скота – это еще и истощение земли, поскольку практически единственным применявшимся в то время удобрением был навоз.

«Мужик и его домашние всегда все работают. Обычное нам состояние физической праздности есть бедствие для мужика. Если у мужика нет работы всем членам его семьи, если он и его домашние едят, а не работают, то он считает, что совершается бедствие вроде того, как если бы из разошедшей бочки уходило вино, и обыкновенно всеми средствами ищет и всегда находит средство предотвратить это бедствие – находит работу. В мужицкой семье все члены ее с детства до старости работают и зарабатывают. Мальчик 12 лет уже в подпасках или в работниках при лошадях, девочка прядет или вяжет чулки, варежки. Мужик в заработках или вдали, или дома, или на поденной, или берет работу сдельно у помещиков, или сам нанимает землю. Старик плетет лапти; это обычные заработки. Но есть и исключительные: мальчик водит слепых, девочка в няньках у богатого мужика, мальчик в мастеровых, мужик бьет кирпич или делает севалки, баба – повитуха, лекарка, брат слепой – побирается, грамотный – читает псалтирь по мертвым, старик растирает табак, вдова тайно торгует водкой. Кроме того: у того сын в кучерах, кондукторах, урядниках, у того дочь в горничных, няньках, у того дядя в монахах, приказчиках, и все эти родственники помогают и поддерживают двор».

И при этом в благополучные годы еле-еле кормятся, а в неблагополучные – голодают. Стоит ли удивляться полному отсутствию в русском фольклоре XIX–XX веков страха перед каторгой и философскому отношению к смерти? Едва ли сие есть признак высокого христианского настроения души, скорее – усталости от беспросветной жизни.

* * *

Сколько было тех, кто заведомо не мог прокормиться с земли? Как минимум это те хозяйства, у которых надел меньше одной десятины – таковых около 22 %. Естественно, безлошадные – около 29 %. Не все они жили бедно – кое-кто уходил в города на заработки. Но 29 % – это около 6 млн хозяйств, или в среднем 30–40 млн человек. Было ли столько заработков в Российской империи?

Еще некоторые данные приводит в своей книге «Российское крестьянство в революции и Гражданской войне» Таисия Осипова:

«В стране было 3 млн безземельных крестьянских дворов и 5 млн имевших менее 5 дес. на хозяйство. Эти 8 млн хозяйств (57 %)»³⁰ представляли крестьянскую бедноту.

За годы войны обнищание крестьян еще более усилилось. К 1917 г. безземельных дворов в Поволжье стало 11,2 %, в Промышленном районе – 9,4 %, в Северо-Западном – 7,2 %, в Земледельческом центре – 5,7 %.

Возросло число безлошадных дворов. В 1917 г. в Промышленном районе они составляли около 44 %. Особенно много их было в Нижегородской губернии – 54,1 %, в Московской – 48,6 % и Ярославской – 43 %. В Поволжье и Земледельческом центре безлошадные хозяйства составляли свыше трети дворов: в Тамбовской губернии – 33,7 %, Пензенской – 36,8 %, Саратовской – 37,5 %. Однолошадных хозяйств в 25 губерниях насчитывалось 47,5 %. Безземельные, безлошадные и однолошадные крестьяне представляли деревенскую бедноту, которая попадала в кабалу к зажиточным хозяевам. К 1917 г. их было около 70 %»³¹.

Безземельные, безлошадные и значительная часть малоземельных однолошадных крестьян – это тот минимум, который в новых условиях, когда спрос на рабочие руки и многие изделия промыслов упал, а хлеб резко взлетел в цене, оказались перед призраком голодной

³⁰ Меньший процент объясняется, по-видимому, тем, что данные взяты по всей стране, а Литошенко приводит таблицу по европейской территории. Нам больше интересуют данные Литошенко, поскольку Сибирь, Степной край, Новороссия в начале Гражданской войны находились под белыми и хлеба центральной власти не давали.

³¹ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 7.

смерти. Отсюда в ленинских тезисах это: *«решительные, ни перед какими финансовыми жертвами не останавливающиеся, меры помощи деревенской бедноте»*. Тут, знаете ли, вопрос был не политический, а физиологический – выживут эти люди или нет.

Странные товарищи эти большевики: декларировали, что им на Россию наплевать, что она лишь вязанка хвороста для мирового пожара, – а людей жалели. Зачем? Брали бы пример с прекраснодушных господ либералов: выживает сильнейший, такова логика экономики! И хлопот меньше...

...Итак, если говорить о наличии товарного, то есть идущего на продажу, хлеба, мы имеем две стабильные и очень разные группы. Первая – это те 75 %, которые в лучшем случае могут с очень большим трудом, по голодной норме, прокормиться со своего поля. Вторая – та, которая имеет какие-то излишки хлеба сверх физиологической нормы. На самом деле она, конечно, гораздо меньше 25 %, поскольку многосемейных среди групп с большими наделами тоже много (потому и наделы большие, что много народу в избе).

Но и эта группа делится на две неравные части – середняки и богатые крестьяне-собственники, которых к тому времени стали звать кулаками. По оценке историка Т. Осиповой, зажиточных и богатых хозяйств, в которых имелись ощутимые излишки, было не больше 5 %.

* * *

В последние годы утверждается, что кулаком считали любого «справного» крестьянина. Но при сталинской коллективизации причисление зажиточного хозяина к кулакам исходя из благосостояния считалось перегибом, каралось соответственно нравам того времени, а имущество возвращалось. В рассказах о коллективизации все время мелькает другой критерий – использование наемного труда. Но опять же ясно, что один-два батрака – это не эксплуатация. Если в хозяйстве две лошади и один взрослый работник, без батрака всяко не обойдешься. Точно так же в городах наличие домработницы не делало человека «классово чуждым».

А кроме того, известная фраза об «истреблении кулачества как класса» показывает, что это было некое отдельное явление. Зажиточный крестьянин в экономическом и общественном плане отличается от бедняка лишь количественно, а класс – это иное *качество*, причем качество, как учили нас еще в школе, определяемое по отношению к средствам производства.

Так кто же он такой – кулак?

Послевоенный «Словарь русского языка» Ожегова определяет это понятие так: «Богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков», то есть микроскопический сельский помещик, использующий наемный труд. Такие, безусловно, существовали – должны же были нищие односельчане у кого-то батрачить, когда не стало помещиков. Но словарь Ожегова выпущен уже после сталинской коллективизации, и с начала XX века значение этого слова могло измениться.

Двинемся дальше в глубь времен – возьмем Даля. И вот тут нас ожидает сюрприз: по Далю, кулак – это «перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях...»

Вот так так!

То же самое говорит и С. Кара-Мурза: *«Вокруг этого понятия в годы перестройки был создан целый миф, его приравнивали к понятию „справный хозяин“ и представили образцом русской трудовой этики. На деле кулаками были главным образом крестьяне, оторвавшиеся от земли и промышлявшие ростовщицеством и торговлей»*. И, кстати, к слову «кулак» в русской деревне традиционно прибавлялись прозвища: «миroeд» и «паук». Благодетеля пауком не назовут.

Исходя из этимологии, легко сообразить, кем был кулак к началу XX века. Естественно, каждый хозяин сам хлебом торговать не станет. В деревне просто обязаны были существовать

мелкие перекупщики, которые скупали хлеб у односельчан и продавали более крупным оптовикам. Заодно, как люди торговые, они наверняка и держали лавку – должна же в селе существовать лавка, так кому ею и владеть, если не кулаку-перекупщику. Ну, и надо быть уже полным дураком, чтобы в таком положении не давать односельчанам деньги в долг – естественно, под проценты.

Такой персонаж выведен у М.А. Шолохова в «Тихом Доне» – Сергей Платонович Мохов, который *«со щербатого рубля повел дело. Начал скупать по хуторам щетину и пух. Лет пять бедствовал, жулил и прижимал казаков окрестных хуторов на каждой копейке, а потом как-то сразу вырос из Сережки-шибая в Сергей Платоновича, открыл в станице галантерейную лавчушку, женился на дочке полусумасшедшего попа, взял немалое за ней приданое и открыл мануфактурный магазин... Широко, как трехрядную гармонь, развернул Сергей Платонович дело, помимо красного товара торговал всем, что надо в сельском немудром хозяйстве: козевенный товар, соль, керосин, галантерея. В последнее время даже сельскохозяйственными машинами снабжал... Через три года открыл он хлебную ссыпку, а на другой год после смерти первой жены взялся за постройку паровой мельницы.*

В смуглый кулачок, покрытый редким, глянцеви́то-черным волосом, крепко зажал он хутор Татарский и окрестные хутора. Что ни двор – то вексель у Сергея Платоновича: зелененькая с оранжевым позументом бумажка – за косилку, на набранную дочери справу (подходило время девку замуж отдавать, а на Парамоновской ссыпке прижимают с ценой на пшеницу. – „Дай в долг, Платонович!“), мало ли за что еще... На мельнице девять человек рабочих, в магазине семеро да дворовой челяди четверо – вот и двадцать ртов, что живут по купеческой милости...»

И по такому хозяину, а иной раз и не по одному, сидело в каждом селе. В Центральной России они были не так широки, как на богатом Дону, – труба пониже и дым пожиже, – но типаж тот же самый.

После Столыпинской реформы появился новый тип сельского хозяина – крестьянин-собственник. То есть он существовал, конечно, и раньше – каким-то образом выбившийся из нищеты мужик (может, жена рожала одних мальчиков, может, набрел на удачный промысел, а то и повезло, как Ивану Бровкину у Алексея Толстого) покупал себе землю. Но массовым процесс стал после начала реформы.

«К 1917 году в России было около 43 млн крестьян-общинников и 4,5–5 млн крестьян-собственников, из которых на хуторах вели хозяйство около 300 тысяч и немногим более 1,5 млн – на отрубках»³². (Не буду подробно излагать свою борьбу со статистикой – это увлекательное занятие стоит хорошего детектива. Но в данном случае, исходя из цифр, по-видимому, речь идет не о дворах и не о численном составе крестьянских семей, а о мужчинах, на которых в общине давался надел.)

Едва ли эти собственники и есть те 5 % зажиточных крестьян, о которых говорит Осипова, поскольку собственность на землю еще не означает ровным счетом ничего, а часто и вовсе добавляет проблем. Собственник мог быть беден, а общинник, имея штук шесть лошадей, вполне мог прикупить или арендовать в дополнение к своему наделу землю, иметь мельницу и маслобойню, а если он еще приторговывал хлебом и держал лавчонку, то перед нами уже самый настоящий кулак по Далю.

И вот тут самое время вспомнить «ба-а-атам мужикам» из рассказа татарина Шарафудинова. В самом деле, на чем могла основываться ненависть крестьян к кулакам? На том, что они держали батраков? Вряд ли: они тем самым давали односельчанам заработать. На зависти

³² Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 6.

к успешным хозяевам? Это и вообще глупо. Вот прямо-таки все сто миллионов, вместо того чтобы работать, стоят и завидуют³³.

И тут надо вспомнить еще одно значение слова «кулак» по Далю: «скупец, скряга, жидомор, кремь, крепыш». Естественно, все пять слов крутятся вокруг одного понятия. Значение четырех ясно, а пятое? Обратимся опять к Далю. Жидомор в некоторых русских говорах – корыстный скупец, жидоморить – скряжничать, добывать копейку вымогая, не доплачивая и пр. А теперь подумаем: как эти милые качества должны были проявляться в бедной русской деревне?

В первую очередь связка кулак – батрак. Здесь он предстает как жесточайший эксплуататор, притом что, учитывая материальное положение деревни, цены на труд здесь не могли быть высокими. И уж будьте уверены, деревенский хозяин переплачивать не станет, да еще и обдурит при расчете.

А как строились отношения «крепкого мужика» с односельчанами? И здесь надо вспомнить еще одно явление, которое в свое время лежало в основе антисемитизма. Имя ему: **ростовщичество**. Во многих русских сказках интрига завязывается следующим образом: жил-был бедняк, и стало так, что нечем ему было кормить голодных детей. И пошел он к богатому соседу просить в долг хлеба. И сказал ему сосед...

Причем если в городах ростовщичество было денежным, то на селе кроме него существовало еще и натуральное ростовщичество. Вспомним хотя бы того помещика, который давал в долг картофельную ботву за отработку, – вот самый живой пример! Действительно, при таком количестве соседей-бедняков чем продавать хлеб, выгоднее пустить его в рост в собственной деревне. Плюс к тому прикупать у неимущих и сдавать потом им же в аренду землю, инвентарь, скот. А поскольку бедняков на селе, как мы уже выяснили, 75 %, то можно себе представить, каковы были условия этой аренды!

Вот это – качественно иное явление, особый класс сельского жителя, сельский эксплуататор, которого, в соответствии с принципами новой жизни, следовало уничтожить *как класс* (то есть заставить жить своим трудом – а не ликвидировать физически, как болтают наслушавшиеся «перестроечной» пропаганды журналисты). Ну, и к нему примыкает некоторое количество богатых крестьян, пользовавшихся наемным трудом, которых односельчане во время коллективизации иногда раскулачивали, а иногда оставляли в покое. Тут уже все зависело от личных счетов.

Однако надо учитывать еще один нюанс: отношение к общине.

Формально общину отменил еще Столыпин, но фактически она успешнейшим образом продолжала существовать (оттого, кстати, и коллективизация прошла относительно безболезненно, что объединяли не собственную землю, а *наделы* из общинной земли. Иначе рвануло бы так, что от державы лишь ошметки бы полетели). А вот кем был кулак? Точнее, не так: как отнесся бы кулак к Столыпинской реформе?

Да ухватился бы за нее обеими руками. В чьих интересах она, думаете, проводилась-то?

Кулак, деревенский хозяин капиталистического типа, просто обязан был стоять вне общины. Для крестьянина-общинника, для сельского «мира» он был не просто чужим, как помещик, – он был ренегатом. Ох, и до чего же сельское общество не любило «стольпинских» землевладельцев! И причина здесь не в зависти, как уверяет белогвардейская пропаганда, а все в том же инстинкте самосохранения.

Крестьяне с самого начала негативно относились к идее купли-продажи земли, поскольку очень хорошо понимали, что за этим последует. В крестьянских наказах 1905–1907 годов нет ни одного, который бы поддерживал Столыпинскую реформу. В обобщенном приговоре кре-

³³ В 1905 году, когда начали появляться первые объединения крестьян, во главе их часто стояли лавочники и кулаки, как естественные лидеры общины.

стьян Костромской губернии, отправленном в марте 1907 года в Государственную Думу, говорилось:

«Требовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу наделной земли, так как закон этот через 10–15 лет может обезземелить большую часть населения и наделная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда».

Так что основу раскулачивания заложил не Сталин, а Столыпин. Сталин же...

Впрочем, всему свое время.

* * *

...Как чувствовали себя в Российской империи крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения – более 80 %? Как угодно, но только не гражданами... да, пожалуй, и не людьми. Что может быть ниже, чем нищий на церковной паперти? Однако нищему, по крайней мере, не запрещено показывать свои язвы и рассказывать о своих бедах. А вот еще цитата из крестьянских писем в Государственную думу:

«Волостное правление служит не нам, а мы принуждены служить ему; когда мы вздумали заявить ему о нашей нужде нашей земской управе, о том, что кругом нас лишь надуют и обирают, что на обсеменение нам дали почти наполовину семян невсхожих, что нам грозит и на будущий год неурожай, что становые да урядники за подати и штрафы готовы последний кусок у полуголодных ребятишек наших изо рта вырвать, – так что с нами хотят сделать земский начальник с волостным правлением? Он приказал арестовать нашего уполномоченного собирать подати, он обещал посадить в холодную всех, подписавших эту бумагу! Это что значит? Это значит, что у нас, у холодных и голодных, у темных, вырывают кусок хлеба и в то же время не дают никакой возможности никому голоса своего подать. Это значит, что нас сознательно толкают в могилу от голодной смерти, а мы слова не могли сказать против этого!»³⁴

Земский начальник – это персона весьма интересная. Он – «главный по крестьянским делам» в конкретной волости. Он – точка сопряжения государства и населения. Земские начальники всегда – дворяне, как правило – дворяне, до такой степени ни к чему не годные, что не смогли найти себе другой работы. Они твердо держат сторону государства. Пройдет еще несколько месяцев, и они будут являться в деревни во главе карательных отрядов. Кстати, и земские начальники, и отряды земской стражи содержались за счет тех самых крестьян, которых они «усмиряли». Помещики платили с десятины вдвое меньше, чем крестьяне, монастыри не платили вообще ничего.

Это все тот же «социальный расизм», за который жестоко, но не чрезмерно поплатилось русское высшее общество. Вот еще несколько картинок с той же выставки...

Не помню уж, в чьих мемуарах мне встретился один случай. Некий молодой офицер – что-то вроде поручика – в офицерском собрании потребовал бутылку шампанского. По-видимому, он был уже на взводе или еще по какой-то другой причине (может, задолжал), но солдат-официант отказался ее принести. Тогда поручик, недолго думая, застрелил непослушного солдата. Бывает, в общем... Поразительно не это, а другое. В полку – на полном серьезе – развернулось движение в защиту этого офицера, которого за его выходку все-таки отдали под суд. Однополчане – на полном серьезе – доказывали, что судить его не надо... Не то чтобы не за что, но офицер-то хороший...

³⁴ Кара-Мурза С. Гражданская война.

Воспоминания о царской армии красноречивыми примерами переполнены сверх всякой меры. Ну, может быть, не такими экстремальными, но солдатики после Февраля знали, за что мстили...

Ладно, армия требует беспрекословного повиновения. А как поступали с крестьянами? Тот же С. Кара-Мурза пишет:

«Мы сегодня предельно чутки к страданиям дворян, у которых мужики сожгли поместья. Но ведь надо вспомнить, что было до этого, – за волнения, для „урока“, еще верноподанных крестьян заставляли часами стоять на коленях в снегу, так что с отмороженными ногами оставались тысячи человек. Разве такие „уроки“ забываются? Ведь это – гибель для крестьянского двора. Никогда американский плантатор не наказывал раба таким образом, чтобы причинить вред его здоровью, – а что же делали российские власти с крестьянами!»

К «черному народу» относились и рабочие. После поражения революции 1905 года российская промышленная верхушка, растеряв от радости последние мозги, принялась с упоением топтать побежденных. Какими идиотами надо быть, чтобы, едва полиция загнала рабочих на заводы, тут же начать снижать расценки – а их снижали, хорошо, если на 10 %, а ведь случалось, что и вдвое. Тут же был увеличен рабочий день, восстановлены штрафы, все с той же бесконечной изобретательностью: за выход на лестницу, за долгое пребывание в туалете, за «дерзость» (или то, что ею сочли), даже за полученную самим же рабочим травму.

Издаются, торжествуя победу, и даже не ощущают, что земля-то под ногами уже плавится от внутреннего жара. Мол, еще раз полезут – еще раз загоним на место. Стоит ли удивляться, что спустя десять лет господа фабриканты не нашли у народа ни малейшего сочувствия.

Вот еще замечательная фигура того времени – Петр Аркадьевич Столыпин, вплотную приблизившийся к тому, чтобы быть объявленным «лицом России». В известном смысле так оно и есть: той России, которую сейчас усердно раскручивают на экранах, именно такое личико и подошло бы...

Говоря о деятельности «великого реформатора», нельзя упустить один ее аспект, а именно – его усердную работу по подавлению революции. Не против революционного террора, отнюдь (террористов судили хоть и военные суды, однако после положенного следствия, и наказывали гораздо мягче), – а чтобы справиться с крестьянскими восстаниями, Столыпин ввел знаменитые военно-окружные и военно-полевые суды. В них не было юристов – судили обычные армейские офицеры, а права им были предоставлены широкие.

Российская армия мирного времени была в высочайшей степени заражена социальным расизмом. Можно представить, как вели себя эти офицеры, заседаая в военных судах и участвуя в карательных экспедициях. За 1906–1909 годы военно-окружными судами было приговорено к смертной казни 6193 человека (повешены 2694 человека), военно-полевыми судами – более тысячи, по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно без суда и следствия 1172 человека. Далеко не всегда суды даже давали себе труд узнать имя казнимого: вешали и закапывали в яму как «бесфамильных». Поголовные порки и прочие более мягкие меры усмирения никем не подсчитывались.

До чего должны были дойти каратели, чтобы против них выступили помещики, интересы которых они вроде бы защищали! В 1906 году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с просьбой унять «усмирителей»:

«Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невиновными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Дворян. А крестьян?!

И нет тут никакого противоречия, ибо вешатель Столыпин и великий реформатор Столыпин – один и тот же человек, причем на редкость цельный. Исключительные по жестокости казни³⁵ он завершил исключительной по жестокости реформой.

Еще один аспект так называемой реакции отметил С. Кара-Мурза:

«Дело было не только в казнях и репрессиях, но и в оскорблении. Ведь и „Манифест“, и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе, как издевательство. Массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень), которых никогда не бывало в России в прошлые столетия, начались сразу за принятием закона, отменяющего телесные наказания. Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как „бесфамильных“, вошли в практику как раз после „Манифеста“».

«Манифест» отделил российское общество, которого он касался, от российского народа, к которому он не имел никакого отношения. «Хаму» показали его место. А было этого «хама» – 90 % населения Российской империи. Стоит ли удивляться тому, что произошло потом?

Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами русских дворян? С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями князей и царей? Хотели написать другую, да не очень получилось... Со школьной программой по литературе – монологами Чацкого, охотой и первым балом Наташи Ростовской, тургеневскими девушками и лермонтовскими офицерами? С «Сибирским цирюльником» и «Бедной Настей»? Откуда это?

Девять десятых населения Российской империи составляли крестьяне. Хорошо, пусть не девять десятых, пусть 83 %, если вам от этого легче. Из них три четверти – бедняки. Треть – безлошадные. Земля не родит. Две трети детей умирают во младенчестве. Зимой в избе семья – полтора десятка человек, теленок, козы, птица, и все – дышат! И книг про это великая русская литература не оставила. Недосуг ей было, великой литературе, она рассуждала о слезе ребенка. Абстрактной слезе.

А народ не плакал. Он пел. На Севере была колыбельная – подлинная!

Спи, усни,
хоть сейчас умри.
Тятка с работы
гробок принесет,
мамка у печки
блинков напечет.

У кого из читателей есть дети? Что надо с вами сделать, чтобы вы спели такую песенку своему ребенку? Живому... пока?

Туп русский народ, пьян и грязен. Отец моего друга рассказывал, как был шокирован в армии в 1941 году. Его товарищи, призванные из деревень, не понимали, для чего нужно постельное белье. Ах да, это их большевики развратили, а до того они на крахмальных простыночках... Воду из колодца на горбу таскали, сучки по лесам собирали да простыни крахмалили.

Ленив русский народ, неподъемен. Что бы в Сибирь переселиться. Может статья, веке этак в семнадцатом и переселились бы... но крепостное право насмерть приковало их к этим проклятым полям. А теперь – поздно.

За триста лет на цепи хорошие манеры появятся только у лакеев. Если человек год проведет в рабстве у каких-нибудь горных ваххабитов, ему потом выделяют психолога. По крайней мере, должны выделять. Человеку. А народу? И не год, а двести лет?

³⁵ Естественно, по меркам того времени. До того в России смертная казнь была действительно исключительной мерой.

Может быть, поэтому мы смотрим на Россию глазами русских дворян? Потому что посмотреть на нее глазами русских крестьян – потом впору самим психолога потребовать. И на год перейти исключительно на бразильские сериалы.

Глава 2. Ломы и приемы

*«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь,
Молодняком помещик любовался.
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В остратку мужикам... на случай своеволья!»
«М-да! – Филька промывчал, скосивши вбок глаза.
М-да... розги – первый сорт... Молоднячок... Лоза!..
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»*

Демьян Бедный

Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царелюбивы и революции не хотели. Учитывая вышенаписанное – они что, могли ее не хотеть? Могли, да, – те, кому выпало счастье стать жертвой «пьяного зачатия» и родиться умственно отсталым. Прочие же, судя по тому, с какой готовностью деревня отзывалась на любые революционные потрясения, спали и видели долгожданную перемену участи.

Завороженные Марксом, российские революционеры начала XX века все революционные движения привязывали к рабочему классу. Да с рабочими и проще было. Стиснутая на фабриках аморфная масса растерянных маргиналов была глиной в любых руках: лепи что хочешь, организуй как душе угодно, объясняй им их интересы и формируй в любые движения. Едва начались первые стачки, как самые разные политические силы – от эсдеков до правительства – принялись перетягивать рабочих на свою сторону.

С крестьянами же вышло с точностью до наоборот. Во-первых, они изначально были организованы гораздо лучше, чем рабочий класс. Первые рабочие организации появились в начале 90-х годов XIX века, а истоки общины теряются во тьме веков. Во-вторых, они, в отличие от рабочих, очень хорошо знали, чего хотят. Поэтому политики не могли привлечь крестьян на свою сторону: если они хотели заручиться их поддержкой, то должны были не приспосабливать крестьян к своим идеям, а защищать их интересы. Так, кстати, и поступили эсеры: они не могли привлечь мужиков к выполнению задач своей партии, зато дали политический лозунг крестьянским выступлениям – но не более того...

Ну и, в-третьих, касательно революционного элемента. В городах определяющую роль играли все же интеллигенты: пропагандисты рабочих кружков, учителя воскресных школ, авторы прокламаций. В деревню же революционных пропагандистов... посылало правительство, и были они плоть от плоти мужика и кровь от крови.

Дело в том, что крестьяне, ушедшие в города, формально считались членами общины: получали временные паспорта в родной деревне и платили налоги по месту «прописки». Поэтому после очередной стачки, демонстрации или драки с полицией тех активистов, кто был родом из деревни, отправляли «на родину». Успокаивались ли высланные – вопрос даже не риторический, а попросту бессмысленный.

Так что революционной работой на селе начиная с 90-х годов XIX века занимались не интеллигенты, которым там не доверяли. Ею занимались едва прикоснувшиеся к революционному учению молодые крестьяне с фабричным опытом, понимавшие идеи Маркса и прочих учителей весьма прямолинейно, а слово «закон» лишь в том смысле, что судить следует не по закону, а по совести. Они, репатрианты из городов, принесли деревне то, чего ей так не

хватало, – идеи социальной революции, адаптированные для простого народа. В сочетании с многовековым опытом самоорганизации, старыми счетами с помещиками и народными представлениями о справедливости эти идеи образовали гремучее вещество, коему позавидовал бы не только монах Шварц, но и изобретатель динамита Нобель.

Впрочем, поначалу еще не рвануло. Адская смесь должна была как следует перемешаться, пропитаться горечью социального унижения, кровью столыпинских судов и холодной жестокостью Столыпинской реформы, дойти до точки кипения в огне войны – и лишь тогда...

Пока что она еще горела, а не взрывалась. Но и огонь сей достоин внимания. Огонь пролетарской революции был совсем другим...

У каждого своя свобода

– Главная ценность человека – это свобода!

Катя гордо вскинула подбородок и обвела всех сидящих у костра вызывающим взглядом, словно приглашая попытаться с ней поспорить.

– А что такое свобода, Катя? – спросил Рат.

Роман Злотников. Атака на будущее

К началу нового века терпению народному стал приходить конец. Крестьянские волнения начались еще в 1902 году. В 1904-м они ненадолго стихли, чтобы после Кровавого воскресенья вспыхнуть с новой силой, пока что в виде разграбления имений. Причем странные это были грабежи. Начались они в ночь на 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии, уже в ближайшие дни пострадали еще 16 имений в округе, а там пошло... Т. Шанин³⁶ пишет:

«Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями напряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались „разобрать“ поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в „разборке“ деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли „разобранного“ зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил: например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...»

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые „порубки“ начались уже в конце 1904 г. Так же, как и „разборки“, „порубки“ обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе „порубок“ крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития...

...Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни „бездумным бунтом“, ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их

³⁶ Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.

цель – навсегда „выкурить“ помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

Согласитесь, не слишком-то похоже на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Проводились эти мероприятия и со смыслом, и с пощадой (кстати, в 1917 году у помещиков тоже отбирали не все хозяйство, а оставляли «трудовой надел», часто довольно большой. Писателю Пришвину, например, оставили 16 десятин). Это был осознанный, осмысленный властный шаг, установление равенства – более евангельского, чем революционного. Бессмысленным и беспощадным было, скорее, подавление волнений. (Философский вопрос: если крестьяне ведут себя как власть, а власть – как революционная чернь, что бы сие значило?)

Однако по-настоящему крестьянские волнения вспыхнули осенью 1905 года. Манифест 17 октября либералы из верхушки общества выдавливали из правительства для себя. У них и в мыслях не было, что еще кто-то, кроме них, захочет воспользоваться его плодами. Однако, едва узнав о даровании «свобод», крестьяне тут же горячо откликнулись на события. Вот только свободы они понимали иначе.

...Уже 17 октября 1905 года в Марковской волости Дмитровского уезда Московской губернии на сходе тамошнего сельского общества крестьяне попросили местного агронома выступить с рассказом о манифесте. Аудитория сообщение выслушала и разошлась по домам – думать.

Через две недели, переварив новости, крестьяне собрали второй сход, уже гораздо более представительный. На него сошлись жители нескольких деревень. Сход принял своеобразную «синтетическую» резолюцию, в которой смешались требования крестьянские и политические: демократические свободы, всеобщее образование, наделение земель безземельных крестьян и амнистия политзаключенным. Более того: сход постановил властям не подчиняться, податей не платить и рекрутов не давать до тех пор, пока эти требования не будут выполнены (из чего можно предположить, что агроном, вероятно, был «с народническим уклоном»).

Но все это оказалось только началом. Тут же, на сходе, было провозглашено «государство в государстве» – Марковская республика, президентом коей избрали сельского старосту Бурышкина. В ноябре программу дополнили требованиями отмены самодержавия и созыва Учредительного собрания. Как видим, с обменом идеями между промышленными центрами губернии, радикальной интеллигенцией и сельскими обществами явно было все в порядке.

Республика просуществовала до июля 1906 года. Все это время ею де-факто управлял местный комитет Крестьянского союза, состоявший из пяти человек. Первое и главное, что они делали – строго контролировали арендные платежи, поскольку плата за аренду земли в малоземельной Московской губернии была очень высока. Летом 1906 года полиция вошла на территорию «республики», староста-президент был арестован. Крестьянские органы власти мгновенно исчезли, испарились, словно бы их и не было. Община – осталась.

В Сумах отделением Крестьянского союза руководил некто Щербак, двадцать лет бывший фермером в Калифорнии и, по-видимому, научившийся там не только прогрессивным методам земледелия. В ноябре 1905 года крестьяне запретили в своей волости торговлю землей и взяли в коллективную собственность местный сахарный завод. Отделение Крестьянского союза установило собственную власть, сместив царских чиновников, ввело свои суды, издавало газету, организовало вместо полиции крестьянскую дружину.

Часто обходились и без Крестьянского союза. Инициаторами создания мужицких «республик» могли быть кто угодно: социал-демократы, эсеры, просто активные местные жители. Сплошь и рядом во главе крестьянского движения оказывались, как естественные лидеры, лавочники, сельские старосты, мельники. Все они были объединены общим интересом, ибо земля, которую брали в аренду, в основном принадлежала помещику – естественному общему врагу всех крестьян, от безземельного бедняка до лавочника, озабоченного повышением платежеспособного спроса.

Образцовыми можно считать события в селе Николаевский городок Саратовской губернии. 1 ноября 1905 года на общем собрании представителей окрестных деревень решено было сместить местные власти, заменив их крестьянскими комитетами, конфисковать оружие и деньги, создать боевые дружины. А главное, провести то, ради чего всю кашу и заварили, – конфискацию помещичьих, удельных³⁷ и казенных земель, а также помещичьего хлеба и передачу всего этого в безвозмездное пользование крестьянам.

В том же 1905 году возникла общероссийская организация – уже упоминавшийся Крестьянский союз. Организация загадочная, поскольку ее деятельность редко сопровождалась какими-либо документами – крестьяне не хотели плодить бумаги, а часто и не могли по причине неграмотности.

Единственный легальный съезд Крестьянского союза состоялся в ноябре 1905 года. Большинство делегатов были середняками, 25 человек принадлежали к сельской интеллигенции. Из 317 местных организаций ВКС 224, или 70 %, создавались на общинных сходах. Кстати, большинство членов Союза были беспартийными³⁸.

...Иллюзии продолжались недолго. Манифест 17 октября принимался не ради крестьян. В Государственной думе – новорожденном российском парламенте – интересы большинства населения страны защищала крохотная «трудовая» группа. С возмнившим о себе быдлом власть разговаривала сперва огнем и железом, а потом петлей и розгой. Мужика показали и его права, и его место в Российской империи. Он затаился, подчиняясь силе, однако ничего не забыл.

В 1906 году Союз, как и вообще крестьянское движение, был частично разгромлен, а большей частью просто исчез, самоликвидировался, растворился в общинной массе. Что несколько не означало ликвидацию крестьянского самоуправления, ибо фундамент-то остался. Опыт революции 1905 года показал, что на базе сельской общины любые крестьянские организации возникают с легкостью необыкновенной.

Этот аспект нельзя не учитывать, говоря о Столыпинской реформе. Пытаясь разрушить общину, премьер разрушал и крестьянство как организованную силу, пытаясь превратить его в аморфную, пронизанную взаимной завистью и враждой массу мелких собственников и столь же аморфное стадо батраков.

Этой своей великой цели, как и прочих, Столыпин не достиг. Но если в 1905 году деревня выступала как единая масса, то десять лет реформы раскололи ее. Граница между Февралем и Октябрем пролегла внутри деревни, и это обусловило события как времен Гражданской войны, так и коллективизации.

С огнем не шутят

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.

Года все шли да шли – и молодежь подрос.

Демьян Бедный

*...Неведомая теориям государственность крестьянской России,
для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов –
недоразумением.*

Сергей Кара-Мурза. Советская цивилизация

Пройдя через волнения 1905 года, карательные отряды, Столыпинскую реформу, ненужную и непонятную войну, мог ли крестьянин остаться прежним? Он должен был стать жестче,

³⁷ Удельные земли – земельная собственность императорской фамилии.

³⁸ Куреньшиев А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 6–7.

решительнее и непримиримей. Согласитесь, все случившееся с ним после «манифеста» – хорошее лекарство от иллюзий, если таковые еще оставались.

Разлившееся вольным потоком после 27 февраля политическое словоблудие, заморочившее головы горожанам, куда в меньшей степени подействовало на деревню. Как по объективным причинам – неграмотное население, плохие дороги, трудность доставки газет, – так и по субъективным. Свобода теперь важна была мужику лишь одним своим аспектом, и он достаточно легко выделял из словесного потока единственный важный для себя вопрос: что будет с землей? И новая власть, и Учредительное собрание интересовали его только с одной точки зрения: как те решат земельный вопрос.

3 марта 1917 года Временное правительство опубликовало декларацию, в которой, помимо прочего, говорилось об отмене сословных привилегий. Тем самым оно ставило точку в затянувшемся споре между дворянством, буржуазией и интеллигенцией: отныне все в стране равны, разницу в положении определяют только деньги. Если вынести за скобки газетную болтовню о свободах и пр., то именно в этом и заключается смысл всех буржуазных революций, сколько бы их ни было. Потому как деньги есть, а прав нету, каждому родовитому нищелюбу кланяться – обидно, понимаете?

Едва ли творцы данной декларации могли предвидеть, что наиболее горячий отклик это новшество получит опять же у крестьян. Зипуны, бороды, лапти и прочие атрибуты «черного народа» служили камуфляжем, под которым скрывались ум, воля и четкое понимание своих интересов. И на новые условия государственного бытия плечи в зипунах недоуменно поднимались в извечном жесте: да почему ж одни деньги-то? Или вы силу уже ни во что не ставите, господа?

Деревня помнила 1905 год, помнила очень хорошо, даже лучше, чем городские окраины. И в новых условиях, когда «молодняк подрос», собиралась повторить попытку.

Столыпинская реформа изменила расстановку сил на селе. Напомним, что к 1917 году в России насчитывалось 43 млн крестьян-общинников и 4,5–5 млн крестьян-собственников³⁹. Из них было 300 тыс. хуторян (прозванных «столыпинскими помещиками») и 1,5 млн отрубников – зародыш сельской буржуазии. У многих из них уже было гораздо больше общего с помещиками, чем с крестьянами, – в первую очередь форма собственности на землю и неплохой доход с нее.

Остальные 3 млн собственников – это либо продавшие наделы и ставшие безземельными люмпенами бедняки, либо мелкие хозяева, бившиеся на своих крошечных участках, в лучшем случае ухитрившиеся каким-либо образом прикупить несколько десятин. Промежуточный слой, за который шла отчаянная борьба, ибо экономические интересы тянули их в общину, а собственники перетягивали на свою сторону. Но все равно силы были слишком неравными, поскольку 90 % российских крестьян земли в собственности не имели, а значит, не боялись ее потерять, приобрести же могли много. Утратив рычаги власти, правительство оставило эти два непримиримых лагеря – собственников и общинников – лицом к лицу и один на один.

В 1917 году завершилось полувековое противостояние русской деревни и помещиков и на первый план вышло противостояние крестьян-общинников и кулаков⁴⁰, которое закончится спустя пятнадцать лет, во время коллективизации, тем же образом, что и в семнадцатом году, – то есть ликвидацией противника как класса. Основы раскулачивания закладывались в 1906 году, а укреплялись летом 1917-го, когда крестьяне-общинники и крестьяне-собственники схлестнулись в борьбе за землю.

³⁹ Судя по цифрам, речь идет о пользователях земель, т. е. мужчинах, за исключением детей, родившихся после последнего передела.

⁴⁰ Мелкие собственники, не менее жестоко эксплуатируемые кулаками, чем прочие односельчане, обычно были на стороне общины. Куда, кстати, довольно легко возвращались. Терять им было нечего, а противопоставлять себя «миру» слабым хозяевам невыгодно.

На объявление демократии русская деревня отреагировала мгновенно: за какие-то несколько недель, в точности как в 1905 году, прежние органы власти были сметены и заменены новыми. Вот только теперь это происходило по всей стране и не могло быть прихлопнуто, как в ту, первую революцию, поскольку власть не имела в своем распоряжении силы для такого прихлопывания.

Назывались эти органы власти по-разному: комитеты, союзы, советы и пр. В апреле вывеска унифицировалась: они стали называться временными исполнительными комитетами. Правительство считало их недолговечными и намеревалось в ближайшее время заменить все-сословными земствами. Однако крестьяне к тому времени имели огромный счет к верхушке общества и вволю насмотрелись на земства. Их позиция была неизменна: они не хотели заседать с помещиками в одном комитете.

При демократии вопросы власти, как известно, решаются большинством. А большинство в деревне кто? 75 % бедноты, плюс к тому 15–20 % середняков, которые тоже перебиваются с хлеба на квас. Неудивительно, что в комитеты практически не допускалась «чистая публика», т. е. помещики и интеллигенция, – а часто и кулаки, хуторяне, отрубники. «Птенцы» Столыпинской реформы уже не воспринимались «миром» как свои. Зато очень большую роль в выборах и комитетах играли вернувшиеся с фронта солдаты – ясно, с каким настроением! И все больше и больше слушали большевистских агитаторов, которые не заморачивались теориями и компромиссами, а говорили просто: даешь землю здесь и сейчас.

Комитеты практически сразу стали считать себя основной властью на местах и принялись требовать долгожданную реформу. Их позиция, за небольшими исключениями, одинакова по всей стране: конфискация всех помещичьих, удельных, церковных земель безо всякого выкупа. Во многих местах требовали включить сюда и участки богатых крестьян-кулаков, а также порожденных Столыпинской реформой земельных спекулянтов.

Что любопытно: ни одна политическая сила не имела влияния на исполнительные комитеты. Даже эсеров, «крестьянскую» партию, слушали ровно в той степени, в какой они говорили то, что хотели слышать сами мужики. Единственно, в чем преуспели политики той весной – это кое-как уговорить крестьян подождать Учредительного собрания.

Согласиться-то они вроде бы согласились, однако ждать оказалось уже невозможно – сеять пора! Комитеты перешли пока к промежуточным мерам. Земли еще не конфисковывались, а принудительно забирались в аренду на условиях комитетов. Были и более хитрые способы. Например, устанавливали очень высокую заработную плату батракам, реквизировали у помещиков инвентарь, а потом угоды отбирали как необрабатываемые. Правительство пыталось бороться, рассылая циркуляры, комитеты их успешнейшим образом игнорировали, а силы, чтобы настоять на своем, новая власть не имела.

И тут грянул Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Проходил он с 4 по 28 мая 1917 года. Интересен в первую очередь его состав. Из 1353 делегатов 672 были представителями крестьян, а 681 – солдат, которые тоже не желали оставаться в стороне от земельных дел. Солдаты – это ведь, в сущности, те же мужики, но более молодые, чем крестьянские делегаты, приученные к организации и пропагандированные. По партийной принадлежности большинство – 537 делегатов – представляли собой, естественно, эсеры. Следующей по величине была «фракция» беспартийных.

Съезд сразу выразил доверие Временному правительству по политическим вопросам, которые были ему безразличны, и даже поддержал его в вопросе о войне – хотя эту резолюцию президиум вырвал у собравшихся с трудом. Но все же и эсеры, и меньшевики (которых было 103 человека) выступали за войну – так что превозмогли.

А затем разгорелись дебаты о земле. Шли они десять дней и завершились решением, в котором эсеры, игравшие на съезде первую скрипку, сами себя перехитрили. Они позиционировали свою партию в качестве крестьянской, но при этом не хотели идти и против правитель-

ства, в котором заседали их представители. Поэтому, не решив принципиально вопроса о собственности, они все же приговорили, что вся земля передается в ведение земельных комитетов. Этим же комитетам передавалось право реквизиции инвентаря, скота, сельскохозяйственных машин и пр., регулирование арендных отношений, контроль за сбором и хранением зерна, а также контроль за соблюдением запрета земельных сделок, ибо первое, что сделали комитеты – это остановили Столыпинскую реформу.

Зафиксировав резолюцию на бумаге, эсеры тут же дали задний ход – принялись объяснять, что это всего лишь *наказ* крестьян Временному правительству, по которому последнее должно принять какие-то законы. Однако делегаты смотрели на нее иначе, а именно – как на руководство к действию, тем более что в работе съезда участвовал и министр земледелия эсер Маслов – так чего еще хотеть?! Перед самым закрытием, в качестве напутствия от правительства, съезд получил телеграмму, запрещающую захваты частновладельческих земель. Толку от нее, как и следовало ожидать, не было никакого, кроме того, что телеграмма обозлила собравшихся и они тут же потребовали ее отмены.

Всю эту информацию делегаты принесли домой. А на местах к тому времени демократию понимали буквально и на распоряжения властей просто не обращали внимания, продолжая «ползучий» захват помещичьих земель.

Из зала съезда вопрос о земельной реформе попал в правительство, где, естественно, благополучно увяз. В уездах же к тому времени все большую власть начали приобретать Советы, в которых слушали уже не только эсеров, но и большевиков. У последних было огромное преимущество: их партия в правительстве не заседала, и поэтому вопросы о священном праве частной собственности не волновали их вообще никак.

...А потом вдруг что-то произошло. Во второй половине лета начались многочисленные захваты и погромы помещичьих имений. Что именно случилось? Количество перешло в качество? Мужикам надоело ждать у межи погоды? Да, и это тоже, но должен был существовать и какой-то спусковой крючок, произойти что-то такое, что не позволяло крестьянам продолжать ожидание. Тем более лето – странное время для захватов. Летом работать надо, а не собственность делить, иначе зимой все лапу сосать будут – и ограбленные, и грабители.

И тут нельзя упускать деятельность еще одной организации. Называлась она – Союз земельных собственников и сельских хозяев.

Союз земельных собственников существовал в России с ноября 1905 года. После разгрома революции его деятельность сама собой прекратилась. Воссоздан он был в ноябре 1916 года, а после Февраля в него стали принимать и крестьян. Параллельно аналогичные союзы начали появляться и на местах. Вскоре это множество организаций оформилось во Всероссийский союз земельных собственников и сельских хозяев (ВСЗС), учредительный съезд которого состоялся все в том же мае 1917 года. Большинство участников съезда составляли крестьяне, имевшие по несколько десятков десятин земли и поневоле оказавшиеся по одну сторону баррикады с помещиками, ибо на их землю также покушались местные крестьянские комитеты.

В начале июля собрался второй съезд ВСЗС. Основной его темой была аграрная программа, по которой «собственники и хозяева» разделились и едва не раскололись. Каждый тянул в свою сторону. Крестьяне требовали отчуждения помещичьих земель, а помещики отстаивали незыблемость своих владений. В конце концов кое-как договорились: помещики кинули мужикам кусок в виде права на отчуждение необрабатываемых и арендуемых крестьянами земель. Вторая позиция лишала их изрядной доли дохода, но по этому вопросу с мужиками спорить не стоило – можно было потерять все.

Зато по другому решению разногласий не возникло: кто получит эту землю? Съезд решил, что наделяться землей должны только те крестьяне, которые ведут частное хозяйство, и участки передаются им в собственность с правом наследования. Собственники договорились между собой, а общинникам не светило ничего.

После этого надеяться на мир в деревне было смешно.

Итак, в середине лета на местах начались прямые захваты, очень скоро естественным образом перешедшие в крестьянскую войну – поджоги, разгромы имений, убийства.

Начал Тамбов – знаменитое в смысле крестьянских войн место. 7 сентября в селе Сычевка Козловского уезда люди кулака Романова, арендовавшего помещичье имение, ранили двух крестьян, которые зашли на помещичье поле. Ответ последовал незамедлительно: имение было сожжено, Романов убит.

И покатилося. Через неделю восстание охватило 14 волостей Тамбовской губернии, были разгромлены 54 имения. В ближайшие два месяца в губернии состоялись 193 выступления крестьян, из них 136 сопровождались погромами и захватами. Вскоре пылали уже 79 уездов, и пожар продолжал распространяться. Только в трех губерниях Поволжья – Саратовской, Симбирской и Казанской – за два месяца произошло 570 выступлений.

Правительство попыталось, по рецепту 1905 года, применить против восставших военную силу. Однако чтобы применить эту силу, ее надо иметь. Армия набиралась из той же крестьянской бедноты, и одному Богу известно, что передумали и перечувствовали солдаты, участвовавшие в столыпинском усмирении, какие сны им снились в душных казарменных ночах и что они рассказывали новобранцам. Факт тот, что солдаты отказывались стрелять в народ, а часто и переходили на сторону восставших.

Относительно надежны были только кавалерийские полки – в основном казаки, которые сами опасались за свою землю (на них наседали иногородние, требовавшие равных с казаками наделов) и потому могли понять чувства собственников. Но казачьи поля находились на Дону, где уже формировалась к тому времени Донская республика, так что станичникам было не до русских дел.

О том, до какой степени даже эсеры не понимали происходящего, говорит проект, который 11 октября внес на рассмотрение правительства министр земледелия Маслов. Он совершенно искренне считал: для того чтобы умиротворить крестьян, достаточно издать законы, которые регулировали бы земельные отношения. Причем вопрос о ликвидации частной собственности на землю он даже не ставил; крестьяне должны были арендовать частновладельческие земли; скот и инвентарь также оставались у владельца и не могли использоваться без его разрешения. По сути, это было продолжение столь ненавистой крестьянам Столыпинской реформы. Впрочем, масловский проект все равно не был принят. Жаль. Если бы его одобрили, эсеры стали агитировать в его пользу и тем подорвали бы свою репутацию на селе, это уберегло бы будущую Советскую республику от многих бед, связанных с данной партией.

Правда, вскоре в отношениях власти к народу произошел решительный сдвиг. Временный Совет республики (был и такой орган) в ультимативном порядке потребовал от правительства немедленного решения вопроса о мире и передаче земель земельным комитетам. По сути, это был вотум недоверия Временному правительству (который Керенский тут же послал по известному адресу). Один недостаток имелся у данного решительного проекта: он был принят 24 октября 1917 года. Согласитесь, это немножко поздно: к тому времени другая сила заявила о намерении взять власть к завтрашнему дню...

Гибельная справедливость

*Да что тут предлагать? А то пишут, пишут... Голова пухнет.
Взять все да и поделить...*

Михаил Булгаков. Собачье сердце

Еще раз: самая большая ошибка – это судить о большевиках по тому, что они *говорили*. Говорить они могли все что угодно, но советское правительство никогда в угоду теоретическим воззрениям не перло поперек логики событий, проявляя просто потрясающий здравый смысл.

Мелкокрестьянский рай отнюдь не являлся идеалом большевиков – это были народные и отчасти эсеровские заблуждения. Большевики стояли за крупное хозяйство на земле, организованное по типу завода, и практически сразу начали попытки создания подобных хозяйств – совхозов и коммун. А декрет о земле шел в прямо противоположном направлении. И тут впору еще раз вспомнить слова Ленина в 1922 году – что многие первые декреты советской власти принимались отнюдь не для исполнения, а, говоря современным языком, чтобы продемонстрировать негодность выбранной популистской модели. За десять лет негодность декрета о земле продемонстрировали так, что дальше некуда. Во всех положениях: при войне и при мире, в варианте военно-коммунистическом и нэповском, с государственной поддержкой и без нее.

Но пока что стояла осень семнадцатого года, и ситуация предполагала простой выбор: либо правительство узаконит своим решением уже вовсю идущие захваты земель, либо попытается им противостоять, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но зачем противостоять? Права помещиков, Церкви и императорской фамилии большевиков абсолютно не волновали, а повсеместный переход на совхозы в 1918 году они не планировали. Им было легко сделать выбор, которого на самом-то деле и не существовало. И деревня ответила им мандатом доверия.

11 ноября собрался Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов. Заседал он две недели, всю дорогу пополняясь. До последнего дня продолжали прибывать делегаты, причем не только от сельских Советов, но и от образованных в армии разнокалиберных крестьянских комитетов – были и такие. Через неделю после начала партийный состав 330 собравшихся к тому времени делегатов был следующий: 195 левых эсеров, 65 прочих эсеров и лишь 37 – большевиков. Однако Декрет о земле, приватизировавший программу, в свое время составленную эсерами по крестьянским наказам, сделал свое дело: съезд поддержал решения Второго съезда Советов. Первым из них, напомним, был совершенно бесспорный в глазах всего народа Декрет о мире, вторым – столь же бесспорный в глазах крестьян Декрет о земле, а вот третьим – создание большевистского Совнаркома. Какие бы подводные течения ни бродили в левозеро-эсеро-большевистской партии, открыто оспаривать первые два декрета они не рискнули, а признав их, признали и Совнарком.

Работа съезда увенчалась долгожданным союзом большевиков с левыми эсерами. Ленин получил коалицию, которая принесет вскоре чуть-чуть пользы и кучу неприятностей, а левый эсер Колегаев стал наркомом земледелия. А затем началось «ползучее» объединение рабочих, солдатских и крестьянских Советов. Это не прибавило порядка в советскую мешанину, зато уменьшило количество съездов – и то хорошо...

Занятые совсем другими делами, основной аграрный документ того времени – закон о социализации земли – большевики отдали левым эсерам. 19 февраля одобренный очередным съездом Советов закон был подписан Лениным. Он определял основные принципы пользования землей.

Принципы были вполне справедливыми. Надел мог получить любой гражданин, желающий заниматься крестьянским трудом. Основное условие его получения – обработка земли собственными силами. Наемный труд допускался только на государственных сельхозпредприятиях, частным лицам пользование им было запрещено под страхом лишения надела. Общие принципы закона понятны и вразумительны, но вот когда дело доходит до норм землепользования...

Для начала в их основу заложили абсолютно утопическое положение: надел должен «давать возможность безбедного существования семье земледельца», которым и определялся его минимальный размер. Максимальный же размер не должен был превышать «трудоспособ-

ности наличных сил каждого отдельного хозяйства»⁴¹. Принцип землепользования устанавливался строго уравнилельный, с постоянными переделами. А уж когда стали разбираться с порядком исчисления величины надела, которую предполагалось устанавливать отдельно для каждой хозяйственной полосы России в таком размере, который, по мнению местного населения (!), признается наиболее благоприятным для хозяйствования...

Можно представить себе, что началось бы в стране, если бы этот закон решили претворить в жизнь. К счастью, выполнять его никто и не думал. Волостные комитеты не подчинялись не только центральной власти, но даже уездной. В каждой деревне земельную реформу проводили по-своему, а суть была одна: захватить как можно больше земли и поделить между собой по старым добрым общинным принципам, при этом пощипав и наиболее зажиточных деревенских хозяев⁴².

Большевики не влезали в вопрос социализации земли. Они были достаточными прагматиками, чтобы понять всю бессмыслицу подобного закона и отдать его на откуп левым эсерам – по крайней мере, те какое-то время будут заняты делом и меньше станут изображать оппозицию. Зачем принимать закон, не имея механизма его выполнения? Все равно на местах делают так, как захотят.

Ленин был толковым экономистом и отлично понимал, что эсеровская программа, даже будучи скрупулезно реализованной, неспособна вывести страну из аграрного тупика. Наоборот, она способствовала измельчанию хозяйств и постоянным переделам, в то время как спасение лежало на пути создания крупных агропредприятий. А пока правительство пыталось защитить крепких частных владельцев. Закон прямо запрещал при переделах принудительно отбирать землю у хуторских и отрубных хозяйств, если те являлись «трудовыми» – т. е. земля не служила средством наживы⁴³. Однако по причине слабости центральной власти земельные вопросы решались на местах, и чем ниже уровень, тем дальше отклонение от государственной политики.

Так, инструкция Земотдела Моссовета, в противовес закону, уже допускала урезание земли единоличников⁴⁴, хотя и в случае значительных излишков. Эта поправка развязывала руки местным властям, которые трактовали «излишки», как хотели.

Уже в 1918 году Центрозем вправлял мозги Москомзему: *«Задачей советской власти является поддержание, а не расстройство хозяйств вышеуказанной категории, хорошо оборудованных, богатых частной инициативой и в отношении системы полеводства выгодно отличающихся от соседних землепользований»*⁴⁵. А с другой стороны, это выгодное отличие делало частные земли лакомым куском для общинников. После Декрета о земле, отражавшего сокровенные чаяния крестьянства, началось прямое разграбление крупных и сильных хозяйств. Ни к чему хорошему это привести не могло.

Забегая вперед, можно сказать, что вышло так, как и должно было – то есть совсем плохо. По данным выборочной десятипроцентной переписи 1919 года, число беспосевных хозяйств сократилось на 38 % (самый большой процент – 60,7 % – дал Центрально-Земледельческий район, на втором месте – 59,5 % – Средневолжский). Зато в 25 губерниях практически исчезли крупные частные хозяйства (свыше 13 дес.).

К началу 1919 года в Европейской России было распределено более 17 млн дес. земли. Миллион беспосевных крестьян получили наделы. Число хозяйств, имеющих до 2 дес. посева,

⁴¹ Сплошь и рядом максимальный предел лежал значительно ниже минимального.

⁴² У нас бытуют несколько неадекватные представления о том, что такое «зажиточный хозяин». Это не тот, у которого пара десятков десятин земли, а тот, у которого их сотни, а то и тысячи. Вспомним хотя бы того тамбовского кулака, который арендовал помещичье имение.

⁴³ Еще раз напомним, кулаки – это те, кто наживался на земле: обрабатывали ее с помощью батраков, сдавали в аренду.

⁴⁴ В смысле не членов общины.

⁴⁵ Цит. по: Ковалев Д. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона. М., 2004. С. 154.

возросло с 6 до 8–9 млн, составив 43 % хозяйств. Немного (на 10 %) увеличилась группа хозяйств, имеющих 2–4 дес, количество более крупных уменьшилось, а хозяйства, засевавшие свыше 10 дес., почти исчезли. Таким образом, был отчасти достигнут крестьянский идеал и практически полностью разгромлен аграрный сектор.

Кроме того что мелкие хозяйства малопродуктивны сами по себе, они были еще и очень слабыми. Для успешного хозяйствования мало получить саму землю. Надо иметь еще и рабочий скот, инвентарь, фураж, семенное зерно. Все это было реквизировано у помещиков одновременно с землей, однако скота, инвентаря и пр., которых хватало для эффективно организованного крупного хозяйства, оказалось безнадежно мало при прямом дележе между крестьянами, да еще и бескормица 1917 года смертной косой прошла по конюшням.

В итоге, несмотря на все переделы, инвентаря и рабочего скота не имела треть хозяйств. Еще столько же дворов были настолько слабыми, что даже при прибавке земли говорить о каком-либо товарном производстве не приходилось – дай Бог себя впроголодь прокормить⁴⁶. В результате Декрета о земле сельское хозяйство страны сразу по пояс ухнуло в трясину.

Однако выбора, как уже говорилось, у большевиков не было. Не пойдя они на поводу у крестьян, слабую советскую власть снесли бы, даже не заметив, что там что-то было, а землю все равно поделили бы. Слишком долго об этом мечтали, слишком долго...

...Нет, нельзя сказать, что новая власть обманула крестьян, – землю те получили, тут все было по-честному. Но потом интересы деревни – получив землю, растить хлеб, продавать его и богатеть – столкнулись с интересами государственной власти: прокормить *все* население, а не только деревню, и выиграть войну. Власть имела право рассчитывать не только на лояльность, но и на помощь крестьян в трудное для страны военное время. Но деревня, получив землю, была совершенно не склонна расплачиваться с правительством.

Так считается, и по этому поводу редко кто из писавших о том времени не кинул в мужика камень⁴⁷. И совершенно, кстати, зря. Ибо землю получили одни и в ответ поддержали советскую власть как избирательным голосом, так и винтовкой. Вот только хлебом поддержать ее не могли, поскольку имели хлеб и прятали его другие...

Проблема заключалась в том, что основные производители товарного зерна – крупные зажиточные хозяева – от Декрета о земле не выиграли почти ничего, а многие даже и потеряли. Впрочем, не факт, что и получив многое, они поступились бы прибылями. На этот счет существует много хороших русских поговорок. В данном случае подошел бы вариант: «сытый голодного не разумеет»...

История продразверстки в России

С началом осады князь велел переписать хлебные запасы города, да чтобы не утаили ни меры. Княжьи люди пошли по дворам, двух больно хитрых хлебных гостей, задумавших прятать зерно, повесили для острастки на собственных воротах. Учтя все припасы, Красно Солнышко повелел, чтобы розжь продавалась не дороже гривны за кадь. В этот раз пришлось повесить шестерых купцов, решившихся нажиться в недоброе время. Заодно посадили на колья пятерых облыжных доносчиков, что попробовали свести свои обиды, обвинив честных гостей в тайной продаже хлеба втридорога.

Иван Кошкин. Илья Муромец

⁴⁶ Естественно, в разных регионах было по-разному. Приведенные цифры относятся к Европейской России, но хлеботородные районы юга России в то время находились под белыми, а железнодорожное сообщение с Сибирью было отвратительным.

⁴⁷ Кроме либералов и их последователей – российских «демократов». Те считают, что законы свободного рынка должны действовать всегда, в том числе и во время войны.

Разборки с деревней из-за хлеба начались еще в 1915 году.

К началу Второй мировой войны государственные резервы зерна в России составили около 900 млн пудов⁴⁸. Примерно столько товарного хлеба она ежегодно поставляла на мировой и внутренний рынок в последние предвоенные годы. Обычно товарный хлеб (то есть хлеб, предназначенный на продажу) составлял в России 20–25 % от общего сбора зерна. Кроме того, с началом войны неизбежно резко снижался экспорт хлеба и весь он должен был пойти на внутренний рынок – а экспорт в то время составлял около половины товарного зерна. Так что хлеба для внутреннего рынка хватало... должно было хватить – на бумаге. А в реальности опять разверзлись всякие там овраги.

Кроме абсолютных показателей, существовал еще и экономический механизм по имени «рынок». Зерно – не молоко и не газета, оно не ограничено коротким сроком реализации и вполне может годами лежать в закромах, ожидая своего часа. Сей скорбный факт выяснился уже в 1915 году и принял катастрофические размеры в 1916-м. В этом году урожай был 3,8 млрд пудов зерна. Допустим, товарный хлеб составляет четверть от производимого – около 950 млн пудов (если брать пятую часть – 750 млн). Довоенные потребности внутреннего рынка были около 500 млн. Даже если учесть увеличение потребления хлеба, связанное с питанием армии, зерна все равно хватало с избытком. По расчетам. На самом же деле Россия столкнулась с продовольственной проблемой уже в 1915 году, ибо производители не хотели продавать хлеб.

У них была вполне уважительная причина: царское правительство так и не смогло навести порядок в ценах. В связи с войной обесценились деньги и резко подорожали промышленные товары – и зачем, спрашивается, продавать зерно, если на вырученные деньги ничего нельзя купить? Хлеб сам по себе валюта, куда надежнее рубля, так что пусть полежит до лучших времен. Простая арифметика: чем меньше зерна на рынке – тем оно дороже. Когда начнется голод, за него можно будет получить настоящую цену⁴⁹.

23 сентября 1916 года, в связи с катастрофическим продовольственным положением, была введена продразверстка и установлены твердые цены на хлеб. Естественно, хлебозаготовки правительство провалило – мало-мальски справные производители (и, само собой, перекупщики) прятали хлеб до лучших времен. Тем более что план по зерну (был такой и в царские времена) вдвое превышал объем внутреннего хлебного рынка до войны. К концу 1916 года дефицит между спросом и предложением хлеба составил 600 млн пудов. В феврале 1917 года председатель Государственной думы Родзянко сообщил царю о том, что разверстка потерпела полный крах.

Но ведь и 1915, и 1916 годы были урожайными. Куда же девался хлеб?

А никуда он не девался. Накапливался он. Лежал и ждал хорошей цены – частично в крестьянских закромах, а большей частью в кулацких и помещичьих амбарах, куда вскоре ляжет и урожай семнадцатого года, да на складах перекупщиков.

Историк С. Кара-Мурза по этому поводу пишет: *«И вот вывод раздела „Сельское хозяйство“ справочного труда „Народное хозяйство в 1916 г.“: „Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью“. Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия»*⁵⁰.

⁴⁸ Данные приводятся на основании расчетов В. Галина (*Галин В. Запретная политэкономия. Красное и белое. М., 2006*).

⁴⁹ Точно по тем же соображениям во времена Великой депрессии, когда значительная часть населения США голодала, владельцы продовольствия уничтожали его, чтобы не допустить падения цен.

⁵⁰ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Т. 1. <http://www.kara-murza.ru/public.htm>

Естественно, общинный крестьянин продавал хлеб по твердым ценам не от хорошей жизни, а потому, что ввиду бедности не имел запасов. Ему были нужны хоть какие-нибудь деньги на насущные нужды. Кроме того, мелкий хозяин не имел собственного выхода на рынок, а перекупщик не давал больше твердой цены – так какая, спрашивается, разница?

Хлеба от такой «продразверстки» правительство получило очень мало. Зато недовольства в деревню подбавило огромное количество.

Едва придя к власти, Временное правительство... ну конечно же, объявило продразверстку. *«Неоднократные попытки старого правительства получить хлеб успеха не имели вследствие недоверия населения к старой власти. Продовольственная Комиссия считает нужным призвать к немедленному получению хлеба. Государственные интересы требуют получения сейчас же всех крупных партий хлеба, сосредоточенных в больших сельскохозяйственных экономиках, у торговых посредников и банков...»*

Немедленно по получении этой телеграммы приступить к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запаса хлеба у торговых предприятий и банков»⁵¹.

Постановлением от 25 марта весь хлеб велено было передать продкомитетам, за исключением нормы на питание и семенного зерна. 11 апреля все посева (!) объявили общегосударственным достоянием. Большевики до такого не додумывались даже в самые «коммунистические» годы советской власти.

Как вы думаете, был толк от этих постановлений? Правильно! Нет, держатели хлеба доверяли Временному правительству, но... зерна все равно не давали. А взять его оно не могло, поскольку распоряжаться правительство научилось, а вот механизма выполнения своих приказов в наличии не имело.

Еще больше повысил недоверие крестьян к хлебозаготовкам любого рода наглый обман новых «демократических» властей.

«6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. „ни в коем случае повышены не будут“. Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и было проведено под шумок, в дни Корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебобородных губерний⁵² и по рабочим»⁵³.

О реакции крестьян хлебобородных губерний на этот финт догадаться нетрудно – больше никаких хлебозаготовок, только свободная торговля! Вот только свободная торговля в условиях, когда промышленного производства практически не существует, а деньги являются просто разрисованной бумажкой, становится чем-то виртуальным. Очень быстро она свелась к простому товарообмену. Уже летом 1917 года британский военный атташе генерал Нокс докладывал: *«В некоторых губерниях крестьяне отказываются отдавать свое зерно иначе, как в обмен на мануфактуру. Селения Юго-Западной России нуждаются в одежде и металлических изделиях. Министр продовольствия делает героические усилия, чтобы найти нужные для обмена предметы, но сейчас мануфактуру достать в России нельзя нигде... Если даже удастся собрать некоторое количество товара, то распределение его при царящем беспорядке является делом нелегким. 600 вагонов тканей было недавно отправлено для обмена на Кавказ. 400 из них было „арестовано“ в Таганроге, и местные комитеты потребовали распределения содержимого на месте»⁵⁴.*

Это еще не советская власть, это лето 1917 года!

⁵¹ Цит. по: Купцов А. Миф о красном терроре. М., 2008. С. 92–93.

⁵² Напомню, что в нехлебобородных губерниях крестьяне, не в силах вырастить достаточно хлеба, его покупали.

⁵³ Кара-Мурза С. Гражданская война.

⁵⁴ Цит. по: Галин В. Запретная политэкономия. Красное и белое. М., 2006. С. 375.

Дальнейшую «перестроечную экономику» спрогнозировать нетрудно. Прямой товарообмен продолжится до тех пор, пока в городах будут сохраняться хоть какие-то остатки прежней роскоши. А что потом? Торговец так и станет сидеть на своем хлебе? Ага, конечно! Мы же не одни на планете!

Выход предельно простой: хлебные торговцы найдут покупателей, если не в стране, так за ее пределами. И до революции русское зерно уходило за границу притом, что население недоедало. Сейчас оно ушло бы туда притом, что население бы умирало с голоду. Тем не менее принцип свободной торговли нарушать, конечно же, нельзя. Куда там большевикам с их постоянно корректируемыми идейками до реальной цены либеральных экономических концепций!

Заготовка хлеба 1917 года столкнулась еще с одной проблемой. Нельзя сказать, что ее не существовало прежде, но до того это был вялотекущий процесс, а летом 1917 года, когда крестьяне стали захватывать помещичьи земли, произошел качественный скачок. Речь идет все о том же: об изменении структуры сельского хозяйства.

Мы помним, что большая часть товарного хлеба производилась в крупных хозяйствах. Его непросто было взять, но этот хлеб, по крайней мере, имелся в наличии. Однако летом 1917 года эти хозяйства начали исчезать с лица земли. Все тот же генерал Нокс пишет:

«Прежнее правительство зависело от урожая на помещичьих землях, который легко было собрать. Но помещичьи посевы уменьшились вследствие препятствий, чинимых крестьянами. Последние, кроме того, стремятся мешать применению сельскохозяйственных машин. Они требуют предоставления им сбора хлебов при условии уплаты им за это от четверти до трети урожая. Это значит, что большая часть урожая помещичьих земель будет растаскана по избам и сбор его станет для правительства невозможным».

А в дальнейшем «растасканы по избам» будут земля и инвентарь, и крупные хозяйства, производившие товарный хлеб, канут все в то же крестьянское море, которое с трудом кормило само себя. Начался и большей частью прошел этот процесс еще при Временном правительстве, а вот последствия, год от года усугублявшиеся, достались на долю большевиков.

В документах Временного правительства названы основные держатели хлеба: помещики, торговцы, банки. Кулаки и тем более крестьяне среди них не числятся. Однако уже к 1918 году ситуация изменилась. Помещиков больше нет, запасы торговцев и банков реквизированы или разграблены (те, которые не удалось спрятать). Земля роздана крестьянам, но теперь те же крестьяне должны стать поставщиками продовольствия для страны. К чему они никоим образом не были готовы.

Товарный хлеб, то есть хлеб, не предназначенный для собственного потребления, производила очень небольшая прослойка. До революции всерьез говорить об излишках могли лишь около 5 % крестьянских хозяйств. Ну, допустим, после передела их стало 7–8 %⁵⁵. Это при том, что, к счастью, не выполнялся закон о социализации земли. Иначе все было бы еще хуже, ибо крупное хозяйство без батраков не поднимешь.

Но в любом случае не меньше двух третей хозяйств излишков не имели вовсе, а около трети (как минимум!) изначально не могли прокормить себя. И правительство, едва приняв страну, столкнулось с совершенно абсурдной ситуацией: кроме населения городов надо было заботиться еще и о пропитании сельского населения. А если оно хотело хоть как-то на будущее ослабить это бремя, надлежало позаботиться еще и о скоте, инвентаре и семенном фонде для этих маломощных хозяйств.

Абсурд российского аграрного сектора в критической ситуации обернулся полным маразмом. И маразм этот крепчал день ото дня.

⁵⁵ Это средние данные по Европейской России. В хлеботорговых губерниях ситуация была иной, однако большинство их почти сразу попали под белых и для красной власти были потеряны.

К вопросу об игольных ушах

— ...Хлебом мы воинов кормить будем, и женок их, и детей малых. А вы пять гривен за кадь ломить? Куда заберете гривны сии — в ад? Во тьму и скрежет зубовный?.. Постыдились бы, — голос Владимира смягчился, стал укоряющим. — Ляишского конца купцы — ляхи, и фрязи, и варяги товар свой задарма воинству отдали — мечи франкские, топоры, шелома... Жидовский конец амбары открыл: и хлеб, и мясо — все воям отдает. А вы? Крестов на вас нет?

— А чего крестов? — донесся из толпы голос, полный тупой, тяжелой злобы. — Наш хлеб! Наш! Сами его покупали. Сами теперь продадим. За сколько захотим! И ты нам тут не указ! Купцы всем нужны, с Калином ужасно как-нибудь договоримся.

Иван Кошкин. Илья Муромец

...Поначалу большевики все же пытались управлять как нормальное, цивилизованное правительство. Едва придя к власти, они подтвердили введенную еще Временным правительством хлебную монополию — закупку зерна на селе по твердым ценам, запрещение его свободной продажи. И, в полном соответствии с лозунгами, возложили реализацию хлебной монополии на власть. В данном случае — на местные Советы. Если бы на село сразу послали продотряды... впрочем, до продотрядов надо было еще дозреть. Не все сразу.

Что собой представляли местные Советы того времени — не поддается никакому полету фантазии. Ситуация там определялась множеством факторов, но в основном двумя: продовольственным положением членов Совета — персонально! — и политической ориентацией того горлопана, который им руководил. Первый фактор определял политику Совета, второй — лозунг, под которым эта политика проводилась. Это кроме тех случаев, когда власть захватывали местные гопники или пришлые бандиты. Никакая власть им была не указ, ибо вся власть кому? Правильно, Советам.

Все же существовало общее правило: чем более промышленными оказывались губерния, волость, уезд, тем тверже там поддерживали хлебную монополию. И стоит ли удивляться? Ведь чем больше людей занято в промышленности, тем хуже положение с хлебом, так что вся надежда на государство.

«В 200 волостях четырех губерний промышленного района — Владимирской, Нижегородской, Тверской и Ярославской — наибольшую активность в проведении государственной политики проявляли Советы с высоким процентом рабочих в составе населения волости. Так, во Владимирской губернии 80 % волостных советов признавали монополию на хлеб, в Ярославской — 50, Нижегородской — 43, Тверской — 22,6 %. В среднем 49 % волостных Советов промышленных губерний поддерживали продовольственную политику Советской власти.

Однако результативность их работы почему-то была невелика. На состоявшемся в марте 1918 г. Осташковском уездном съезде Тверской губернии делегаты... говорили, что в деревне сильно влияние кулаков, из-за чего деревня не идет навстречу местным Советам: развита спекуляция, учет и реквизиция хлеба не проводятся, продукты распределяются „несправедливо, всем“. Сообщалось также, что Новинский волостной Совет сам поддерживает спекуляцию, а в Павлихинской волости голодная бессознательная масса, подстрекаемая кулаками, попами, помещиками, избивала членов Совета, пытавшихся провести учет хлебных излишков. И лишь Паишутинский волостной совет, поддерживаемый беднотой и крестьянами среднего достатка, произвел реквизицию хлеба у кулаков и распределил его среди неимущих»⁵⁶.

⁵⁶ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 77–78.

Отсутствие твердых цен и свобода торговли выгодны были держателям хлеба – кулакам и торговцам. У бедняков интерес прямо противоположный, но они – самая забитая и необразованная часть сельского населения, да и кулак, имея столь мощный рычаг влияния на голодных односельчан, как мешки в амбарах, своего добьется. Бедняков удавалось побудить отстаивать свои интересы только после усиленной обработки со стороны продкомиссаров и коммунистов, да и то не всегда. Ну боялись люди! Сегодня советская власть на коне, а завтра она закончится, и тогда всем и все припомнят... нет уж, лучше в уголке посидеть. Да и власть эта... пес его знает, что за люди, молокососы какие-то, слова говорят такие, что не только мужики, но и сами не понимают, а с народом как обращаются? Глотка – мордобой – револьвер.

В самом пикантном положении оказывался середняк. С одной стороны, он имел несколько лишних пудов хлеба, которые хотел бы продать по вольным ценам. С другой – его благополучие было чрезвычайно зыбким: неурожай, реквизиция лошади, падеж коровы отбрасывали его за черту бедности. И озверевших от голода односельчан он побаивается, и с кулаком ссориться неохота. Трудная жизнь! Но хлеб есть...

Все эти факторы делали социальный состав Советов чрезвычайно пестрым. Сказывалась еще старая общинная привычка выбирать представителями «справных хозяев» – и чем «справнее», тем лучше. С другой стороны, вернувшиеся с фронта солдаты и местные пролетарии тянули в обратную сторону, склоняясь уже к большевистскому подходу. Результаты сложения всех этих векторов бывали самые разные. Своеобразным «чемпионом породы» можно назвать Моноенский волостной Совет Белевского уезда Тульской губернии, который состоял из двух урядников, двух офицеров, одного промышленника и одного торговца. При этом нет никакой гарантии, что в соседнем уезде не выберут в Совет бедных крестьян.

Продовольственное положение населения тоже сказывалось напрямую. Если в волости имелись запасы хлеба, волостные Советы не принимали хлебную монополию и твердые цены, вводили своей волей свободную торговлю, самочинно поднимали нормы потребления. Если хлеба не было, они полностью поддерживали государственную политику – но что толку?

Вторая часть продовольственной политики – внутреннее перераспределение хлебных излишков – тоже реализовывалась с трудом. Если в местном Совете преобладали бедняки, то вопрос решался проще: они точно знали, кто в их деревне голодает, а у кого из односельчан есть хлеб. И, едва услышав от инструктора волшебное слово «реквизиция», приходили и брали, сами или с помощью реквизиционного отряда.

Но таких Советов было мало – крестьяне по старой памяти выбирали «справных» хозяев. Кулаки, попав в Совет, гнули свою линию, первым делом вводя свободную торговлю, и использовали голод для дальнейшего закабаления деревни. Средняки были вроде и не против того, чтобы помогать голодным – кто знает, что с ними самими завтра будет! – но желательно «в добровольном порядке», ибо кто знает – вдруг завтра и у них насчитают излишки, придут и возьмут?

«В волостных Советах середняки выступали сторонниками мирного, традиционного общинного решения проблемы обеспечения хлебом голодающих: путем пожертвований, самообложения, закупки в других губерниях и пр. Так, в Смоленской губернии волостные сходы... выносили постановления, в которых было записано, чтобы каждая деревня сама кормила своих голодающих. „Прокорм за плату, – писали „Известия Смоленского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“ 21 июня 1918 г., анализируя положение в деревне, – кто берет по твердым ценам, а у кого совести меньше – берет с бедняков и подорожсе“».

А если совести совсем мало или вовсе нет? Вот какую сделку с беднотой провернули кулаки на волостном съезде Отъясской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии, и не в апреле, а уже в июле 1918 года:

«Кулаки обещали снабдить хлебом местную бедноту при условии, чтобы в город не ушло ни одно зерно». То есть в качестве платы за помощь предлагали всем жителям оказать сопро-

тивление реквизиционным отрядам. Дальнейшая судьба хлеба понятна – он уйдет спекулянтам по вольным ценам. И вот как выглядела сама помощь:

«План снабжения бедноты хлебом был задуман кулаками чрезвычайно хитро. Они предлагали, при условии отказа бедноты от участия в реквизиции, открыть сбор „пожертвований“ мукой, зерном и деньгами. Собранный по „пожертвованиям“ хлеб будет отпускаться беднякам по карточкам по цене вдвое меньшей, чем цены на вольном рынке, но и вдвое превышающей государственную цену. Обманутый кулаками волостной съезд высказался против реквизиции хлеба в волости»⁵⁷.

Кстати, в случае участия в реквизиции продотряды снабжали бедняков хлебом бесплатно или по ценам, льготным относительно твердых. Интересно, в 1930 году моршанским кулакам припомнили эту историю?

А если у голодных уже нет денег, чтобы заплатить за хлеб? Тогда можно взять что-нибудь другое. Например, земельный надел, только что полученный из рук власти, скот... Наконец, давали в долг, который еще предстояло отработать. Нет, наемный труд запрещен, но ведь батрак – это работник, которому за его труд платят. А насчет отработок долга в законе ничего нет...

Вот классическое для той зимы постановление: *«Княгининский волостной Совет Нижегородской губернии также постановил, чтобы каждое общество само заботилось о своих нуждающихся согражданах и оказывало им продовольственную помощь...»* Казалось бы, хорошо, но... а откуда следует, что данные общества *будут* заботиться? На самом деле сие постановление означает, что волостной Совет попросту сбрасывает со своих плеч заботу о голодающих. Зато о продовольственной политике государства он заботится трепетно. *«В то же время Совет принял наказ ходатайствовать перед уездным съездом об уничтожении всех продовольственных органов, проводящих хлебную монополию, установлении свободной торговли, повышении твердых цен».*

И чем больше хлеба в уезде, тем упорнее и изощреннее сопротивление.

«В 131 волости Вятской губернии, имевшей излишки хлеба, попытки реквизиции были отмечены лишь в 35,1 % волостей. Наиболее активно против хлебной монополии выступали волостные Советы четырех южных, самых хлебных уездов губернии, где излишки хлеба имелись у 50 % крестьян и определялись в 5,5 млн пудов. В Уржумском уезде твердые цены на хлеб признавали лишь 3 волостных Совета, остальные 18 категорически отвергли их, повысив стоимость пуда зерна до 20 руб. (Для сравнения: в августе 1917 г. в Петрограде пуд печеного хлеба стоил около 5 руб. – Е.П.) В Малмыжском уезде... уездный совет не мог наладить снабжение шести голодающих волостей, в то время как мешочники вывезли из уезда около 300 тыс. пудов хлеба. В Яранском уезде лишь 3 из 11 волостных Советов проводили продовольственную политику центра. Уезд, традиционно поставлявший на рынок 1,5 млн пудов товарного хлеба, руководство Совета потребовало перевести из производящих в потребляющие (нахальство – второе счастье. – Е.П.).»

Для поволжских губерний 1917 год был неурожайным. В начале 1918 г. хлеб здесь можно было достать лишь с применением вооруженной силы. На это решился лишь Саратовский губисполком, проведя реквизиции в 59,7 % волостей. За счет внутренних ресурсов губернии было удовлетворено большинство нуждающихся, привозной хлеб распределялся лишь в 14 % волостей... (Интересно, а откуда его привозили? – Е.П.)

Государство пыталось получить хлеб в обмен на товары. Это был единственный способ избежать обострения ситуации. В апреле для расширения товарообмена с деревней Совнарком отпустил Наркомату продовольствия товаров первой необходимости на 1162 млн руб. За эти товары власти рассчитывали получить 230 тыс. вагонов (230 млн пудов) продоволь-

⁵⁷ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. Л., 1941. С. 26.

ствия. Однако товарообмен дал лишь 6,7 % от ожидаемого. Советы не сумели организовать обмен товаров на хлеб. К тому же большая часть товаров попала в руки противников советской власти, поскольку была направлена в наиболее хлебные районы страны, вскоре захваченные контрреволюционными силами»⁵⁸.

Как видим, попытка наладить бартерную торговлю увенчалась полным крахом. Оставалось лишь упорно отстаивать хлебную монополию, расплачиваясь давно уже почти ничего не стоящими бумажками. Как относились к этому владельцы хлебных запасов? Ясно как – отрицательно...

«В Воронежской губернии, где имелось 7 млн пудов хлебных излишков, из них 3 млн обмолоченных, крестьяне скормливали хлеб скоту, изводили на самогон, но не давали заготовителям. В Бобровском уезде три дня шло сражение заготовителей с крестьянами, не дававшими вывозить хлеб с сыпных пунктов на железнодорожную станцию. В результате боя было много убитых и раненых. Курская губерния из 16,7 млн пудов излишков за четыре месяца 1918 г. поставила по нарядам центра только 116 вагонов (116 тыс. пудов), в то время как спекулянты и мешочники вывезли из губернии 14 млн пудов хлеба»⁵⁹. Под именем «крестьяне» здесь лукаво прячутся кулаки и немногие богатые середняки – прочие сельские жители не имели хлебных излишков и в этом гешефте не участвовали иначе, как рядовыми исполнителями, чье усердие оплачивалось хлебными подачками.

И все это при том, что нехлебородные губернии голодали, да и во многих хлебородных сеять было нечем, поскольку семена съели зимой.

«В г. Бельске (Смоленская губ.) голодной толпой был расстрелян уездный Совет. В Смоленской губернии толпы крестьян по 300–400 человек производили насилия над продовольственными работниками. В голодающей Калужской губернии крестьяне получали не более 2–3 фунтов хлеба в месяц. Во многих местах к весне были съедены семена, и поля остались незасеянными. Петроградская губерния за четыре месяца получила лишь 245 вагонов хлеба. В Псковской губернии к весне 50 % детей опухли от голода. В поисках хлеба одна деревня нередко обыскивала другую, что приводило к кровопролитным столкновениям»⁶⁰.

Бунтов той зимой было немного, но нападения на отряды уже начались. Вот лишь один пример. В Нижегородской губернии, в Княгининском уезде, работал реквизиционный отряд под командованием некоего коммуниста Павлова. Работал отряд хорошо, умел на своем пути организовать бедноту против кулаков и выполнить задачу. Однако ночью в селе Большое Мурашкино около двухсот человек во главе с местными кулаками и торговцами окружили отряд и расправились с ним. Павлов погиб. Если бы это была реквизиционная команда Добровольческой армии, то на следующее утро от села осталась бы выжженная пустошь, заваленная трупами жителей. Однако Нижегородский губисполком по этому пути не пошел. В село направили усиленный отряд, который провел расследование инцидента. Было расстреляно три человека и четыре арестовано. Кроме того, на кулаков наложили контрибуцию в 600 тыс. рублей. Вообще взыскания с сельских богачей после каждого случая выступления против реквизиций были распространены повсеместно. Оно, конечно, нехорошо брать деньгами за человеческие жизни, да еще на основе круговой поруки... а села жечь лучше, что ли?

Это еще не повстанческое движение, не крестьянская война. Это лишь отдельные выступления, не прикрытые участием масс. И поэтому очень хорошо видно, кто за ними стоит. Бедняку нет резона биться за твердые цены и против хлебной монополии – ведь зерно забирают не у него. Более того, ему с этого зерна и отсыпать могут на бедность.

⁵⁸ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 80–81.

⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Там же.

К весне обстановка еще обострилась. Кулаки не подпускали к своим амбарам учетные комиссии, а если на село приходил отряд, оказывали вооруженное сопротивление. Губернские продкомитеты хлебопроизводящих областей, а также многие уездные, под давлением снизу, отменяли твердые цены, запрещали вывоз хлеба из губерний, вводили свободную торговлю – всяк молодец на свой образец.

Впрочем, отмена монополии, производившаяся местными Советами под предлогом того, что после этого хлеб-де появится в продаже, толку не давала никакого. 4-й Крестьянский съезд Казанской губернии разрешил вольную продажу хлеба. После этого цены тут же взлетели до небес, в деревнях пуд ржаной муки стоил 70–80 рублей, а на рынке хлеба не было. Все вывозили мешочники и спекулянты, ставшие настоящим бедствием. В одну Тамбовскую губернию еженедельно прибывали до 50 тысяч мелких спекулянтов. Они сбивались в стаи, подкупали железнодорожников, нанимали матросов и солдат для охраны своих вагонов, вступали в бой с реквизиционными отрядами.

Весной, на пике голода, началось повсеместное наступление на местную власть. Первые волостные Советы избирались на три месяца, и в марте – апреле как раз подошел срок пере-выборов. Голодающие крестьяне за ничтожные подачки, а то и просто за обещания достать хлеб переизбирали или разгоняли неугодные Советы, передавали власть в деревне кулакам. Голодные толпы громили органы власти.

С переходом местных Советов под контроль кулаков обстановка стала катастрофической. Власть лишалась основного звена в борьбе за хлеб. Надо было срочно искать выход.

К концу весны ситуация была следующей. Для обеспечения населения потребляющих губерний хотя бы на голодном пайке требовалось 35 млн пудов хлеба в месяц. Из деревни удавалось взять 15–20 млн пудов, а до места назначения доходило процентов двадцать – отчасти из-за низкой пропускной способности железных дорог, отчасти и по причине воровства. В конце мая белые захватили основные хлебопроизводящие районы страны, дававшие 85 % товарного хлеба, и стало совсем плохо.

Глава 3. Диктатура хлеба

Если невозможно победить по правилам – надо побеждать, как получится.

Сергей Буркатовский. Вчера будет война

К маю большевики начали понимать, что в демократию, кажется, доигрались – хватит! Дальнейшее народовластие означало хаос и смерть. Надо было либо самоустраняться и бросать страну на произвол судьбы, либо устанавливать диктатуру и брать хлеб военной силой.

О том, насколько остро стояла продовольственная проблема, косвенно говорит тот факт, что в конце мая второй человек в советском правительстве – Сталин – был назначен руководителем продовольственного дела на юге России. Притом, что, право же, он имел чем заняться и в столице.

Линия фронта проходила не между государством и крестьянами, как нас теперь пытаются уверить, – крестьянам самим было жрать нечего. Даже в хлебопроизводящих губерниях, кроме самых богатых, осенью 1918 года по бедности от хлебопоставок были освобождены 50–60 % дворов. Ленин, когда речь зашла о благосостоянии крестьян, предложил установить границу: тех, у кого количество хлеба, с учетом нового урожая, превышает необходимый минимум вдвое и больше (т. е. по 24 пуда на человека), считать... вы думаете, середняками? Ага, конечно! Богатыми он предложил их считать! (Это, опять же, к вопросу об изобилии, в котором купалась Ъ-Россия.)

Линия фронта проходила между государством и держателями хлебных запасов, кто бы они ни были – кулаки, помещики, торговцы и отчасти середняки – но только отчасти: с одной стороны, советская власть велела их беречь, с другой – слишком близко они стояли от того, чтобы спуститься до черты бедности. Один неурожай – и ага...

Причиной конфликта являлись цены – правительство проводило хлебную монополию и устанавливало твердые цены, кулаки и торговцы требовали цен вольных, коммерческих, чего государство, во избежание массовой гибели своих граждан от голода, допустить не могло.

При этом кулаки, даже лишившись земли, сохранили влияние на деревенские дела – и по обычаю, и как владельцы хлеба, инвентаря и рабочего скота. Деревня часто выступала против инициатив властей как единая сила не потому, что интересы ее обитателей совпадали, а потому, что, по поговорке, «придет весна – и ты хлебушка попросишь». А вот когда попросишь, тогда и вспомним, что ты говорил, когда решали насчет хлебных цен.

Естественно, при таких аргументах сельская буржуазия легко захватила власть в местных Советах. Государство лишилось возможности влиять на положение на местах: Советы теперь уже откровенно не подчинялись не только ВЦИК, но даже и губернским властям. К весне деревня собралась, мобилизовалась и начала проводить свою политику: никаких хлебопоставок, даешь вольные цены!

Насколько может быть слепа толпа, мы сами наблюдали во время перестройки. Когда люди, имевшие как минимум среднее образование и соответствующий культурный уровень, поддавались на самые простые и примитивные лозунги, в итоге позволив разграбить и растащить на куски собственную страну. Ведь поддержка реформ была общенародной – помните? А лозунги и идеи? Перспектива свободной торговли яркими тряпками и возможность есть клубнику зимой превозмогли все. Что получилось в итоге, мы знаем.

Так чего же мы, пардон, хотим от мужиков? Даже деревенский кулак, как бы интеллектуальная элита села, не мог объять умом тот простой факт, что вольные цены ведут к вымиранию населения городов. Даже если, в соответствии с Марксом, он готов был взять грех на душу и сохранить свои прибыли такой ценой – то что он будет делать со своим хлебом без промышленных товаров, а пуще того без железных дорог, так что и за границу не вывезешь? А про остальных и речи нет...

Мощь миллионов крестьян была несоизмерима ни с какой военной силой, которую могло выставить новорожденное государство. Если строить нормальный прогноз, из области возможного, что должно было произойти?

Власть еще какое-то время потрепыхается, после чего ее, как говорил в свое время господин Рябушинский, «задушит костлявая рука голода». Допустим, придут белые. Но ведь и они окажутся точно перед той же задачей – кормить армию, кормить города. А поскольку у белых единственной идеологией было стремление загнать на место возмнившего о себе «хама», то на село придут такие реквизиционные команды, после которых о красных продотрядах станут вспоминать с ностальгической слезой. Можно сколько угодно клеймить большевиков за жестокость по отношению к крестьянам – но белые уж всяко не лучше, это доказано неоднократно. Ну а потом – все те же англосаксонские идеалы, только проводимые под дулом пулеметов, и новый виток сословного общества с радостно вспыхнувшим по случаю победы над «хамом» социальным расизмом. Плюс, конечно, «патронат» развитых стран над нашими природными богатствами, отличающийся от колониализма лишь тем, что проводить его будут местные кадры.

Не такой уж это архисложный прогноз, чтобы его не могли выстроить в 1918 году.

У советского правительства было еще одно «обременение» – оно, как народная власть, не могло позволить себе сорваться в массовый террор. Во всех правительственных документах того времени (естественно, не пропагандистских, а реальных) видно, что власть пыталась, по возможности, не допустить насилия над трудящимися. Естественно, сделать это на сто про-

центов было абсолютно невозможно – но представляете, что бы началось, если бы центр не сдерживал⁶¹ местную инициативу?

Задачи эти в полном объеме решения не имели. Можно было попытаться решить их в некоем очень грубом, нулевом приближении – но и для этого большевики должны были извернуться каким-то совершенно уже невероятным образом, придумать что-то экстраординарное.

Они не посрамили честь красного флага, придумали... Им удалось-таки создать механизм – остроумный и достаточно эффективный. Он состоял из трех составляющих: Наркомпрод, Продармия и комбеды.

Главный наркомат

Товарищи крестьяне! Ссыпка хлеба прекратилась. Причины установлены. Вы сознательно не хотите давать хлеба. Мы вас спрашиваем: «Кому вы отказываете в этом необходимом куске хлеба?» Вашим же братьям-крестьянам голодных губерний, тем, которые в силу исторических условий очутились на плохой почве... Затем вы отказываете рабочим, которые работают на фабриках и заводах и которые, в силу существенных социальных условий, вышедши из ваших же деревень... Они мрут в мучительной голодной агонии в Москве и Петрограде, из очереди выносят мертвых и каждое утро в комнатах квартир находят не по одному умершему от голода. Вот кому вы отказываете, запрятав свой хлеб в амбарах.

Из обращения Сердобского уездного исполкома Самарской губернии к крестьянам

...Приехав в начале июня в Царицын, Сталин очень быстро наложил руку на все, что происходило в городе: на дела железнодорожные, советские, военные. По поводу чего много и постоянно говорится о его властолюбии и о недопустимом превышении полномочий. Ничего подобного: он, как руководитель продовольственного дела на юге России, какие бы распоряжения ни отдавал, все равно из рамок бы не вышел. Ибо имел право на все.

За месяц до того, когда казалось, что Гражданская война уже закончилась или вот-вот закончится, и главной задачей советской власти является дотянуть до очередного урожая, нарком продовольствия Цюрупа сделал доклад на заседании Совнаркома и в заключение попросил чрезвычайных полномочий. Через пять дней, 13 мая, он получил то, что просил. Отмеченный этим числом декрет так и назывался: «О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими».

В декрете говорилось:

«Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, тяжкое наследие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожая 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

⁶¹ Сдерживал он конкретно – вплоть до трибуналов и расстрелов. Об аналогичной деятельности белых слышать не приходилось.

Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиришества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти.

На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией.

Ни один пуд хлеба не должен оставаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая.

И это необходимо провести в жизнь немедленно, особенно после оккупации Украины германцами, когда мы вынуждены довольствоваться хлебными ресурсами, которых едва лишь хватает для обсеменения и урезанного продовольствия.

Обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что только при строжайшем учете и равномерном распределении всех хлебных запасов Россия выбьется из продовольственного кризиса, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

1) Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости. Порядок этих заявок определяется Народным комиссариатом по продовольствию через местные продовольственные органы.

2) Призвать всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками.

3) Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, – врагами народа, предавать их революционному суду, заключать в тюрьму на срок не менее 10 лет, подвергать все имущество конфискации и изгонять навсегда из общины, а самогонщиков, сверх того, присуждать к принудительным общественным работам.

4) В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки, после фактического поступления их на ссыпные пункты, и в половинном размере – сельскому обществу. Заявления о сокрытых излишках делаются местным продовольственным организациям.

Принимая затем во внимание, что борьба с продовольственным кризисом требует применения быстрых и решительных мер, что наиболее плодотворное осуществление этих мер требует в свою очередь централизации всех распоряжений продовольственного характера в едином учреждении и что таким учреждением является Народный комиссариат по продовольствию, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет для более успешной борьбы с продовольственным кризисом предоставить народному комиссару по продовольствию следующие полномочия:

1) Издавать обязательные постановления по продовольственному делу, выходящие за обычные пределы компетенции Народного комиссариата по продовольствию.

2) Отменять постановления местных продовольственных органов и других организаций и учреждений, противоречащие планам и действиям народного комиссара.

3) Требовать от учреждений и организаций всех ведомств безоговорочного и немедленного исполнения распоряжений народного комиссара в связи с продовольственным делом.

4) Применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов.

5) *Распускать или реорганизовывать продовольственные органы на местах в случае противодействия их распоряжениям народного комиссара.*

6) *Увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций в случае дезорганизующего вмешательства их в распоряжения народного комиссара.*

7) *Передавать настоящие полномочия (кроме права подвергать аресту, пункт 6) другим лицам и учреждениям на местах с одобрения Совета Народных Комиссаров.*

8) *Все мероприятия народного комиссара, связанные по характеру их с ведомствами путей сообщения и Высшего совета народного хозяйства, осуществляются по совещанию с соответствующими ведомствами.*

9) *Постановления и распоряжения народного комиссара, издаваемые в порядке настоящих полномочий, проверяются его коллегией, имеющей право, не приостанавливая исполнения, обжаловать их в Совет Народных Комиссаров.*

Настоящий декрет вступает в силу со дня его подписания и вводится в действие по телеграфу».

Обратите внимание, о крестьянах здесь речи нет.

Тогда же Наркомпродом были установлены нормы потребления для хлебопроизводящих губерний – тот минимум, который не подлежал реквизиции. Нормы были вполне пристойными: в год 12 пудов зерна и пуд крупы на человека, 18 пудов на лошадь, 9 – на голову крупного рогатого скота, 3 – мелкого. До войны среднее годовое потребление крестьянина составляло от 13,7 до 15,8 пуда на душу – ну так ведь это среднее. У зажиточных крестьян оно было еще выше – до 18 пудов. Наркомпродовские цифры тоже не с потолка взялись – это так называемый «физиологический минимум» довоенного образца. В 1906 году данный уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн человек – хотя в тот год не было войны.

27 мая принят еще один декрет: «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов», определявший структуру органов Наркомпрода и его полномочия. Все учреждения и организации должны были немедленно исполнять распоряжения работников продовольственных органов, последние имели право подвергать аресту и суду дезорганизаторов продовольственного дела, а также применять вооруженную силу. Кроме продовольствия, Наркомпрод ведал снабжением населения другими предметами первой необходимости. Чтобы предупредить ситуацию весны 1918 года и застраховать наркомат от влияния хлеботорговцев, в продорганы производящих губерний вводились представители потребляющих губерний (слово «потребляющие» на языке того времени было синонимом слова «голодающие»), причем на уездном уровне они могли составлять до половины общего числа работников.

Продорганы отвечали за судьбу хлеба начиная от сыпного пункта – за его транспортировку, распределение и пр. Но ведь хлеб надо было на эти пункты еще привезти, изъев его из деревни, – а как это сделать? И вот тут-то большевики придумали совершенно замечательный механизм, сочетание, которое позволяло взять хлеб самым бескровным из всех возможных способов.

Продотряд + комбед в теории...

«Власть» тосковала по «твердыне»,

«Твердыня» плакала по «власти».

К довольству общему – отныне

В одно слились обе части.

Демьян Бедный

Тем же декретом от 27 мая были приведены к одному знаменателю многочисленные разнокалиберные реквизиционные отряды, бродившие по губерниям. Как мы помним, Ленин предлагал «сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны». Ильич, как с ним часто бывало, отмерил на порядок больше, чем отрезали⁶². Естественно, РККА переделывать под добывание хлеба не стали, да и никак было – всю разгоралась Гражданская война.

Власти пошли по другому пути: создание самостоятельных вооруженных сил Наркомпрода. При местных органах наркомата были учреждены продотряды, и практически сразу, в соответствии с ленинской идеей милитаризации продовольственного дела, началось формирование единой Продармии. Продармейцы по своему статусу находились на положении красноармейцев. Как правило, формировались отряды из городских рабочих и крестьян голодающих губерний. Двойной плюс: и безработицу хоть на какой-то процент уменьшали, и уж кто-кто, а эти люди не станут испытывать добрых чувств к укрывателям хлеба, в своем деле они будут последовательны и беспощадны.

Все организованные на местах продотряды направляли сначала в Москву, в распоряжение Наркомпрода, или в Вязьму, где была запасная база Продармии. Там из них формировали продовольственные полки – сперва пехотные, а к середине июня управление Продармии приступило к организации кавалерийских частей и артбригады. Бойцы проходили строевое обучение, получали оружие, агитационную литературу. Естественно, и в Продармии всякое бывало – но все же она являлась, по тем временам, чрезвычайно дисциплинированной и организованной силой. К 15 июня она насчитывала 2867 человек, к 25 июня – 4854, к 5 июля – 6999 и к 15 июля – 9189 человек. 23 июля численность Продармии составила 10 140 человек, из которых около 8 тысяч уже выехали на места.

Обязанности у продотрядов были намного шире, чем у обычных реквизиционных команд. Кроме собственно получения продовольствия они занимались охраной продовольственных грузов, борьбой с мешочниками, подавлением вспыхивающих время от времени мятежей, агитационной работой – в общем, всем, что имело отношение к продовольственной политике. Кроме того, при необходимости они помогали органам власти, а то и заменяли их, при случае участвовали в боевых действиях.

В начале ноября 1918 года в Продармии насчитывалось почти 30 тысяч человек. Затем, поскольку война разгоралась не на шутку, две трети личного состава отправили на фронт. Тут же упали темпы хлебозаготовок, после чего процесс пошел в обратную сторону. На 1 мая 1919 года в рядах борцов за хлеб состояло 25 213, к концу 1919 года – 45 440, и на 1 сентября 1920 года – 77 550 человек. Лишь после перехода к нэпу эта структура была расформирована.

Существовали и продотряды, не входившие в Продармию. В августе вышли декреты, дававшие право на организацию таковых профсоюзам, фабзавкомам, уездным и городским Советам. Половину заготовленного хлеба получала организация, вторую половину – Наркомпрод. На помощь крестьянам в уборку посылались специальные уборочно-реквизиционные отряды. С августа на железнодорожных станциях и пристанях появились и заградительные отряды, конфисковывавшие продовольствие, которое провозили пассажиры сверх установленной нормы. Отличить все эти команды друг от друга достаточно сложно, но когда речь идет о конкретных злоупотреблениях, обычно в них оказываются замешанными как раз местные органы и их вооруженные формирования – чем ниже уровень, тем хуже с кадрами. Хотя, повторюсь, всякое бывало.

⁶² Хотя я подозреваю, что он сознательно предлагал экстремальные решения, по ходу борьбы с которыми Совнарком принимал те варианты, которые в обычной обстановке не прошли бы. В точности так, как директор завода советских времен вдвое завышал смету, ее урезали, и в итоге он получал столько, сколько требовалось.

Собственно, ничего необычного в создании продотрядов нет. Как ни называй реквизиционную команду, без нее не обходится ни одна революция и ни одна серьезная война. Необычным стало то, что продотряды, хоть и являлись внешней вынуждающей силой, должны были опираться не на голое насилие – как, например, реквизиционные команды белых армий – и даже не на насилие плюс агитацию. По задумке, они должны были работать во взаимодействии с местными органами. Но какими? Советы уже один раз не справились, а весной и вообще большей частью перешли под влияние кулаков. Снова устраивать перевыборы? Долго, да и непонятно, чем закончится.

Советская власть пошла по другому пути. 20 мая с докладом о положении Советов в деревне выступил председатель ВЦИК Свердлов. Тогда-то впервые и прозвучал новый курс властей. Свердлов предлагал «разжечь гражданскую войну в деревне», взяв курс на организацию деревенской бедноты, которую можно было бы противопоставить кулакам. Не слишком красиво с точки зрения высокой морали – но, согласитесь, более гуманно, чем порки и расстрелы.

В соответствии с курсом на раскол села (давно уже, кстати, расколотого) 11 июня 1918 года был подписан еще один знаковый декрет того времени – «Об организации деревенской бедноты и снабжения ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Этот декрет положил начало комитетам бедноты, или комбедам, как структуре, на которую могла бы опереться власть в борьбе за хлеб.

«§ 1

Повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, организуемые местными Совдепами, при обязательном участии продовольственных органов и под общим руководством Народного комиссариата продовольствия и Центрального Исполнительного Комитета. Всем Совдепам предлагается немедленно приступить к проведению в жизнь настоящего декрета. Губернские и уездные Совдепы должны принять самое активное участие в организации комитетов бедноты. На губернские и уездные Совдепы возлагается ответственность в равной мере с волостными и сельскими Совдепами за неукоснительное осуществление настоящего декрета.

§ 2

Избирать и быть избранными в волостные и сельские комитеты бедноты могут все без каких бы то ни было ограничений, как местные, так и пришлые, жители сел и деревень, за исключением заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующихся батрацким или наемным трудом и т. п.

Примечание. *Пользующиеся наемным трудом для ведения хозяйства, не превышающего потребительской нормы, могут избирать и быть избираемы в комитеты бедноты.*

§ 3

В круг деятельности волостных и сельских комитетов бедноты входит следующее:

- 1) Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий.*
- 2) Оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев.*

§ 4

Круг лиц, снабжение которых хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями составляет обязанность волостных и сельских комитетов бедноты, определяется самими комитетами.

Примечание. *Постановления, принимаемые в связи с этим волостными и сельскими комитетами бедноты с согласия уездных продовольственных органов, могут отменяться*

высшими продовольственными органами, если они противоречат основным целям организации деревенской бедноты.

§ 5

Образуемые местными продовольственными органами, в зависимости от наличных запасов и от степени нужды населения, особые запасы хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий поступают в ведение волостных комитетов бедноты.

§ 6

Распределение на указанных ниже льготных условиях хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий между деревенской беднотой производится сельскими комитетами по спискам, составляемым ими же и утверждаемым волостными комитетами бедноты.

Примечание. Распределительные списки, составляемые сельскими комитетами бедноты и утверждаемые волостными, могут быть опротестованы уездными и губернскими Совдепами и соответственными продовольственными органами.

§ 7

Распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий производится по нормам, вырабатываемым губернскими продовольственными органами, в строгом соответствии с общими планами снабжения Народного комиссариата по продовольствию и нормами, устанавливаемыми губернскими продовольственными органами.

Примечание. В зависимости от степени нужды в хлебе в потребляющих районах и успешности изъятия хлеба из рук кулаков и богатеев, размеры хлебного пайка, выдаваемого бедноте, могут изменяться в разные периоды распределения губернскими продовольственными органами.

§ 8

Временно, впредь до особого распоряжения народного комиссара продовольствия, устанавливаются следующие правила распределения хлеба:

а) из хлебных излишков, по распределению губернскими и уездными Совдепами и соответственными продовольственными организациями, изъятых полностью из рук кулаков и богатеев и ссыпанных в государственные хлебные запасы до 15 июля с. г., выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам бесплатно, за счет государства,

б) из хлебных излишков, изъятых из рук кулаков и богатеев после 15 июля, но не позднее 15 августа с.г., выдача хлеба бедноте производится по установленным нормам за плату со скидкой 50 % с твердой цены,

в) из хлебных излишков, изъятых из рук кулаков в течение второй половины августа, выдача хлеба деревенской бедноте производится по установленным нормам за плату со скидкой 20 % с твердой цены.

§ 9

Временно, впредь до особого распоряжения народного комиссара продовольствия, устанавливаются следующие основания, на которых волостными комитетами бедноты распределяются предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия:

а) в волостях, где к 15 июля хлебные излишки по определению губернских и уездных Совдепов и соответственных продовольственных организаций окажутся полностью изъятыми из рук кулаков и богатеев, предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия отпускаются бедноте со скидкой 50 % с установленных цен,

б) в волостях, где хлебные излишки будут изъятые из рук кулаков и богатеев к 15 августа, предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия будут отпускаться со скидкой 25 % с установленных цен,

в) в волостях, где хлебные излишки окажутся изъятыми из рук кулаков и богатеев в течение второй половины августа, предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия отпускаются бедноте со скидкой 15 % с установленных цен.

§ 10

В распоряжение волостных комитетов бедноты передаются сложные сельскохозяйственные орудия для организации общественной обработки полей и уборки урожая деревенской бедноты, причем за пользование такого рода орудиями плата не должна взиматься в местностях, где волостными и сельскими комитетами бедноты будет оказываться энергичное содействие продовольственным органам в изъятии излишков из рук кулаков и богатеев.

§ 11

Для осуществления настоящего декрета в распоряжение Народного комиссариата по продовольствию отпускаются необходимые денежные средства в необходимых размерах, по мере надобности, по постановлениям Совнаркома».

Надо сказать, что и комбеды не большевики придумали. Оказавшись перед лицом голода и того, что кулацкие и середняцкие Советы не намерены помогать беднякам, те стали создавать свои организации уже весной 1918 года. Например, в Тверской губернии повсеместно сами собой возникали «комитеты голодных», которые, как могли, помогали в учете и реквизиции хлеба. Такие же организации появлялись и в других губерниях. Возникали солдатские и бедняцкие секции при местных Советах, кое-где организовывались вооруженные отряды. Так что в мае власти ничего не придумали, а просто дали единое название и единообразный статус организациям, которые и до того существовали на селе.

Первоначально обязанности комбедов ограничивались в основном добыванием и распределением продовольствия. Они должны были помогать продорганам в изъятии хлеба у кулаков, за что получали бесплатно или по льготным ценам определенный процент реквизированного хлеба. Комбеды же распределяли продовольствие, предметы первой необходимости, сельхозорудия. Естественно, если бы они действовали сами по себе, на селе началось бы черт знает что либо не произошло бы вообще ничего – в зависимости от конкретной ситуации. Но ведь кроме комбедов существовали еще и продотряды! В этой связке и была изюминка всего замысла.

Работа отрядов, согласно инструкции Наркомпрода, организовывалась следующим образом. Продотряд приходил в деревню, собирал на сход бедняков и бывших фронтовиков и предлагал им избрать комитет бедноты. Населению зачитывали приказ о сдаче всего огнестрельного оружия, под угрозой строгой ответственности, вплоть до расстрела. Все, конечно, не сдавали, однако кое-кто нес. Собранным оружием вооружали бедняков, из расчета от 20 до 50 винтовок на село.

Затем начинался тщательный учет всех запасов хлеба. Из собранного зерна выдавали паек деревенским беднякам из расчета 30 фунтов в месяц на человека. Прочие излишки предписывалось в течение трех дней свезти на ближайший ссыпной пункт, а всякий, кто уничтожит или спрячет хлеб, будет объявлен государственным изменником. (Впрочем, никакой конкретной кары это объявление, по-видимому, не несло.)

Потом отряд уходил в следующую деревню, при этом поддерживая постоянную связь со ссыпным пунктом. Если хлеб не привозили к сроку, отряд возвращался и приступал к реквизиции по заранее составленному списку. В этом случае за хлеб платили половинную цену (уже смягчение по сравнению с ранее принятыми решениями), плюс к тому удерживали плату за провоз его до ссыпного пункта. (Отсюда следует, что объявление государственным изменником было чем-то вроде объявления врагом народа – мерой чисто моральной.) Тем, кто оказывал отрядам вооруженное сопротивление, полагался расстрел на месте. (Хотя в реальности, как мы увидим, и эта мера не применялась.)

Первые два месяца после декрета комбеды организовывались вяло. Мешала, с одной стороны, страда, с другой – резкое обострение Гражданской войны, мобилизация. В общем, не до того было. Однако к августу телега все же сдвинулась, хотя и по весьма извилистой траектории.

...И на практике

*«Пожалуй-ка, дед, на ночевку.
Видать, что намаялся ты».
«Куда я пришел?»
«В Пугачевку».
«А тут?»
Комитет бедноты.
Прохожему утром – обновка,
Одет с головы и до ног.
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.
«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков».
Надевши тулуп без заплатки,
Вздыхнул прослезившийся дед.
«До этого места, ребята,
Я шел ровно семьдесят лет!»*

Демьян Бедный

...Первый петроградский образцовый продотряд работал в Сарапульском уезде Вятской губернии. По подсчетам местных работников, только от урожая 1917 года к лету 1918-го там сохранилось 800 тыс. пудов излишков (всего по губернии – 5,5 млн). Кроме того, оставался хлеб еще предыдущих урожаев, который часто лежал необмолоченным в скирдах – иные насчитывали до 15 лет.

Советы губернии, едва столкнувшись с трудностями в хлебозаготовках, пошли на поводу у держателей хлеба и принялись поднимать закупочные цены, повысив их в итоге в 6–7 раз. Вполне закономерно, ибо в местных Советах преобладали эсеры и меньшевики, стоявшие за свободную торговлю.

Впрочем, кулаки все равно предпочитали продавать хлеб спекулянтам. Те ожидали подхода обозов на станциях и пристанях, превращенных в своеобразные ярмарки, сбивались в вооруженные отряды. Продотряд начал свою работу с реквизиции хлеба у мешочников – за три дня в одном только Сарапульском уезде было конфисковано около 30 тыс. пудов. И лишь затем наступила очередь хлебозаготовок по деревням. Но для начала пришлось заняться Советом.

«С первых же дней приезда в Сарапуль питерским продотрядникам пришлось взять на себя роль, далеко выходящую за пределы хлебозаготовок... На специально созванном заседании Совета с участием представителей фабрично-заводских комитетов один из руководителей выступил с требованием переизбрания Совета. „В Совете не место тем, кто эксплуатирует чужой труд“, – заявил он... 10 июля была образована комиссия по перевыборам Совета, в которую был введен представитель питерского продотряда, фактически руководивший новыми выборами. Часть продотрядников была вынуждена остаться в Сарапуле для партийной и советской работы...»⁶³

⁶³ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. С. 87–88.

Из реплики командира продотряда насчет чужого труда сразу видно, что представлял собой местный Совет. К тому времени держать там подобных депутатов было уже незаконно – в начале июля приняли первую советскую Конституцию. Так что превозмогли, хотя и не без труда.

А в дополнение к прочим радостям бытия уезд был населен инородцами – удмуртами, которые в большинстве своем не говорили по-русски.

Экспессы случались всякие. В одном селе отряд встретили стрельбой. Оказалось, что их приняли за чехословаков – по-видимому, братья-славяне имели к тому времени уже вполне конкретную репутацию. В другом селе, где тоже стреляли, выяснилось, что продармейцев посчитали бандой, которая наведася как раз накануне. Продотрядовцы, разобравшись в инциденте, не стали применять к крестьянам инструкцию о расстреле, а вместо того отправились по следам бандитов, которых сумели изловить, отобрали награбленное, а самих тут же поставили к стенке (в соответствии с декретом «Социалистическое Отечество в опасности!»). После этого хлебозаготовки прошли успешно. Ну и, конечно, самым сильным аргументом было то, что часть собранного хлеба бесплатно выделялась беднякам.

За месяц работы этот отряд заготовил в уезде 63 тыс. пудов хлеба. А всего в Вятской губернии было получено около 500 тыс. пудов.

Второй петроградский продотряд работал в Пермской губернии. Там, по-видимому, провели какую-то подготовительную работу, потому что во многих селах к приходу отряда уже были готовы списки тех, кто прятал излишки. Работа шла более гладко, чем в Вятской губернии, произошло всего одно серьезное столкновение, зато чрезвычайно показательное – во всех смыслах.

Случилось это в одном из сел Камышловского уезда. Продотряд обнаружил у церковного старосты 3 тыс. и пудов пшеницы, хранившейся аж с 1916 года. Хлеб, как явствует из отчета, оплатили по твердой цене и погрузили на подводы. Пока продотрядовцы находились в селе, староста помалкивал, но едва те уехали, как он набатом поднял всю деревню, заявил, что его ограбили и ни копейки не заплатили (как там было на самом деле – Бог знает), а главное – что этот хлеб он и сам собирался бесплатно раздать беднякам. Поверили ему или же нет... но ежели односельчане отбили бы зерно, полностью улизнуть от выполнения обещания староста бы не сумел. А вот отряд, по-видимому, наказа о наделении зерном бедняков не выполнил, за что и поплатился.

Около двух сотен крестьян бросились в погоню за продармейцами. Те, увидев толпу, остановились и послали нескольких товарищей выяснить, что случилось. Едва они приблизились к крестьянам, как из толпы раздались выстрелы, один из бойцов упал. Тогда отряд открыл ответную стрельбу, и толпа тут же разбежалась. Во время перестрелки погиб и сам церковный староста, заваривший эту кашу.

Очень разными бывали местные руководители. Вот, например, весьма колоритный персонаж, встреченный в Вольском уезде Саратовской губернии, – некий Корень, председатель волостного Совета.

«В Барнуковке на общее собрание крестьян, созванное продотрядом, явилось менее 100 человек, тогда как в селе насчитывалось более 1000 дворов. Скоро выяснилась причина этого обстоятельства. Крестьяне в Барнуковке были так терроризированы самоуправством Кореня, что боялись приходить на собрания. В селе свирепствовала нагайка, которая даже как некий символ власти была вывешена на стене в волостном Совете. Процветали незаконные реквизиции и конфискации имущества, беспричинные аресты и т. п. В то же время на полях лежал необранный хлеб...»⁶⁴

⁶⁴ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. С. 149.

Означенный Корень мог бы, конечно, предусмотреть появление продотряда – но не предусмотрел, слишком увлекшись лозунгом о том, что вся власть Советам. За что и поплатился лишением хлебного места и следствием. Чем для него закончилась эта история, авторы донесения не рассказывают, ограничившись тем, что после этих событий в Барнуковке был полностью проведен учет хлеба.

Продотряды помогали крестьянам в уборке и обмолоте. Хозяева не торопились с обмолотом по очень простой причине: хлеб в скирдах трудно учитывать, и почти всегда удавалось преуменьшить его количество, что было выгодно всем жителям деревни. Так, в Булгаковской волости, по уверениям крестьян, урожай составлял не более 24 пудов с десятины, а после обмолота оказалось, что собрали в среднем по 40 пудов.

Впрочем, продотрядам чем только не приходилось заниматься. Мы уже писали о «нормализации» работы совета в Сарапуле. Кроме того, они участвовали в боях с подступающими чехами и беляками, ликвидировали банды, выводили самогонщиков, сражались с мешочниками. Но и это лишь малая часть, ибо инициатива в те времена не наказывалась, а поощрялась.

«Продотряд оказывал огромную помощь комитетам бедноты на первых шагах их деятельности. Комбеды нуждались не только в культурных силах, но и просто в канцелярских работниках, которые могли бы написать нужную бумагу»⁶⁵. Комитеты бедноты горячо брались за дело, но не всегда ясно представляли себе, как практически провести то или иное мероприятие. Естественно, что в начале своей деятельности они целиком опирались на силы продовольственного отряда...

В Ивановской волости с помощью продотряда комитет бедноты произвел учет скота и машин, в Старожуковской взял на учет все мельницы и завод для выделывания кож, в Сосновской петроградские рабочие помогли организовать перепись дров, в Донгузской с их же помощью началась постройка кирпичного завода, в Балтайской волости на мельницах и на маслобойном заводе был организован рабочий контроль. Когда в Березниках владелец взятой на учет паровой мельницы стал саботировать, искусственно снижая ее производительность, комбед установил на мельнице свой контроль, а продотряд выставил для обеспечения контроля вооруженный караул.

Большую работу провел петроградский отряд по организации распределения товаров среди крестьянства. Соль, керосин и другие остродефицитные товары распределялись с участием представителей отряда. В Колоярской волости с помощью отряда комбед организовал советскую лавку. В Караваевской волости рабочие наладили работу в кооперативе, дела которого были совершенно расстроены...

В селе Ключи наладили школьное дело, до прихода отряда школы в названном селе не функционировали... В Барнуковской волости медицинские работники – участники отряда открыли приемный пункт, который обслужил более тысячи больных... Во всех селениях Балтайской волости отряд организовал библиотечки, снабдив их привезенной из Петрограда литературой. Там же были открыты клуб и бесплатная читальня. В селе Нижне-Чернявском, в бывшем помещичьем особняке, продотряд организовал народный дом... продотряд организовал культурно-просветительские общества почти во всех волостных центрах Вольского уезда и во многих деревнях... Культурно-просветительские общества устраивали чтения, концерты с хоровым пением, ставили спектакли и т. д.»⁶⁶

Результат такого комплексного подхода оказался неплохим – там, где этот подход проводился. Даже из центральных продотрядов не все были достаточно дисциплинированы – что уж говорить о местных... В принципе, продармейцев можно понять: для людей из Питера или

⁶⁵ Грамотность крестьян в те благословенные времена была около 30 %, причем, как нетрудно догадаться, посылали детей в школу в основном зажиточные крестьяне.

⁶⁶ Беркевич А. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. С. 150–153.

тем более с севера какая-нибудь Пермская губерния казалась земным раем – жители чистый хлеб едят, во дворах куры бегают, дети вон какие крепкие... Хлеб без примеси в потребляющих губерниях был роскошью, мало кому доступной, не говоря уже об остальных продуктах. Естественно, сопротивление местных жителей хлебозаготовкам вызывало у продотрядников ожесточение – мои детишки с голоду пухнут, а ты, гад, хлеб годами в скирдах держишь... У всякого своя правда, а как ее отстаивали – о том дальше... Само собой, и без мародерства не обходилось.

Но в целом подход, как уже говорилось, оказался продуктивным – хлебозаготовки сдвинулись с места, хотя и недостаточно. Гуманизм властей по отношению к деревне обернулся для городов голодной зимой 1919 года – самой страшной за всю Гражданскую войну. Притом что деревня еще не была разорена, как в дальнейшем, и хлеб имела.

...Если продотряды, организованные из рабочих и неплохо подготовленные, свою роль выполняли, как положено, то с комбедами все оказалось сложнее. Деревенские низы были неорганизованны, малограмотны, забиты, плохо представляли себе, что происходит в стране, и по обычаю верили и подчинялись верхам, а верхи стояли за вольные цены и, стало быть, против большевиков. Самые же активные и грамотные из бедноты, в первую очередь фронтовики, достаточно быстро оказались в армии. Это общий фон, на который наложились еще некоторые специфические факторы.

1. Неудачным оказалось само название. Рожденное в дни острейшей битвы за хлеб, по ходу практической работы оно породило те проблемы, которых большевики с самого начала пытались избежать. Идея Свердлова о разжигании «гражданской войны в деревне» (в переводе с революционно-романтического сленга на обычный язык это означало, что в борьбе за хлеб неплохо бы опереться не на продотряды, а на деревенскую бедноту, противопоставив ее кулакам) была, безусловно, разумна – но где должна пролечь линия фронта?

Линий естественного раскола деревни было несколько, ибо существовало как минимум четыре категории сельского населения. Градация по количеству пашни, лошадей, коров была условной, городской, а в деревне разделяли так: те, кто не мог прокормиться своим хлебом; те, кто мог, но не имел излишков; имевшие излишки трудовые хозяйства – зажиточные середняки; и, наконец, кулаки – сельская буржуазия (правда, последняя граница являлась весьма размытой, и кулаки постоянно «косили» под середняков). Если жить одним годом, то надо брать на вооружение идею Свердлова в чистом виде – организовывать бедноту и с ее помощью проводить хлебозаготовки. Именно так эту идею, кстати, и восприняли на местах. Но если думать о будущем, то не следовало отталкивать тех, кто этот хлеб производит. Пока бедняки развернут производство, страна с голоду вымрет. С кулаками большевикам было явно не по пути, а вот зажиточных крестьян они стремились побереечь, отсечь их от кулаков и по возможности привлечь к сотрудничеству⁶⁷.

Эта двойственность, при революционной активности и самостоятельности всего партийного и советского аппарата сверху донизу, весьма специфическом понимании установок вышестоящих органов, помноженная на закон Мерфи (если указание может быть понято неправильно, оно будет понято неправильно), породила в вопросе о комбедах (как и во многих других) совершенно исключительный хаос.

Естественно, в большинстве мест состав и работу комитетов трактовали сообразно названию. Иначе народ не понимал, к чему огород городить. И вообще, что может быть общего между теми, у кого хлеб есть, и теми, у кого его нет? Сытый голодного не разумеет.

Так, в Северной области съезд губернских комиссаров продовольствия (!) выпустил инструкцию, коей запретил избирать в комбеды крестьян, которые могли прокормиться своим хлебом до нового урожая. (Впрочем, учитывая урожайность северных земель, тех, кто кор-

⁶⁷ Летом 1918 года хлебозаготовки были еще не такими свирепыми, как впоследствии.

мился с пашни, могли и кулаками посчитать – но все же...) Потом инструкцию, естественно, пришлось отменять и голосовать за прямо противоположное. На местах, надо полагать, были в восторге.

Если правительственные чиновники таковы, то что же рядовые граждане?

20 августа свою долю в создание хаоса внес Наркомпрод, издав «Положение о комитетах бедноты», где говорилось, что комбеды должны создаваться сельским сходом, но без участия кулаков, торговцев, попов и интеллигенции. Однако оговорка («за исключением лиц, пользующихся доверием бедноты») сводила на нет всю директиву. Если кулаку не удавалось доказать, что он трудящийся середняк, то он попадал в комитет как лицо, «пользующееся доверием населения». А попробуй не доверься! Хлеба не даст и подкулачников натравит...

Там, где комбед избирался под руководством продотряда, более-менее представлявшего себе политику властей, процесс шел разумно. Но там, где мужички были предоставлены самим себе, дурдом начался конкретный. Луковниковский волостной Совет Старицкого уезда Тверской губернии: получил декрет и заявил, что кулаков в волости нет, поэтому и комбеды без надобности. Деревня Лютивня Дарской волости той же губернии: сход собирался четыре раза и всякий раз вместо выборов комитета занимался гораздо более интересным вопросом дележки поступивших в кооператив товаров. Кроме того, учитывая недавние восстания и кулацкий террор, от бедноты в комбеды шли только самые активные и бесстрашные – а эти качества часто сопровождались фронтовыми привычками и уголовными наклонностями.

«В с. Панове Лукояновского уезда после подавления выступления крестьян 26 августа продотряд собрал контрибуцию в 17 тыс. руб. Из них 10 530 руб. были отданы комбеду, остальные разделены между членами отряда, Совета, военкомата и коммунистами. В Чернухинской волости Арзамасского уезда Нижегородской губернии члены партийной ячейки и Совета незаконно отбирали у крестьян д. Мельниково продукты. Их бесчинства сопровождались пьянством. При голоде в деревне представители власти имели запасы продуктов. Для себя они установили паек в 18 фунтов хлеба в месяц против 13 всем остальным. Негодование крестьян вылилось в „побоище между гражданами и коммунистами“. В этом же уезде председатель Тершевского волостного комбеда Маштаков и агент губпродкома по закупке скота Озерович вымогали взятки продуктами... В Нижегородская губернская конференция РКП(б) признала „икурничество комбедов“ распространенным явлением в губернии»⁶⁸.

Едва закончились выборы, как начались ревизии состава комитетов бедноты, причем велено было переизбирать как те комбеды, где обнаруживались кулаки, так и те, где были одни бедняки. В результате крестьянин уже окончательно переставал что-либо понимать, кроме того, что раньше ему приходилось содержать один орган власти, а теперь два и оба требовали вознаграждения за свой труд с сельского общества, ибо государство на содержание местной власти денег не давало. Тут же возник естественный вопрос: если есть комбед, зачем нужен Совет? Поэтому часто с появлением комитета бедноты он заменял местный Совет. Разница по эффективности невелика – но как быть с Конституцией?

2. Вспомним, по какой причине вообще родилась идея комбедов. Местные Советы, которые после весенних перевыборов во многих местах стали кулацкими, всячески саботировали хлебозаготовки. Изначально предполагалось, что функции комбедов будут достаточно узкими – они станут помощниками комиссаров продовольствия и продотрядов. Но ведь существовали и другие задачи, решение которых Советы саботировали столь же беззаветно, как и хлебозаготовки!

Практически сразу НКВД (который тогда ведал проблемами местной власти) стал использовать комбеды для того, чтобы привести местные Советы хоть к какому-то пониманию

⁶⁸ Осипова Т. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 222–223.

государственной дисциплины. Но и конституционные органы власти (в июле 1918 года был принята первая советская Конституция) сдаваться не собирались.

Во многих волостях инструкторы создавали комбед в противостоянии с Советом. Противостояние было иногда митинговым, а иногда и вооруженным. Представьте себе ситуацию, когда две ветви местной власти идут друг на друга с винтарами? Случалось, что Совет разгонял комбед, а случалось, что назначал туда своих людей. А в соседней деревне комбед разгонял Совет и занимал его место. В одной деревне общинный сход, руководимый местными кулаками, назначал комбед из их людей, а в соседней коммунисты точно так же сажали туда своих и тут же начинали наступление на кулацкий Совет. Уже в августе Московский губернский съезд комбедов постановил: *«Там, где Советы превращаются в орудие эксплуатации трудящихся, попадают в руки кулацких сил деревни, комбеды должны взять власть в свои руки»*. Объяснять им необходимость соотноситься с Конституцией имело не больше смысла, чем в наши дни пытаться отговорить население от покупки контрафакта.

Лозунг «Вся власть комбедам!» был следствием прежней, доконституционной проблемы местной власти. Согласно принятой 10 июля 1918 года первой советской Конституции, избирательных прав лишались (т. е. не могли избирать и быть избранными):

«а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники».

Как видим, середняк, кормившийся своим хлебом и имевший в дополнение к лишней лошади батрака, сюда не попадал, поскольку прибыли из его труда не извлекал, живя своим трудом⁶⁹. Зато кулак теперь не мог быть избранным в Совет. Но проблема осталась почти в полном объеме, поскольку существовала еще его «группа влияния», а также интеллигенция, которая относилась к верхушке деревни и чай пить ходила не к батракам, а партсобрания если и посещала, то эсеровские. Оставалось еще духовенство, настроенное против большевиков отчасти по той же причине, что и интеллигенция, а отчасти повелением вышестоящих иерархов.

Видя такое дело, в ходе осенних перевыборов во многих местах Советы попросту заменили комбедами. В других с их помощью успешно провели выборы, и на селе появились две дублирующие друг друга властные структуры – со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде совершенно экстраординарного бардака, постоянных склок и двойных расходов. Решали эту проблему по-разному, но чаще распускали все же Советы. Новгородский губисполком даже выпустил инструкцию местным Советам – сдать дела комбедам. Видя все это, НКВД пришел в ужас и 26 сентября, рассмотрев этот вопрос на своей коллегии, постановил, что комбеды все же являются продовольственной организацией. После чего повсеместно начались ревизия состояния власти на селе и восстановление Советов.

Так что скучно той осенью не было никому.

Поначалу, несмотря на все издержки, толк от комитетов бедноты был немалый. Они добросовестно помогали производить учет хлеба и выполнение хлебозаготовок, кроме того, проводили земельную реформу, следили за соблюдением закона о социализации земли (в той мере, в какой он вообще мог соблюдаться). Заставляли кулаков возвращать наделы бедноты, выманные голодной весной 1918 года за минимальные хлебные подачки, причем урожай с этих земель тоже причитался законным владельцам. Случалось, вводили трудовую повинность для кулаков, заставляя их обрабатывать бедняцкие и красноармейские наделы.

Красноармейские – понятно: кормилец в армии, а бедняцкие почему, если работник дома? Дело в том, что для обработки земли мало работника – нужны еще лошадь и инвентарь.

⁶⁹ А вот если он отправлял десяток пудов на рынок – вопрос становился философским и решался в зависимости от обстоятельств и личных симпатий.

Не лопатой же поле вскапывать, в самом-то деле... А с лошадьми было плохо. Ленин летом 1918 года включил в число середняцких хозяйства, у которых было по одной-две лошади (еще несколько месяцев назад таковые полагались бедняцкими). Хозяйство с тремя лошадьми даже в хлеботородном Поволжье считалось богатым.

...Новая продовольственная политика оказалась успешной – к концу года удалось поставить под контроль около 70 % волостей хлебных губерний. И в равной мере она была неуспешной, поскольку теперь уже многие комбеды, организовавшись, начали скрывать хлеб, противиться его ссыпке, занижать данные об урожаях. Деньги уже никого не интересовали – крестьянам нужны были товары, которых катастрофически не хватало.

Губернские власти вели разную политику, но сводившуюся в принципе к одному и тому же: товарами премировали за сдачу хлеба. Исключительно высоким показателем являлись 50 % оплаты, средним – 25 %. Причем налицо была социальная неувязка: хлеб сдавали богатые крестьяне, а власть поддерживала бедных. Поэтому товары, как правило, распределялись сельским обществам, а там уже как они сами решат. Или товарами премировали тех крестьян, которые наиболее активно помогали в хлебозаготовках.

Все же за шесть месяцев хлебозаготовок из 12 производящих губерний было получено 67,5 млн пудов хлеба и примерно столько же вывезли частным порядком жители голодающих губерний, которым в течение пяти недель было официально разрешено закупить или выменять на вещи по полтора пуда хлеба на человека. В учете разнорой царил совершенно фантастический, но, по разным данным, от 70 до 85 % товарного хлеба оставалось в деревне. При этом даже в производящих губерниях от хлебосдачи были освобождены около 60 % крестьян, которые сеяли по 3–4 десятины на хозяйство и излишков просто не имели. Так что успех был весьма и весьма относительным.

Удалось решить проблемы местной власти – большинство историков считает, что плохо, но, возможно, причиной такой оценки является недостаток воображения. В начале ноября 1918 года состоялся VI Всероссийский съезд Советов. Предварявшие его губернские съезды отмечали, что новый состав местных Советов способен самостоятельно проводить государственную политику. Впрочем, поскольку перевыборами занимались комбеды, то на самом деле произошло слияние/замещение этих двух органов.

Так что в нулевом приближении комбеды и продотряды свою задачу выполнили – население Советской России кое-как сумело пережить зиму. Что же касается построения нового общества – здесь все было сложнее, в точности по евангельскому тезису о вливании молодого вина в старые мехи. На местах государственную политику понимали сообразно грубому классовому чутью, логике Гражданской войны и собственным шкурным интересам. А куда денешься? Большевикам только предстояло подготовить собственные кадры. Еще очень долго им придется как-то приспособлять к делу людей, выращенных в благословенной Ё-России, которую мы, к счастью для себя, потеряли...

Продразверстка в документах эпохи

*Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей
Простой уставный шрифт.*

Борис Пастернак

1919 год облегчения крестьянам не принес – впрочем, и не мог принести. Легче в стране не стало никому. Война разгоралась, фронты сделались более протяженными, увеличивалась армия. Из городов можно было взять какое-то количество людей, но все остальное – продовольствие, фураж, лошадей – могла поставить только деревня. Причем практически без отдачи,

поскольку превращенная в военный лагерь Советская Россия все свои скудные ресурсы отдавала фронту.

В январе 1919 года была введена продовольственная разверстка. От прежних хлебозаготовок она отличалась тем, что Наркомпрод, исходя из общей потребности страны, определял для губерний твердые задания по всем видам сельхозпродукции, губернии передавали ниже – и так до волостей: как хочешь, так и выполняй. Теоретически по-прежнему около 60 % крестьян были освобождены от продразверстки. Реальность, как водится, теорию корректировала. С одной стороны, богатые крестьяне изыскивали множество способов распределить поставки на всю деревню; с другой – местные власти, попав в клещи – либо не выполнить задание, либо трясти всех, у кого хоть что-то есть, – сплошь и рядом забирали хлеб не только у середняков, но даже и у бедняков.

Вскоре государство объявило монополию на все продовольствие. Мобилизации в РККА шли одна за другой, увеличивались трудовые повинности. Для армии реквизировали лошадей. Правительство, как могло, защищало крестьян – мобилизации подлежали 3-я и далее лошадь в хозяйстве. Но практически это указание не выполнялось, ибо у каждого комэска⁷⁰ была своя экономическая политика, сплошь и рядом отличная от государственной. Кроме того, заменить непригодную для строевой службы лошадь на хорошую он имел право даже в однолошадном дворе, и в результате конское поголовье в деревне стремительно ухудшалось. А ведь лошадь в крестьянском дворе не для эстетики стоит, на ней работать надо. Но попробуй объяснить это означенному комэску!

У белых были те же проблемы – однако они контролировали более богатые области и получали поддержку извне. Красные же могли рассчитывать только на внутренние резервы.

В 1920-м к прочим «радостям» добавился неурожай, охвативший ряд губерний России. Например, в богатейшей Тамбовской губернии задание по продразверстке составило треть общего сбора хлеба, который, в свою очередь, покрывал внутренние потребности губернии лишь на 50 %. И к бабке-гадалке ходить не надо, чтобы понять, что чем больше хлеба вывезут по продразверстке, тем больше придется его ввезти в порядке помощи голодающим. А поскольку население губернии ту зиму пережило, стало быть, либо продразверстка не была выполнена, либо вагоны с хлебом гнали в обоих направлениях. Зато произошло обострение перманентного Тамбовского восстания, на ликвидацию коего пришлось потратить уйму сил и средств.

К счастью, как раз в это время к Советской России присоединились богатые губернии, отбитые у белых, в частности Сибирь. Основная тяжесть продразверстки легла на них. Тамошнему населению это, конечно же, не понравилось – стоит ли удивляться? Так что зима 1920–1921 годов отмечена еще и колоссальным западносибирским восстанием. Впрочем, об этом – чуть позже.

Что же такое была эта постоянно поминаемая большевистская продразверстка? Историческая мифология полагает ее полной реквизицией всего продовольствия у крестьян – как хочешь, так и выживай. На самом деле, конечно, все обстояло совсем не так.

Из постановления Тюменского губисполкома и коллегии губпродкома о разверстке хлеба, фуража и маслосемян⁷¹. 3 сентября 1920 года:

«1. Все количество хлебов, зернофуража и масличных семян подлежит, за исключением нормы, сдаче государству и разверстывается для отчуждения у населения между волостями согласно прилагаемым таблицам...»

⁷⁰ Комэск – командир эскадрона.

⁷¹ До того Тюмень была под белыми и продразверстка в ней не производилась. Так что эти документы – установочные.

4. Все количество хлеба, зернофуража и масличных семян на волость по разверстке должно быть отчуждено у населения по установленным твердым ценам и сдано населением на ссыпный пункт в указанные ниже сроки...

11. К тем волостям, которые имеют излишки и упорно не сдают таковые, по целым волостям и отдельным селениям принимать репрессивные меры в виде ареста председателей, секретарей волисполкомов и сельсоветов за их содействие, и всех отдельных лиц, упорно не сдающих хлеб или укрывающих таковой, арестовывать и препровождать в выездную сессию продовольственного ревтрибунала»⁷².

Как видим, здесь все то же самое – и нормы, и твердые цены. Линия фронта осталась на прежнем месте.

Из инструкции Тюменского губпродкома о проведении хлебофуражной разверстки. 8 сентября 1920 года:

«4. Норма, которую необходимо оставлять при исчислении хлебной разверстки:

а) членам семьи – 13 пуд. 20 ф.⁷³, б) на посев – 12 пуд.⁷⁴, в) рабочим лошадям – 19 пуд., г) жеребят – 5 пуд., д) коровам – 5 пуд., е) телятам – 5 пудов и т. д. (сибирская норма даже больше установленной в мае 1918 года. – Е.П.).

5. После определения по каждому селению в отдельности разверстки члены исполкома выезжают на места в общества и по подворным спискам производят государственную и внутреннюю разверстку на отдельных лиц.

По проведении разверстки составляют именные списки с указанием: какого общества, имя, фамилия, количество подлежащего сдаче хлеба, в чем отбирается подписка, которой определяется срок сдачи... Именной список представляется на ближайший ссыпный пункт, и копия оставляется волисполкому.

6. При исчислении на отдельных лиц допускается оставлять норму для прокормления скота в хозяйстве:

1) от одной до 3 десяти⁷⁵ – на одну лошадь, от 4 до 6 десяти – на одну лошадь и одного жеребенка, от 6 до 10 дес. – на 2 лошади и 2 жеребенка, от 11 до 15 дес. – на 3 лошади и 3 жеребенка и т. д.;

2) норма скоту при одном человеке не оставляется, при 2–3 человеках – на одного теленка, 4–5—6 и 7 – одна корова и один теленок, 8–9—10–11 человеках – на 2 коровы и 2 теленка, 12–13—14 и 15 человеках – 3 коровы и 3 теленка и т. д.»⁷⁶

Процент бедняков в Тюменской губернии неизвестен. Но они имелись, естественно, и их надо было кормить. Поэтому, кроме государственной разверстки, производилась разверстка внутренняя.

Из инструкции Тюменского губпродкома о проведении внутренней хлебофуражной разверстки. 12 октября 1920 года:

«§ 2. По способу обеспечения хлебом население делится на группы:

а) производителей, обеспечиваемых оставлением у них собранных в их хозяйствах продуктов по норме наркомпрода... б) население, проживающее в сельских местностях, но не занимающееся земледелием, в) население, ведущее его в размерах, не обеспечивающих годичную продовольственную потребность хозяйств.

§ 3. Сельское население губернии, не имеющее собственных запасов или обеспеченное ими на срок менее одного года, снабжается... за счет излишков, оставшихся у производителей

⁷² За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сост. д.и.н., проф. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000. С. 30–31.

⁷³ Естественно, на человека.

⁷⁴ На десятину.

⁷⁵ Величина надела.

⁷⁶ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 35.

сверх количества, необходимого для выполнения государственной разверстки и собственного потребления...

§ 6. Параллельно с государственной разверсткой производится разверстка внутренняя, т. е. извлечение излишков, оставшихся у кулака, середняка и бедняка сверх количества по выполнении разверстки и удовлетворении своих нужд по норме.

§ 7. Весь хлеб (пшеница, рожь, овес, ячмень, горох и крупы), оказавшийся в излишках при проведении внутренней разверстки, поступает в волостной кооператив по объявленным твердым ценам на хлеб...

§ 15. Сельсоветы для получения пайка составляют именные списки хозяйств, действительно нуждающихся в хлебе, с указанием количества едоков и количества недостающего хлеба – продовольственного и посевного отдельно – и представляют таковые в волисполкомы...

§ 20. Впредь до организации карточной системы в уезде при каждой выдаче продуктов составляется волкооперативом особый именной список получающих паек, в котором расписываются все получающие продукты...

§ 21. Отпуск продуктов производить строго по установленным нормам – не выше 30 фунтов на едока в месяц – и по установленным губпродкомом твердым ценам»⁷⁷.

Так выглядела государственная политика по отношению к крестьянам образца 1920 года. Впрочем, какая, на фиг, политика! Это практика осажденной крепости: собрать все продовольствие и разделить на всех, чтобы хоть как-то дотянуть живыми до весны...

...Итак, сначала государственное задание, потом внутреннее перераспределение хлеба, чтобы уберечь от голода местное население. По твердым ценам положено сдавать, по ним же – продавать населению. Наверняка кому-то продразверстка была даже выгоднее полной сдачи излишков – если с заданием случился недолет и по его выполнению хлеба и других продуктов оставалось больше нормы. Случалось и обратное – задание бывало непосильным. Что чаще – неведомо, ибо крестьяне, естественно, всегда клялись-божились, что хлеб не уродился, не обмолочен, сдавать нечего и сами они непременно умрут с голоду. Для понимания ситуации: это утверждали все и всегда, вне зависимости от реального количества хлеба. Тем более что в этом был прямой резон: мало кричишь, быстро выполнил задание – того и гляди, еще разверстают за несдавших. Губпродкому так проще...

Так что продработникам приходилось решать сложнейшие экономико-психологические ребусы. А у них за плечами были лет по двадцать пять жизни, из которых от трех до шести приходилось на войну, церковно-приходская школа и либо революционно-огнестрельная честность, либо уголовные привычки, либо обывательское шкурничество. Что хуже – вопрос философский...

Призывать сибирских мужиков к государственному мышлению и рассказывать им о голодающих соотечественниках было равно бесполезно. Хлеб приходилось отбирать силой. Основными допустимыми⁷⁸ карательными мерами являлись: товарная блокада, штрафы, конфискация имущества, потом сюда прибавилось взятие заложников.

Товарная блокада – вещь понятная. Селам, не выполнившим задание по продразверстке, не отпускались промышленные товары. Четвертая мера отражена в следующем документе.

Постановление № 59 губернской контрольно-инспекционной комиссии по проведению продразверсток в Ишимском уезде. Не ранее 21 декабря 1920 года:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены губернской контрольно-инспекторской комиссии по госразверсткам в Тюменской губ. ...составили настоящее постановление на членов Жагринского сельсовета: председателя – Пережогина Александра Даниловича и членов – Пережогина

⁷⁷ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 36–38.

⁷⁸ О недопустимых – в следующей главе.

Павла Еремеевича, Лунева Федора Федотовича и Пережогина Антона, что вышепоименованные граждане, служа в Жагринском сельсовете, до 21 сего декабря⁷⁹ не произвели раскладки разверстки хлеба по отдельным домохозяевам и разложить таковую при требовании губкомиссии отказались. Председатель сельсовета имел в настоящее время немолоченного хлеба 7 овинов, в зерне – 60 пудов, ни одного фунта государству не вывез и вывозить отказался... Также члены Жагринского сельсовета исполнять разверстку категорически отказались.

Губкомиссия постановила: членов Жагринского сельсовета Пережогина Александра, Пережогина Антона, Лунева Федора арестовать и отправить в Петуховскую продконтору на работу в качестве заложников впредь до выполнения всех госразверсток по Жагринскому обществу, потом – члена совета Пережогина Антона – на 14 суток в административном порядке с лишением свободы»⁸⁰.

Ну да, мы-то думали, что если берут заложником, то непременно в концлагерь и непременно расстрел. Как видим, вовсе не обязательно. Интересно, почему Павла не тронули, а Антону присовокупили еще две недели отсидки? Может быть, первый все же решил сдать хлеб, а второй заехал в зубы кому-нибудь из начальства?

К особо упорным и сопротивлявшимся применяли такую меру, как конфискация. Кстати, в чем ее карательный смысл – еще большой вопрос. Вот что написано в распоряжении члена коллегии губпродкома Майерса: «Вы должны твердо помнить, что разверстки должны быть выполнены, не считаясь с последствием, вплоть до конфискации всего хлеба в деревне, оставляя производителям голодную норму».

Ну, и как это прикажете понимать? Чем эта мера отличается от разверстки – там забирают все, кроме нормы, и здесь тоже. Вариант ответа у меня один: за продукты, взятые по разверстке, платят деньги.

Конфискации имущества бывали самые разнообразные. Судя по документам, обычная мера – конфискация четверти имущества, реже – половины. В случае, если человек оказывал вооруженное сопротивление или же организовывал других, могли взять все, но тоже весьма своеобразно.

Из циркуляра Ялуторовского уездного исполкома. 22 февраля 1921 года:

«2) У лиц, принимавших участие в бунте, конфисковать все их имущество...

Примечание: Имущество должно подвергаться конфискации лишь то, которое принадлежит лично участвовавшему в бунте, но не членов его семьи. При невозможности определить, какое имущество является имуществом семьи участника бунта (например, в отношении скота или инвентаря) и необходимо семье для поддержания ее хозяйства, определение причитающейся части семье производится волсполкомом или волревкомом и оставляется семье, а остальная часть конфискуется...»⁸¹

Когда я пытаюсь понять, как это выглядело на практике, воображение мне попросту отказывает.

Куда девали конфискованное? Продовольствие – на склады, в счет разверстки, а со скотом и инвентарем поступали по-разному.

Из доклада уполномоченного Тюменского губпродкома Ф.В. Сигуты. 27 ноября 1920 года:

«Конфискация имущества, согласно приказу № 6, у 39 человек, арестованных за противодействие государственным разверсткам и участие в контрреволюционном выступлении на

⁷⁹ При сроке 1 ноября.

⁸⁰ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 67.

⁸¹ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 256.

этой почве, закончена⁸². Лошади, сани и упряжь из количества конфискованного раздаются Аромашевским ревкомом семьям красноармейцев и беднякам волости»⁸³.

Тут же рядышком стоит и проблема незаконных конфискаций. Если их признавали таковыми (а это случалось довольно часто), то имущество подлежало возврату, и тогда уже вставляли на дыбы получившие его бедняки. Завязывались узелки счетов, которые начнут разрубаться, едва только в Тюмень придет Западно-Сибирское восстание.

Еще одна проблема – хранение. Крестьяне по всей стране были возмущены тем, что отобранный хлеб лежал кучами и гнил. Да, бывало, что лежал и гнил, и взятый скот погибал, и картошка мерзла. Не всегда – но каждый такой случай тысячекратным эхом отдавался по деревням. Конечно же, злобные большевистские власти гноили продовольствие намеренно и от каждого испорченного пуда испытывали большую и черную радость.

Из протокола совещания продработников Ишимского уезда. 23 декабря 1920 года:

«Если так пойдет дело с подачей вагонов и тары, хлеб рискует остаться на ссыпунктах. Принимая во внимание, что хлеб урожая 20 года весьма низкого качества и сыпается со снегом и льдом, потому что не вовремя производится обмолот (а может, еще и чтобы весил побольше? – Е.П.), при дальнейшем отсутствии тары при первой оттепели нам грозит ужасная катастрофа. Хлеб может загореться. И таким путем не исключается возможность, что весь хлеб в количестве до 1,5 млн пудов будет испорчен... Мы даже сейчас не можем сказать с уверенностью, что хлеб уже не горит, так как проверить его при помощи щупа нет возможности, ибо щуп невозможно загнать даже на 3 аршина в глубину, потому что внизу хлеб смерзся...»⁸⁴

А ведь такое безобразие не утаишь, и крестьяне – которые сами и свозят хлеб со льдом, не продотрядовцы же им подкладывают! – тут же начинают кричать, что зерно горит и нечего брать, раз сохранить не умеете.

Еще два документа о некоторых нюансах продработы на стыке отряд – население.

Из доклада члена губернской контрольно-инспекторской комиссии по проведению продразверстки А. Степанова. Ноябрь 1920 года:

«Довожу до вашего сведения, что разверстки по Суерской вол. были совсем приостановлены ввиду того, что продотряд, который работал в здешней волости под руководством тов. Бабкина, совершенно не имел никаких планов работ, а также своей правильной инициативы. Проводились в жизнь повальные обыски, которые не могли дать никаких результатов. Люди набраны большей частью из обывательского элемента, который в деревни вносит полную дезорганизацию. Замечалось пьянство, и некоторые члены отряда были в пьяном виде привязаны гражданами к столу. Отряд простоял два месяца, и, не глядя на приказы, хлеб у крестьян не был обмолочен. Пришлось отряд снять ввиду недоверия к нему...»⁸⁵

Из доклада больше-сорокинского райпродкомиссара А.Ф. Короткова. 27 декабря 1920 года:

«Я... прибыл в Пинигинское общество с отрядом 16 человек и приступил к энергичному выполнению государственных разверсток... которые до сих пор не были изъяты от населения. Но через несколько минут сгруппировалось Пинегинское общество в количестве 200 человек, из них несколько верхами, и подошли к нам с целью запретить нам работать, кричали контрреволюционные слова, опровергали приказы советской власти...»

Кроме того, категорически заявляли нам, что мы вам хлеба вывезти не дадим. И угрожали нам разными случаями, если только не будет вами остановлена работа. Кроме того,

⁸² Там имело место еще и столкновение с продотрядовцами, поэтому такое большое число.

⁸³ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 50.

⁸⁴ Там же. С. 68–69.

⁸⁵ За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. С. 48.

мною несколько раз было предложено собравшимся гражданам, чтобы последние не мешали работать. Но на мои предложения большинство кричали, что убирайтесь, пока не поздно».

В общем, и так плохо, и этак нехорошо. Как хорошо? А податей не платить...

...И опять же историческая мифология говорит, что ликвидация политики продразверстки была мерой вынужденной – не то большевики сами поняли ее бесперспективность, не то крестьянские восстания вынудили Совнарком это сделать. Правда, перед ее отменой произошло еще одно событие – маленькое такое, незаметненькое. И говорить-то – тьфу! – не о чем... Война кончилась!

Но это, опять же, абсолютно ничего не значит, ибо общеизвестно, что в своей политике Совнарком руководствовался исключительно коммунистическими идеями и нутряной злобой.

Итак, весной 1921 года, практически сразу после окончания основных боев Гражданской войны (но никоим образом не вследствие этого, как можно, чтобы вследствие!), продразверстка была заменена продналогом. Теперь у крестьян, уже не за деньги, а безвозмездно, отбирали в качестве налога фиксированную часть урожая, остальной же он мог распоряжаться по собственному усмотрению.

Декрет ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. 21 марта 1921 года:

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так, чтобы покрыть самые необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема, по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем.

4. Налог должен быть прогрессивным; процент отчисления для хозяйств середняков, маломощных хозяев и для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйств в целом, получают льготы по выполнению натурального налога...

7. Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина, и органам Советской власти поручается налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность отменяется.

Для контроля за применением и выполнением налога образуются организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога.

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйствен-

ного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах.

9. Тем земледельцам, которые остающиеся у них после выполнения налога излишки пожелают сдать государству, в обмен на эти добровольно сдаваемые излишки должны быть предоставлены предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря. Для этого создается государственный постоянный запас сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления как из продуктов внутреннего производства, так и из продуктов, закупленных за границей. Для последней цели выделяется часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья.

10. Снабжение беднейшего сельского населения производится в государственном порядке по особым правилам.

Способ исчисления налога был определен в декрете о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена. Кому нужен его точный текст, может обратиться к газете «Известия» от 21 апреля 1921 года. А мы тут, для разнообразия и веселья ради, почитаем его в стихотворной форме, в виде подписей к серии плакатов. Бывали и такие чудеса в нашем искусстве...

Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена

1. Вот налог крестьянский на год:
нынче вдвое меньше тягот.
2. На хозяйство приналяжешь —
втрое легче станет даже.
При разверстке в прошлый год
ведь собрали столько вот.
При разверстке столько отдал
чуть не в половину года.
3. Словом, так или иначе
будут лишки после сдачи.
4. И с картошкой легче много,
вдвое легче от налога.
Меньше этого иль выше
и в картошке будет лишек.
5. Ты картошки этой часть
дома съешь с семейством всласть.
6. А другую часть на воз
навалил и в город сvez.
7. Хоть разверстка была для крестьянства клеткою,
да пришлось установить повинность этакую.
Пришлось такой тяжелой ценой
армию кормить, измученную войной.
8. А вот почему налогу каждое хозяйство радо:
в налоге этом одиннадцать разрядов.
А более правильных расчетов ради
7 групп в каждом разряде.
Если с клеткой способ разверстки схож,

то налог на дворец похож.
77 во дворце покоев.
Ищи помещение, подходящее какое.
А комнат в нем 77.
Справедливое помещение найдется всем.
9. Чтобы взяли все за труд,
ото всех налог берут.
Коль крестьянам город нужен,
дай ему обед и ужин.
10. Чтоб налог вам в тягость не был,
засевайте больше хлеба.
Чтоб росли излишки ваши,
засевайте больше пашни.
11. Чтоб больше положенного не взыскали никакие лица,
установлена точная налоговая таблица.
Способ употребления таблицы таков:
скажем, у тебя 15 десятин пашни на 5 едоков.
12. Значит, десятин на каждого три.
В пятом пункте, трехдесятинник, смотри.
13. Затем прикинь размер урожая.
Скажем, 28 пудов десятина рождает.
Налог твой
тебе укажет разряд второй.
14. По этому разряду
в пятой группе
стоит четыре пуда.
И никто в мире
с десятины не возьмет больше, чем четыре.
А с трех готовь
12 пудов.
15. А сколько всего должны взять?
Помножьте 12 на 5.
Или, если будет 4 с десятины сдаваться,
значит, с пятнадцати десятин
должно 60 государству идти.
16. В свете дурней много больно.
Эти дурни недовольны:
– Чем я больше жну и сею,
тем с моей работой всею
я же больше и плачу.
Я работать не хочу.
Зря не буду тратить труд,
лучше землю пусть берут.
17. Бросить труд расчета нету.
Ты прикинь-ка цифру эту.
При урожае в 58 пудов,
однодесятинник, 3 пуда готовь.
18. А у кого больше 4 десятин,
у того с десятины десять будет идти.

С 4-х же, значит, 40 сдается,
а 198 пудов себе остается.
Хоть три пуда платить и легко,
да остается себе 55 всего.
Больше сеешь – больше дашь,
и остаток больше ваш.
20⁸⁶. Кто не смотрит дальше носа,
засевает только просо.
Хоть раздетым ходит он,
а не хочет сеять лен.
21. Чтоб засеивался лихо,
лен одним,
другим гречиха,
В поощрение при сдаче
могут их равнять иначе.
Льготы все на этот год
вам объявит Наркомпрод.
22. Какой налог лежит на ком?
Размер налога устанавливает волисполком.
А за правильностью смотрит сельский совет.
Если же эти органы работают не по декрету,
то к ответственности привлекают за неправильность эту.
23. Хозяйство, в котором пашни не больше десятины имеется,
с такого хозяина ничего не берется, разумеется.
24. Освобождение других плательщиков
нигде не может быть разрешено,
кроме
как в Совнаркоме.
Если у кого хлеба много,
а налоги платить не хочет,
разумеется, таким в Совнарком не надо лезть.
25. В Совнарком обращаются только тогда,
когда настоящая нужда есть.
Скажем, такая-то деревня внести налог рада,
да хлеб весь перебило градом.
26. Вот такая с бумагою идти может.
С такой Совнарком налог сложит.

Владимир Маяковский

Трудно сказать, как бы выглядели эти исторические документы и появились бы они в этом году вообще, если бы советское правительство имело машину времени или хотя бы дар предвидения. Но не было этого дара, никто еще не знал, каким будет урожай лета 1921 года, и могло показаться, что самое страшное уже позади...

⁸⁶ 19-й рисунок – без текста. Это таблица: сколько вместо ржи можно сдать других продуктов: гречихи, проса и т. д.

«За» и «против»

Почему же обе формулы бессовестны, а не просто ошибочны? Потому что никто – ни Шафаревич, ни Зорькин – ни разу не сказал: в какой из критических моментов после февраля 1917 г. они в реальном спектре политических сил заняли бы иную позицию, чем та, которая победила в проекте советского строя. Вот это было бы честно, поскольку тогда их критика была бы сопряжена с личной ответственностью.

Сергей Кара-Мурза. Советская цивилизация

Политика большевиков – как вообще, так и крестьянская в частности, вызвала бурю негодования. Как в пространстве – от общественности до их собственной партии, – так и во времени – с весны 1918 года и по сей день. Вся эта критика абсолютно верна и бесспорна... если принимать за образец чисто теоретическую модель идеального общества. Так Манилов мог бы критиковать традиционный русский пейзаж за отсутствие пальм, необходимых для его парадиза.

Основной аргумент «за» большевиков – это, конечно, сохраненная ими Россия, через каких-нибудь тридцать лет ставшая из захолустной окраины «цивилизованного мира» одной из двух сверхдержав. Впрочем, не будем обсуждать слона, хотя его многие и не примечают (кому больше нравится образ дуба и свиньи под ним – не возражаю). Поговорим лучше об экспонатах шкафов и витрин.

Я не раз уже сталкивалась с тем, что добросовестные ученые, тщательно собрав множество фактов, делают из них странные, парадоксальные, хотя и идеологически правильные выводы – но как же быть с логикой? При написании этих глав я много пользовалась книгой Таисии Осиповой «Российское крестьянство в революции и Гражданской войне». Тщательно и предельно добросовестно собрав огромное множество фактов, автор, когда доходит до их осмысления, закладывает внезапные виражи, вроде следующего:

«Созданные в соответствии с требованиями партийной программы коммунистов и для достижения их цели – углубления социалистической революции через развитие гражданской войны в крестьянстве – комбеды олицетворяли этот процесс. Императивное осуществление ими доктринальных задач РКП(б) влекло за собой массовые нарушения законности, злоупотребления властью и оружием...»

Ни слова не скажу против последних четырех слов, ибо, как еще Ленин писал, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». То, что у нас считается злоупотреблением, в государстве Российском иной раз бывало обычаем – порка, например, а иной раз прецедентом – что такое столыпинское «усмирение», если не разрешенное свыше злоупотребление властью и оружием? Не говоря уже о войне как таковой, которая шла к тому времени почти четыре года. Оставим даже в стороне тот факт, что о законности говорить не приходится, ибо законов в России образца 1918 года просто-напросто не существовало: царские отменены, новые не написаны. Но на многих страницах наглядно показывать, что комбеды были созданы как инструмент реализации продовольственной политики, – и вдруг свернуть на какие-то «доктринальные задачи»... Из доктринальных задач партии немедленной реализации в то время подлежала разве что мировая революция!

Читаем дальше. «Замена крестьянских Советов приводила к изоляции власти, сужению ее социальной базы...» – притом что несколькими десятками страниц выше автор так художественно описывала обстановку в деревне и превращение крестьянских Советов в кулацкие! О сужении социальной базы речи идти не могло, она и так была уже некуда – кулаков, согласно данным того же автора, было не больше 5 % населения, а контингент комбедов, даже при непра-

вильном толковании этого слова и в самых богатых уездах самых богатых губерний – не менее 25 %, а в среднем больше 50 %.

Это не говоря о том, что с местной властью, во время войны встающей в контры правительству, в любом нормальном государстве расправились бы скоро и сурово. Извините, то, что большевики называли диктатурой, на деле являлось демократией суперплюс: три совершенно демократические структуры – Советы, комбеды и партия – поочередно использовались для приведения друг друга в чувство.

«Комбеды, опираясь на вооруженную силу продотрядов, разрушали вековой уклад крестьянской жизни, внедряли силовой принцип решения неотложных вопросов на основе пресловутой уравнительности. Комбеды превращались в военную форму диктатуры коммунистов в деревне».

Любопытное наблюдение! Вековой уклад крестьянской жизни – это община, которая как раз и строилась на принципах уравнительности. Разрушать ее начал Столыпин, именно его реформы укрепили класс сельской буржуазии, который называли кулаками, вывели его за пределы общины. А большевики, нанося удар по кулаку, не разрушали, а, наоборот, возрождали этот самый вековой уклад, ликвидируя последствия реформы, – потому-то они и преуспели в своем расколе села. Другое дело, что аграрный сектор этот путь заводил в тупик, но ни о каком разрушении устоев не было и речи.

В чем причина того, что серьезный ученый столь явно не дружит с собственными фактами? Неужели такова зашоренность сознания? Или же эти выводы – просто ритуальная фраза, вроде того, как несколько раньше ссылались на очередной съезд КПСС? Иначе не поймут: как же вы так, матушка, такую монографию отгрохали, а большевиков ни разу не пнули? Нехорошо сие, ненаучно...

* * *

Ну а что касается Гражданской войны – так товарищ Свердлов немного отстал от хода событий. Гражданская война в деревне уже год как шла, большевики лишь опустили железный кулак на чашу весов – а кто может запретить власти действовать силой? Особенно тогда, когда ее слова нарочито игнорируются.

Впрочем, и в самой партии, и вне ее, как водится, имели место голоса «против». Еще на обсуждении доклада Цюрупы выступил Рыков, который назвал насилие в области экономической политики безумием и предложил применить экономические меры. За неимением лучшего именно Рыкова сейчас сажают на белого коня и вывозят на сцену как альтернативу злобному большевистскому правительству. Какие же меры он предлагал?

Например, изменить систему оплаты за сдаваемый хлеб, установить премии, привлечь к делу добывания продовольствия кооперацию и частные торговые компании. С точки зрения теории – все правильно. Но если попробовать применить эти принципы к ближайшему рыночку у станции метро, сразу станет ясно, в чем подвох. Добиться успеха на этом пути, не установив закупочные цены выше спекулянтских, невозможно в принципе – конкуренция-с... А значит, государство должно вступить в экономическое соревнование со спекулянтами и тратить на удовлетворение appetитов торговцев хлебом большую часть своего бюджета⁸⁷. Ничего не скажешь – разумно! Именно такая политика в конечном итоге привела к краху Российскую империю – если бы накануне войны и во время оной не потакали спекулянтам, то все могло бы сложиться по-иному⁸⁸.

⁸⁷ Крестьянин-производитель самолично на рынок, как правило, не выходил. Он продавал хлеб перекупщику.

⁸⁸ Впрочем, если бы Николай II не потакал спекулянтам, отречение могло бы состояться еще году этак в 1915-м. Или грибочками бы отравился... Но с большевиками такие номера не проходили – шантажировать себя они не позволяли никогда.

Совершенно умилил работник центральной продовольственной управы А.И. Пучков, выступивший на заседании Делегатского совета большевиков 17 мая 1918 года в Петрограде. Александр Рабинович, суммируя все, что тот сказал, пишет: *«Объясняя причины продовольственного кризиса, Пучков указал на такие факторы, как нежелание крестьян отдавать хлеб в обмен на ничего не стоящие бумажные деньги, транспортные трудности и обструкционизм со стороны антисоветских элементов на всех ступенях процесса заготовления, доставки и распределения продовольствия (добавим сюда еще воровство и бардак. – Е.П.). Не считая возможным решением отмену ограничений свободной торговли и не веря, что можно добыть достаточное количество хлеба с помощью нажима на кулаков, Пучков сделал особый акцент на необходимость производства достаточного количества промышленных товаров для крестьян, создания надежной бартерной системы между городом и деревней, улучшения условий транспортных перевозок и руководства транспортом и создания единой для всей страны классовой системы распределения продовольствия».*

Все, конечно, очень мило и правильно – но каким образом товарищ из продуправы собирався наладить производство товаров для бартера? Впрочем, это не дело продовольственной управы, пусть по этому поводу болит голова у ВСНХ. Но насилие – это не метод!

Аргументы нынешних экономистов ничем от вышеизложенных не отличаются. Все они являются сугубо либеральными и основаны на понимании частной собственности как священной категории. Здесь с большевиками расхождение принципиальное и неустранимое, поскольку они частную собственность признавать священной отказывались наотрез, право населения страны на жизнь ставили выше любых экономических прав и с собственностью не церемонились. Пообещав защищать неимущее население России от голодной смерти, большевики именно это и делали – какие к ним могут быть претензии?

Что интересно – этот неустранимый конфликт собственности и жизни увидел, понял и сформулировал такой незаурядный церковный деятель, как митрополит Сергей Страгородский. В 1924 году, в послании по поводу созыва Поместного собора он внимательно рассмотрел вопрос о собственности⁸⁹.

«...Занимать непримиримую позицию против коммунизма, как экономического учения, восставать на защиту частной собственности для нашей православной (в особенности русской) церкви значило бы забыть свое самое священное прошлое, самые дорогие и заветные чаяния, которыми, при всем несовершенстве повседневной жизни при всех компромиссах, жило и живет наше русское подлинно православное церковное общество».

Несколько неожиданный подход, не правда ли? По крайней мере, неожиданный для тех, кто не читал Евангелия. Не зря же тема «большевики, собственность, христианство» тщательно обходится всеми церковными и околоцерковными обличителями советской власти, которые больше уделяют внимания явлениям внешним, вроде переделки храмов под овощехранилища, а не соответствию коммунистических идеалов Нагорной проповеди.

Тут надо понимать: взгляд на советскую историю, возобладавший в этих кругах сейчас, – это взгляд Зарубежной церкви, церкви эмигрантской России, той России, которая до сих пор не может забыть – и, наверное, никогда не сможет! – национализированных поместий, заводов и привилегий. Впрочем, и потерянная церковная собственность ни в коей мере не прибавляла иерархам любви к большевикам. Но была и Церковь, принявшая советскую власть, и аргументы «за» как раз и высказал митрополит Сергей:

«Что этот строй не только не противен христианству, но и желателен для него более всякого другого, это показывают первые шаги христианства в мире, когда оно, может быть,

да и свергнуть тоже не удалось.

⁸⁹ Митрополит Сергей (Страгородский). Православная Русская Церковь и советская власть (к созыву Поместного Собора Православной Церкви). <http://chri-soc.narod.ru/III.htm>

еще не ясно представляя себе своего мирового масштаба и на практике не встречая необходимости в каких-либо компромиссах, применяло свои принципы к устройству внешней жизни первой христианской общины в Иерусалиме, тогда никто ничего не считал своим, а все было у всех общее (Деян. IV, 32). Но то же было и впоследствии, когда христианство сделалось государственной религией, когда оно, вступив в союз с собственническим государством, признало и как бы осватило собственнический строй. Тогда героизм христианский, до сих пор находивший себе исход в страданиях за веру, начал искать такого исхода в монашестве, т. е. между прочим в отречении от собственности, в жизни общинной, коммунистической, когда никто ничего не считает своим, а все у всех общее. И, что особенно важно, увлечение монашеством не было достоянием какой-нибудь кучки прямолинейных идеалистов, не представляло из себя чего-нибудь фракционного, сектантского. Это было явлением всеобщим, свойственным всему православно-христианскому обществу. Бывали периоды, когда, по фигуральному выражению церковных писателей, пустели города и населялись пустыни. Это был как бы протест самого христианства против того компромисса, который ему пришлось допустить, чтобы удержаться в своих недрах людей „мира“, которым не по силам путь чисто идеальный. Не возражая против владения собственностью, не удаляя из своей среды и богатых, христианство всегда считало „спасением“, когда богатый раздаст свое богатство нищим. Находясь в союзе с собственническим государством и своим авторитетом как бы поддерживая собственнический строй, христианство (точнее, наша православная церковь в отличие от протестантизма) идеальной или совершенной жизнью, наиболее близкой к идеалу, считало все-таки монашество с его отречением от частной собственности. Это господствующая мысль и православного богослужения, и православного нравоведения, и всего православно-церковного уклада жизни.

...Итак, второе постановление нашего Поместного Собора могло бы быть таким: Решительностью отмечая религиозное учение коммунизма, Священный Собор, однако, не находит непримиримых возражений против коммунизма, как учения экономического, отрицающего частную собственность и признающего все общественное и нужное общим достоянием, ни в Священном Писании, ни в подлинно церковном учении, особенно в учении древней Русской православной церкви, и потому приглашает и благословляет верных чад церкви бедных и немощных, со спокойной совестью без боязни погрешить против святой веры, радостно приветствовать узаконенный Советскою властью в С.С.С.Р. коммунистический строй, а богатых и имущих безропотно, во имя той же веры, ему подчиниться, помня слово Св. Писания, что „блаженнее давать, паче нежели принимать“ (Деян. XX, 35) и что лучше быть обиженным и лишенным, нежели обижать и лишать других „да еже братию“ (I Кор. VI, 7–8).

Так что, если вспомнить причину конфликта деревни и власти, то «справные хозяева», ради прибыли бестрепетно обрекавшие миллионы соотечественников на голодную смерть, ни в коей мере не могут считаться мучениками. Даже если они честно ходили по воскресеньям в церковь и были поддержаны в своей борьбе местным священником, читавшим в этой церкви соответствующие проповеди.

О чем это я? Да все о том же, други, – о вольных ценах...

* * *

Все это были объективные процессы. Страна, и без того не имевшая резервов, истощенная трехлетней войной, с разоренной экономикой, вынуждена была изыскивать силы для другой, еще более тяжелой войны на множестве фронтов.

До сих пор все критики большевиков на вопрос, как решить эти задачи, говорят в один голос: надо было уйти. Пользуясь морскими аналогиями: капитан бедствующего корабля, где спасательных средств не хватает на всех, садится вместе с офицерами в единственную шлюпку и отваливает.

Мило!

Глава 4. Три источника и три составных части крестьянского бунта

– На какой почве помешался принц?

– На датской, на какой же еще?

Уильям Шекспир. Гамлет

Нет, если бы существовали хорошие руки, в которые можно отдать страну – может статься, они бы и ушли. В конце концов, радикальная оппозиция изначально не предназначена для управления государством. Ее назначение – жалить власть предрезающую во все уязвимые точки, а не нести бремя ответственности за державу. Никто не запрягает в плуг собаку, даже если та очень громко лает и хорошо хватает вола за ляжки.

Они могли уйти и под угрозой прямой и неотвратимой смерти – есть ведь свидетельства, что Ленин осенью 1919 года, когда Добровольческая армия подходила к Москве, говорил: мол, документы готовы, что делать, вы знаете, пора расходиться. А может статься, и не говорил он такого никогда... но Деникин до Москвы так и не дошел, теперь уже не проверишь. И, как бы то ни было, команда, брошенная обстоятельствами (или же Божьим промыслом) за штурвал полузатопленной посуды, без мачт и парусов, посреди штормового моря, продолжала как-то крутиться меж волн и рифов.

А задачи были все те же – те, которые оказались не по силам опытному и профессиональному царскому правительству: война, продовольствие, власть. Даже Временное было профессиональнее Совнаркома: пусть в Зимнем мало кто представлял, как надо управлять государством, но у них хотя бы советники и опытный аппарат имелся, а не кучка комиссаров: двадцать с небольшим, церковно-приходская школа, глотка – мордобой – револьвер.

Эти задачи, со всеми утяжелениями войн и революций, рухнули на плечи большевиков – и те не уклонились, хотя не имели представления, как их решать. Отчасти Россию спасло именно это незнание. Возможно, если бы большевики в апреле семнадцатого могли хотя бы на 25 % представить себе, во что ввязываются, – они бы сели в свой вагон, запломбировались изнутри и отправились, куда глаза глядят и рельсы ведут. Но тогда они не знали, а после того, как Сталин в августе семнадцатого во всеуслышание заявил: «Когда мы получим власть в свои руки, организовать ее мы сумеем», – было уже поздно. Оставалось только действовать по заветам Бонапарта: очертя голову кинуться в бой – а там посмотрим...

«На практике это привело к тому, что была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить, – говорил Ленин в докладе на VIII съезде РКП(б), состоявшемся в самое тяжелое время, в марте 1919 года. – Вначале мы смотрели на эти трудности совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедовали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас за то, что мы взяли за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это – смешное обвинение людей мертвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение».

Надо очень четко понимать: большевики действовали методом проб и ошибок, поскольку другого не имели. Кто-то считает, что плохо действовали... но приличной альтернативы пока что ни один фантаст-альтернативщик не предложил. (Маниловские бредни о доблестной русской армии, победоносной войне и стремительно развивающейся промышленности Российской империи не в счет...) В общем, как умели... В исторически обозримом прошлом страна, оказавшаяся в таком состоянии... Да полно, часто ли в исторически обозримом прошлом

какое-либо государство оказывалось одновременно перед лицом войны, разрухи и хаоса и выживало? Разве что Франция времен революции – но в ней и с сельским хозяйством обстояло получше, и война была полегче. А уж какой там гулял террор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.